ПРОИСХОЖДЕНІЕ

КНИГИ

„ЕККЛЕЗІАСТЪ".

Е. ФИЛАРЕТА.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго. Михайловская ул., соб. домъ.

1885.

BV
1755

Оттискъ изъ «Трудовъ Кіевской Духовной Академіи», за 1875 г.

463
32

ОТЪ РЕДАКЦІИ:

Выѣзжая изъ Кіева въ Ригу въ 1878 году, блаженной памяти Преосвященный Филаретъ, бывшій Ректоръ Кіевской Академіи, оставилъ неоконченнымъ начатое имъ еще въ 1874 году сочиненіе: „Происхожденіе книги Екклезіастъ“. На вопросъ: что-же будетъ съ сочиненіемъ? Преосвященный отвѣчалъ, что окончаніе этого труда есть его долгъ, который можетъ считать за нимъ Кіевская Академія, и что онъ не замедлитъ исполненіемъ этого долга.

Къ сожалѣнію, труды по управленію Рижскою епархіею и затѣмъ неожиданная кончина воспрепятствовали Преосвященному Филарету исполнить то, что онъ называлъ своимъ долгомъ. Можно было надѣяться, что между рукописями, оставшимися отъ Преосвященнаго, найдутся хотя черновые наброски, относящіеся къ книгѣ Екклезіастъ, такъ какъ изъ писемъ Преосвященнаго было извѣстно въ Кіевѣ, что онъ не оставлялъ этой работы и будетъ помѣщать свои статьи по прежнему въ Трудахъ Кіевской Академіи. Между тѣмъ, по справкамъ, между рукописями Преосвященнаго не оказалось записокъ о книгѣ Екклезіастъ, какъ не оказалось и другихъ, наиболѣе цѣнныхъ его рукописей, наприм. его общей обширной системы введенія въ священ. книги Ветхаго Завѣта.

Не смотря на то, что сочиненіе Преосвященнаго Филарета о книгѣ Екклезіастъ осталось неоконченнымъ, Кіевская Академія находитъ полезнымъ изданіе сохранившихся съ него немногихъ оттисковъ отдѣльною книгою. Говоря строго, незаконченность этого сочиненія причиняетъ ему только несущественный ущербъ. Сочиненію недостаетъ главы о языкѣ книги Екклезіастъ и разбора находимыхъ въ ней критиками арамеизмовъ, т. е. главы интересной только для спеціалистовъ; главная же и общедоступная часть сочиненія вполнѣ отдѣлана и закончена. Читатель найдетъ въ ней всѣ достоинства отличавшія экзегетическій трудъ Преосвященнаго Филарета о книгѣ Іова: широту экзегетическаго кругозора, независимость сужденій и замѣчательно тонкій анализъ. Издаваемое теперь сочиненіе Преосвященнаго Филарета о книгѣ Екклезіастъ даже превосходитъ его сочиненіе о книгѣ Іова. Проводимые въ этомъ послѣднемъ сочиненіи сложные экзегетическіе пріемы значительно упрощены въ изслѣдованіи о книгѣ Екклезіастъ, и общая мысль автора еще съ большею силою, чѣмъ въ изслѣдованіи о книгѣ Іова, проведена по всѣмъ развѣтвленіямъ сочиненія, не ослабѣвалсь слишкомъ большими задержками по критикѣ чужихъ мнѣній.

Наконецъ издавая сочиненіе Преосвященнаго Филарета о „Происхожденіи книги Екклезіастъ“, Кіевская Академія исполняетъ желаніе его почитателей интересовавшихся видѣть это изданіе и платитъ свою дань признательности и уваженія къ памяти автора, неусыпно заботившагося о процвѣтаніи науки въ Кіевской Академіи и многіе годы стоявшаго на ея стражѣ.

Книга «Екклезіастъ» у евреевъ называется קֹהֶלֶת, въ переводѣ LXX Ἐκκλησιαστής, въ латинской Вульгатѣ Ecclesiastes.

До 17 вѣка книга эта считалась какъ у евреевъ, такъ и у христіанъ, произведеніемъ Соломона, сына Давидова, царствовавшаго надъ Израилемъ въ Іерусалимѣ (Екклез. 1, 1). Произведеніемъ Соломона признавали ее собиратели священнаго канона ветхозавѣтныхъ Писаній, помѣстивши ее рядомъ съ другими двумя произведеніями (Притчи и Пѣснь Пѣсней), носящими на себѣ имя этого царя [1]). Произведеніемъ Соломона считали ее древніе раввины, и, когда въ своихъ сочиненіяхъ приводили изъ нея изреченія, обыкновенно выражались: ועליו אמר שלמה [2]). Равнымъ образомъ и древніе писатели христіанской Церкви, какъ греческой, такъ и латинской, не иначе смотрѣли на книгу Екклезіастъ, какъ на памятникъ мудрости Соломоновой [3]).

---

[1]) Baba Batra 14. b. 15. a.

[2]) Seder Olam Rabba cap. XV f. 41. Сн. Carpzov. Introductio ad libros biblicos V. T. P. II. p. 175. 208. Danto Historia Revel. div. p. 515. Ludvig von Essen, der Prediger Sal. p. 30. Schaffhausen. 1856.

[3]) Св. Аѳанасій (Synops. c. 15), Василій вел. (Homil. V in principio Proverbiorum Salomonis), Григорій Назіанзенъ (Carmen 33 de veris et germanis Scripturae locis), Мелитонъ сардійскій (Epist. ad Onesim. apud Euseb. H. E.

Высказывалось иногда какъ у древнихъ ученыхъ евреевъ, такъ отчасти и у христіанскихъ писателей, сомнѣніе относительно богодухновеннаго достоинства книги Екклезіастъ. Нѣкоторые изъ раввиновъ, находя ученіе ея часто противорѣчащимъ самому себѣ [1]), многія изрѣченія несогласными съ изрѣченіями Давида [2]), противными нравственности и даже еретическими (склоняющимися къ садукейству) [3]), утверждали, что она написана не въ святомъ духѣ (ברוח הקודש), считали ее произведеніемъ не божественнаго вдохновенія а человѣческой мудрости, и потому хотѣли исключить ее изъ канона [4]). Въ церкви христіанской извѣстный епископъ Ѳеодоръ мопсуетскій († 425) высказывалъ тоже мнѣніе, что Соломонъ сложилъ свои Притчи и Екклезіастъ отъ своего только лица для пользы другихъ, non ex prophetiae accepta gratia, sed saltem prudentia humana [5]). Но при всѣмъ этомъ, никто какъ въ синагогѣ іудейской, такъ и въ церкви христіанской, не высказалъ сомнѣнія въ происхожденіи ея отъ Соломона.

Въ первый разъ сомнѣніе это было возбуждено въ 17 столѣтіи голландскимъ ученымъ *Гуго-Гроціемъ* († 1645). Встрѣчая въ книгѣ Екклезіастъ многія слова (multa vocabula), которыя въ священныхъ книгахъ до плѣна вавилонскаго написанныхъ нигдѣ не находятся, а употребляются только у Да-

---

l. IV. c. 25), Іеронимъ (Prolog. comment. in Eccles.), Амвросій (Prooemium in Lucam), Августинъ (De doctrina christ. lib. II, c. 8), Исидоръ (Etymol. l. II. c. 2), Іоаннъ Дамаскинъ (lib. IV de fide, c. 8). также отцы соборовъ Карѳагенскаго III (c. 47) и Лаодикійскаго (c. 59).

[1]) Sabb. 30 b.

[2]) Sabb. 30 a.

[3]) Wa-Iikra rab. c. 28.

[4]) Meg. 7 a, Tosifta Iadaim 3, 5.

[5]) Sever. Binnii Concil. gener. II. 535. 537.

нѣла, Ездры и у халдейскихъ парафрастовъ, *Г. Гроцій* утверждалъ, что книга эта написана гораздо позже Соломона, только подъ именемъ этого царя какъ бы кающагося [1]). Чрезъ 50 лѣтъ мнѣніе Гроція нашло себѣ послѣдователя и защитника въ лицѣ *Герм. фонъ-деръ Гардта*, относившаго происхожденіе книги Екклезіастъ ко времени послѣ плѣна вавилонскаго [2]). Но кромѣ Гардта, всѣ прочіе экзегеты и критики до конца прошлаго столѣтія держались древняго преданія о происхожденіи нашей книги отъ Соломона. *Витсій* († 1708), *Каловій* († 1686) и *Карпзовій* († 1767) опровергали возраженія Гроція противъ древности книги Екклезіастъ, стараясь пріискать для встрѣчающихся въ ней позднихъ словъ корни въ древнѣйшемъ гебраизмѣ, или объясняя ихъ знакомствомъ Соломона съ языкомъ сосѣднихъ народовъ [3]). *Шмидъ* († 1696), *Гейеръ* († 1680), *Рамбахъ* († 1720), *Клерикъ* († 1736), даже ученый *Михаелисъ* († 1791) и *Ванъ-деръ-Пальмъ* († 1784) защищали происхожденіе книги отъ Соломона, ссылаясь на древнее преданіе и на свидѣтельство самой книги о себѣ [4]). За то съ конца прошлаго столѣтія мнѣніе ученыхъ изслѣдователей и экзегетовъ склоняется рѣшительно на сторону Гроція. Полагая первоначально признакомъ поздняго происхожденія кни-

---

[1]) Ego tamen Salomonis esse non puto, sed scriptum serius sub illius regis tamquam poenitentia ducti nomine... Argumentum ejus rei habeo multa vocabula, quae non alibi, quam in Daniele, Esdra et chaldaeis interpretibus reperias. Grotius, Annott. ad Coh. praef. et ad 12, 11.

[2]) De libro Coheleth, ed. 1714. См. *Carpz.* Introd. II, p. 205.

[3]) *Witsii* miscell. sacr. lib. I. p. 227.—*Calov.* Comment. in Eccles. praef. *Carpzov.* Introd. 11, p. 205—209.

[4]) *Seb. Schmidii* comment. in libr. Salom. Koheleth, 1691.—*Geieri* Comment. in Salom. Ecclesiasten 1647.—*Rambachii* Notae uberior. in Ecclesiasten Salom.—*Clerici* Comment. in Eccles.—*I. D. Michaëlis*, Der Prediger Salom. 1760.—*Van-der Palm*, Ecclesiastes philologice et critice illustratus, 1784.

ги Екклезіастъ встрѣчающіеся въ ней позднѣйшіе арамеизмы, экзегеты обратили потомъ критическое вниманіе и на самое содержаніе книги, и, находя въ немъ воззрѣнія и мысли, не свойственныя Соломону и его времени, также—признаки состоянія еврейскаго народа, въ какомъ онъ могъ находиться только послѣ плѣна вавилонскаго, а отнюдь не въ царствованіе Соломона,—намеки и указанія на позднѣйшія историческія событія, пришли къ убѣжденію, что книга эта написана въ періодъ послѣ плѣна вавилонскаго. Это мнѣніе, въ концѣ прошлаго столѣтія поставленное *Дёдерлейномъ* [1]) и *Ейхгорномъ* [2]) на научную почву, въ послѣдующее время принято почти всѣми изслѣдователями и экзегетами [3]), такъ что въ настоящее время можно считать общимъ убѣжденіемъ то, какое высказалъ *Кнобель* [4]) относительно происхожденія нашей книги: «нѣтъ, говоритъ онъ, положенія въ ветхозавѣтной критикѣ столько вѣрнаго, какъ то, что книга Когелетъ (Екклезіастъ) есть произведеніе не соломоновское, а послѣ-соломоновское». Замѣчательно, что самые строгіе представители нѣмецкаго ортодоксальнаго направленія въ области библейской экзегетики, *Генгстенбергъ*, *Геферникъ* и *Кейль* [5]) видѣли въ Когелетѣ только идеально представленнаго Соломона, а книгу носящую его имя считали произведеніемъ позднимъ. Не многіе въ теченіе всего періода, отъ начала настоящаго столѣтія

---

[1]) Salomons Prediger und Hohes Lied mit kurzen erläuternden Anmerkungen v. *I. Chr. Doederlein*, Iena. 1784.

[2]) *I. Gottfr. Eichhorn*, Einleit. in d. A. T. Leipz. 1780—1783.

[3]) См. Введенія въ В. З. *Кейля*, ed. 1873. § 130, s. 407;—*Елика* 1870. § 285. s. 647. 648; *Шрадера* (Де Вемме), 1869. § 347. s. 542.

[4]) Commentar. üb. d. B. Koh. s. 76. Lpz. 1837.

[5]) *Hengstenb.* der. Prediger Salomo, Berl. 1859. *Hävern.* Handb. d. Einleit. in d. A. T. III. § 309. s. 456. *Keil.* Lehrb. d. Einl. in d. A. T. § 130.

до послѣдняго времени, возвышали голосъ въ защиту древняго преданія о происхожденіи нашей книги отъ Соломона (изъ католиковъ *Вельте*, *фонъ-Эссенъ Рейшъ*, изъ протестантовъ *Гаанъ*, *Бёль*, *Гёлеманъ*, *Штиръ* и др.) [1]); но всѣ ихъ усилія возстановить древнее убѣжденіе остаются безуспѣшными; даже историко-филологическое изслѣдованіе *Бёля* объ арамеизмахъ книги Когелетъ [2]), усиливающееся доказать, что эти арамеизмы могли принадлежать Соломону, совершенно исчезаетъ предъ такимъ же новѣйшимъ изслѣдованіемъ Грётца.

По временамъ высказывалось еще среднее мнѣніе, по коему книга Екклезіастъ представляется позднѣйшимъ собраніемъ и совокупленіемъ въ одно цѣлое отрывочныхъ мыслей, разсужденій и мнѣній, изложенныхъ Соломономъ въ разное время его жизни. Этимъ предположеніемъ объясняли усматриваемые въ книгѣ недостатокъ единства, отсутствіе плана и противорѣчія въ сужденіяхъ объ однихъ и тѣхъ же предметахъ; а позднему собирателю соломоновскихъ отрывковъ приписывали встрѣчающіеся въ книгѣ арамеизмы. Такой взглядъ на происхожденіе книги высказанъ *Штейдлиномъ*, *Вистономъ* и др.

Представляли еще книгу Екклезіастъ собраніемъ мыслей, разсужденій, изреченій, гномическихъ стихотвореній древнихъ израильскихъ мудрецовъ, жившихъ въ разное время. Между этими изреченіями нѣкоторыя, можетъ быть, принадлежатъ Соломону. Такимъ составомъ книги объясняли и названіе ея— Kohéleth, разумѣя его въ смыслѣ collector sententiarum. Собраніе этихъ изреченій нѣкоторые приписывали ученой колле-

---

[1]) См. *Keil*. Lehrbuch der historisch-kritischen Einleitung in d. A. T. § 130, s. 407.

[2]) De aramaismis libri Koheleth. Dissertalio historica et philologica, qua librum Solomoni vindicare conatur *Eduardus Boehl* Dr. phil. Erlangae, 1860.

гіи іудейскаго царя Езекіи [1]); обыкновенно же относили его къ временамъ послѣ плѣна вавилонскаго. Такой взглядъ на происхожденіе нашей книги высказывали Дедерлейнъ, Павлюсъ, Нахтигаль, Бертольдъ и др. [2]).

Относя происхожденіе книги Екклезіастъ ко времени послѣ плѣна вавилонскаго, критики и экзегеты далеко расходятся между собою въ точномъ указаніи эпохи ея происхожденія, въ опредѣленіи историческихъ обстоятельствъ, коими вызваны были разсужденія, въ ней излагаемыя. *Гуго Гроцій* полагалъ, что она составлена во время Зоровавеля, и даже по повелѣнію его, не представляя на это другихъ основаній, кромѣ указанія въ 12, 11 на *единаго пастыря* מְרֹעֶה אֶחָד, подъ коимъ онъ разумѣлъ перваго правителя іудеевъ по возвращеніи изъ плѣна вавилонскаго [3]). *Генистенбергъ*, *Геферникъ*, *Кейль* и другіе, по нѣкоторымъ мѣстамъ (8, 3. 4. 10, 4. 8, 9. 9, 16. 3, 16. 5, 7. 4, 1—3. 7, 1. 10, 16—19. 20 и др.) книги заключая, что современное ея происхожденію положеніе народа еврейскаго было весьма печальное и тяжелое, какимъ оно могло быть, по ихъ мнѣнію, во время персидскаго владычества, и, кромѣ того, находя нѣкоторое сродство съ книгою прор. Малахіи (напр. 5, 5 слич. Малах. 2, 7; 7, 16. слич. Мал. 3, 7; 5, 3—5. слич. Мал. 1, 8. 14. и друг.), утверждали, что книга Екклезіастъ написана въ вѣкъ Ездры и Нееміи, и написана съ цѣлію утѣшить и ободрить Израиля, угнетеннаго персидскимъ владычествомъ, вдохнуть мужество къ перенесенію суроваго настоящаго и надежду на лучшее

---

[1]) См. *Fürst.* Der Kanon des A. T. nach den Überlieferungen in Talmud und Midrasch, s. 93. f. *Carpzow.* Introd. II p. 173. 203.

[2]) *Hävernik's* Handbuch der hist. krit. Einl. in d. A. T. Th. 3. s. 436.

[3]) См. у *Карпзов.* Introd. ad. libr. bibl. II. p. 204.

будущее [1]). *Розенмиллеръ*, *Де-Ветте*, *Кнобель*, *Герцфельдъ*, *Мейеръ*, *Бунзенъ*, особенно *Евальдъ*, *Ельстеръ* и *Вайгингъ* относили происхожденіе нашей книги къ концу персидскаго владычества или началу македонскаго, на томъ основаніи, что бѣдственное положеніе еврейскаго народа, представляемое нашею книгою, болѣе соотвѣтствуетъ этому времени, чѣмъ первой половинѣ персидскаго владычества (Ездр. 9, 8. 9),—что въ книгѣ Екклезіастъ замѣтно уже зарожденіе еврейскихъ сектъ, фарисеизма (4, 17—5, 6), саддукеизма (7, 2—6) и ессеизма (9, 2), съ направленіемъ которыхъ она борется,—что въ книгѣ Екклезіастъ вмѣсто духа пророческаго, который давно исчезъ, выступаетъ духъ свободнаго изслѣдованія, сомнѣнія и пытливости, духъ школьнаго формализма, книжничества (слч. 12, 12) и проч. [2]). *Шенкель*, находя въ 10, 16 указаніе на послѣдніе годы Птоломея I Лаги (285—283), который за два года до своей смерти передалъ правленіе младшему сыну своему Птоломею Филадельфу, чѣмъ нарушилъ право первородства и возбудилъ мщеніе въ ближайшемъ наслѣдникѣ престола Птоломеѣ Кенаннессѣ, относитъ происхожденіе нашей книги къ этому времени. Изреченія 10, 16. 17. по его мнѣнію, выражаютъ положеніе дѣлъ въ тѣ два года, когда было два царя въ одной странѣ, старый Лагъ и молодой Филадельфъ, при чемъ первый проводилъ умѣренную частную жизнь, а второй предавался пиршествамъ и разврату [3]). Это же самое мѣсто 10, 16. 17. *Гитцигъ* примѣняетъ къ на-

[1]) *Hengstenberg.* d. Pred. Sal. s. 2—6. Berlin. 1859. *Hävernick*, Handbuch d. hist. krit. Einleitung in A. T. III Th. § 309. s. 456—467. *Keil.* Lehrbuch d. hist. krit. Einleitung in d. A. T. § 130. s. 407. 408.

[2]) *Rosenmüller*, Scholia in V. T. P. IX. Vol. 2. Koheleth Prooem. p. 19—23. *De Wette* Lehrb. d. hist. krit. Einl. § 284. Ausg. 1845. *Ewald*, Die Dichter des A. B. II. s. 269—272. 280. *Elster*, Comment. üb. d. Pred. Sal. s. 7. 8. *Vaihing*, d. Predig. und d. Kohel. s. 51—57.

[3]) *Schenkel* im Bibel—Lexicon. 3 Band, s. 552.

чалу царствованія Птоломея Епифана (204 г.), который по смерти отца своего, Птоломея Филопатора, остался отрокомъ пяти лѣтъ. Распутная женщина, на которую намекается будто бы въ 7, 26., по его мнѣнію, есть Агатоклея, наложница Филопатора; а не большой малолюдный городъ, спасенный мудростію одного бѣдняка отъ нападенія на него сильнаго государя (9, 14. 15), есть малый финикійскій городъ Дора, который въ 218 году до Рожд. Христ. успѣшно защищался противъ Антіоха великаго. Отсюда написаніе книги *Гитцигъ* относитъ прямо къ 204 году до Рожд. Христ. [1]). *Фатке*, представляя, что еврейское племя въ вѣкъ писателя нашей книги терпѣло жестокія притѣсненія отъ царя и народныхъ правителей,—что вездѣ подглядывали и наблюдали за его поведеніемъ и доносили,—что народъ былъ близокъ къ возмущенію,—предполагаетъ, что книга написана во время преслѣдованій іудеевъ сирійцами, въ концѣ 3 вѣка предъ Р. Хр. На томъ же основаніи *Гартманъ* относилъ происхожденіе ея къ періоду Маккавеевъ.—Коротко сказать, изслѣдователи нашей книги находили удобнымъ примѣнять содержаніе ея ко всякому времени послѣ плѣна вавилонскаго.

Что касается лица писателя, то кромѣ Гроція, считавшаго Зоровавеля составителемъ нашей книги, и фонъ-деръ-Гардта, приписывавшаго произведеніе ея Іисусу, сыну первосвященника Іодая, который жилъ во время персидскихъ государей Артаксеркса Лонгимана, Ксеркса, Согдіана и Дарія Нота [2]), почти ни одинъ изъ критиковъ не принималъ на себя разрѣшенія этого вопроса. Мнѣніе *Нахмана Крохмаля* [3]),

---

[1]) Kurzgefasstes exegetisches Handbuch z. A. T. VII. Liefer. Der Prediger Salomo's, Vorbemerkung. 4. s. 122—124.

[2]) См. у Карпзов. Introd. ad. libr. can. V. T. P. II p. 204. 205.

[3]) Kerem. Chemed. vol. V. p. 79.

приписывавшаго произведеніе нашей книги какому-то, никому не извѣстному Соломону, царскому принцу (regulo), жившему въ Іерусалимѣ во время персидскаго владычества, не заслуживаетъ и упоминанія. Общее мнѣніе критиковъ о лицѣ писателя то, что онъ былъ благочестивый и образованный іудей, жившій въ Іерусалимѣ,—и только.

Послѣднее явленіе въ исторіи литературы по нашему предмету въ томъ направленіи, начало которому положено Гроціемъ, представляетъ сочиненіе бреславскаго профессора *Грётца*, вышедшее въ свѣтъ въ 1871 году подъ заглавіемъ: Kohélet—קהלת oder der Salomonische Prediger übersetzt und kritisch erläutert von Dr. H. Graetz, Professor an der Breslauer Universität, Leipzig. 1871. Грётцъ къ опредѣленію времени происхожденія книги Екклезіастъ выходитъ изъ того же взгляда на содержаніе ея, изъ какого выходилъ и Генгстенбергъ, только послѣ—плѣнная, персидская или греческая, эпоха представляется ему очень раннею для написанія книги. По представленію Грётца, авторъ книги питаетъ глубокую ненависть къ существующему управленію, крайне недоволенъ и сильно возмущенъ тогдашней печальной судьбой народа Божія; онъ знаетъ, что всюду разставлены шпіоны и досмотрщики, которыхъ долженъ былъ остерегаться, чтобы не проговориться; изображая не выносимую тираннію царя и возмутительныя злоупотребленія его чиновниковъ, онъ вынужденъ былъ говорить въ загадкахъ, чтобъ его понимали только чрезъ знаки и намеки. Царь этотъ, державшій народъ въ такомъ страхѣ и тираніи, по мнѣнію Грётца, есть не какой-либо иноземный повелитель, но собственный царь іудейскій. Въ царѣ, изображаемомъ въ нашей книгѣ (1, 1. 16. 8, 2. 4. 10, 16—20), Грётцъ видитъ Ирода великаго, на котораго будтобы ясно указывается въ 4, 13. 14. Подъ *умнымъ юношею*, выставляемымъ здѣсь, который *лучше, чѣмъ старый, но неразумный*

царь, Грётцъ разумѣетъ сына Иродова, Александра, который, обвинясь въ (мнимомъ) заговорѣ противъ своего отца (Іосиф. Древности XVI. 1, 2; 4, 3; 5, 1), былъ заключенъ въ темницу и присужденъ къ смерти. Авторъ нашей книги хотѣлъ представить въ ней апологію за этого темничнаго юношу, хотѣлъ высказать предъ судомъ защитительную рѣчь за его освобожденіе, поражая сатирою стараго глупаго царя. Но такъ какъ онъ боялся этого царя, то не смѣлъ выступить съ открытымъ словомъ, чтобы не попасть въ темницу Гиркановъ; отсюда прикровенность въ его рѣчи. Иногда онъ ясно указываетъ на ненавистнаго ему царя и его чиновниковъ, бичуетъ ихъ своими сатирическими укоризнами, хочетъ заставить ихъ чувствовать его болѣзнь, его скорбь, его иронію, но тотчасъ перемѣняетъ свою рѣчь, говоритъ о чемъ-нибудь другомъ, дѣлаетъ явно-спокойныя замѣчанія, съ тѣмъ чтобы ни царь, ни его креатуры не могли понять направленіе его сатиры. Онъ долженъ былъ защищаемаго имъ узника то выводить изъ темницы на свѣжій воздухъ, то опять заключать его. Ясное указаніе на Ирода въ нашей книгѣ Грётцъ видитъ въ томъ, что въ ней часто встрѣчается жалоба на тиранна царя, который происходилъ не изъ наслѣдственной династіи, и что этотъ царь-выскочка (ein Parvenü) называется рабомъ (נער); такимъ образомъ авторъ какъ бы пальцами указываетъ на идумейскаго раба, который былъ навязанъ іудеямъ Римлянами и поступалъ съ іудейскимъ народомъ тирански, съ изысканною жестокостію. Грётцъ столько убѣжденъ въ вѣрности такого изъясненія нашей книги, что удивляется, какъ изслѣдователи доселѣ не пришли къ Ироду, который такъ ясно изображается въ Когелетѣ: *горе тебѣ, земля, когда царь твой рабъ* (נער Гртцъ переводитъ Sklave) *и князья твои обжираются съ утра* (10, 16) [1].

[1]) *Graetz.* Kohelet, Einleitung. s. 11—17.

Представляя апологію за темничнаго наслѣдника престола, авторъ долженъ былъ коснуться и общей характеристики правленія Иродова, характеристики его чиновниковъ, нравовъ современнаго ему общества, богатыхъ и знатныхъ вельможъ, различныхъ партій политическихъ и религіозныхъ, близкихъ ко двору и далекихъ отъ него, а также и современнаго положенія народа Божія, страдавшаго подъ гнетомъ ненавистной и невыносимой тиранніи. Поэтому, книга Екклезіастъ, по мнѣнію Грётца, есть не только политическая сатира на правленіе Ирода, но и сатирическое изображеніе нравовъ его времени [1]).

Въ этомъ направленіи, выходя изъ своей мысли, Грётцъ послѣ введенія, въ которомъ изложено его воззрѣніе на нашу книгу, представляетъ въ своемъ сочиненіи буквальный переводъ ея съ еврейскаго текста, съ подстрочными къ нему обширными примѣчаніями, филологическими, археологическими и историческими.

Сочиненіе Гретца есть одно изъ самыхъ замѣчательнѣйшихъ, какое только явилось доселѣ въ литературѣ по нашему предмету. Много, конечно, произвольнаго, страннаго и даже парадоксальнаго критика укажетъ въ смѣлыхъ и рѣшительныхъ сужденіяхъ Грётца. Достаточно прочитать его основное положеніе: *Когелетъ царь есть Иродъ сынъ Антипатра*, чтобы отвернуться отъ этого поражающаго своею громадною ученостію труда. Но сила его заключается не въ историческомъ объясненіи содержанія нашей книги, а въ филологическихъ изслѣдованіяхъ языка ея. Со времени Гроція, перваго указавшаго въ ней позднѣйшіе арамеизмы, ни одинъ изъ ученыхъ филологовъ не представилъ такихъ наглядныхъ лингвистическихъ данныхъ для доказательства происхожденія ея вообще въ послѣплѣнное время, какія указалъ Грётцъ въ под-

---

[1]) *Graetz.* Kohelet. s. 18. 39.

твержденіе той основной мысли своей, что книга эта могла явиться не прежде, какъ въ концѣ Иродіанской или Гиллелитской эпохи. Въ книгѣ этой Грётцъ указываетъ грецизмы, какъ слѣды позднѣйшаго греческаго вліянія на жизнь и образованіе Іудеевъ, и такіе арамеизмы, какіе встрѣчаются въ произведеніяхъ іудейской письменности уже христіанскаго времени. Тѣ и другіе филологически разобраны Грётцемъ и помѣщены въ двухъ послѣднихъ прибавленіяхъ къ сочиненію, подъ заглавіемъ: Graecismen in Kohelet (s. 179—184) и Glossar (s. 185—200). Пока эти данныя не опровергнуты или не разъяснены научнымъ образомъ, тѣнь Ирода, вызванная Грётцемъ, стоитъ неотразимо подлѣ Когелета, какъ ни страннымъ кажется на простой взглядъ ихъ сопоставленіе.

Изслѣдованіе Грётца остается, однакожъ, доселѣ не разобраннымъ ученою критикою съ тѣмъ вниманіемъ, какого оно заслуживаетъ по своей научной силѣ. Взглядъ Грётца на книгу Екклезіастъ, какъ на изображеніе Иродова времени, бѣгло высказанный имъ еще до выхода въ свѣтъ самаго сочиненія въ Frankel—Graetz, Monatsschrift Iahrg. 1869, былъ разбитъ, или, лучше сказать, осмѣянъ Евальдомъ въ 36 № геттингенскихъ »ученыхъ Извѣстій« Iahrg. 1870. Но само собою понятно, что не могло быть высказано серьезнаго сужденія о предметѣ, котораго еще не видѣлось. Нѣсколько дѣльныхъ замѣчаній на гипотезу Гретца высказано Гитцигомъ, тотчасъ по выходѣ въ свѣтъ сочиненія, въ Zeitschrift für wissenschaftliche Theologie (herausg. von Hilgenfeld) 1871 Iahr., IV Heft. s. 566—575. Въ не большой журнальной статьѣ (Zur Exegese und Kritik des Buches Kohelet) Гитцигъ главнымъ образомъ останавливаетъ вниманіе на изъясненіи Гретцемъ 4, 13. 14.,—мѣста, которое особенно служитъ для экзегетовъ камнемъ претыканія. При помощи филологіи и историческихъ соображеній, онъ старается доказать, что смыслъ этого мѣста

никакъ не можетъ быть примѣненъ къ исторіи Ирода и несчастнаго сына его Александра. Но этимъ, какъ и другими замѣчаніями Гитцига, далеко не удовлетворяется возбужденное Гретцемъ вниманіе къ его оригинальному изъясненію нашей книги. Болѣе обстоятельный разборъ гипотезы Гретца встрѣчаемъ въ изслѣдованіи *Блоха* подъ заглавіемъ: Ursprung und Entstehungszeit des Buches Kohelet, напечатанномъ въ 1872 году въ журналѣ Ieschurun (Zeitschrift für die Wissenschaft des Iudenthums), Heft. II, III und IV, издаваемомъ подъ редакціею бамбергскаго окружнаго раввина Др. Іос. Кобака. Изслѣдованіе это, независимо отъ критическаго направленія его къ сочиненію Гретца, и само по себѣ, какъ имѣющее своею задачею разрѣшеніе того же занимающаго насъ вопроса, заслуживаетъ вниманія съ нашей стороны.

Изслѣдованіе Блоха направлено къ возстановленію древняго почти забытаго новѣйшими учеными преданія о происхожденіи нашей книги. Такъ какъ это преданіе основано на самой книгѣ, которая и въ надписи (1, 1), и въ Епилогѣ (12, 9—14), и въ цѣломъ содержаніи своемъ, показываетъ прямо, что говорящій въ ней Когелетъ есть Соломонъ, *сынъ Давидовъ, царствовавшій надъ Израилемъ въ Іерусалимѣ*; то Блохъ, принимая эти данныя въ самой книгѣ, говорящія о ея происхожденіи, старается возстановить точный смыслъ ихъ, извращенный критикою, считавшею книгу Екклезіастъ произведеніемъ не Соломонова, а позднѣйшаго—послѣплѣннаго времени. По его мнѣнію, мы не имѣемъ права отступить отъ простыхъ и ясныхъ словъ книги до тѣхъ поръ, пока на самомъ дѣлѣ всѣ внутреннія и внѣшнія основанія не укажутъ до очевидности, твердо и рѣшительно, нелѣпость такого пониманія (s. 111). Выходя изъ этой мысли, онъ критически разбираетъ существующія возраженія изслѣдователей противъ простаго и прямаго изъясненія тѣхъ мѣстъ книги, которыя твор-

цомъ ея представляютъ сына Давидова Соломона, и приводитъ читателя къ слѣдующимъ выводамъ: 1) нѣтъ никакихъ основаній, ни внутреннихъ, ни внѣшнихъ, по коимъ слѣдовало бы въ простыхъ и ясныхъ выраженіяхъ о Когелетѣ разумѣть не Соломона, а другое какое либо лице; 2) въ содержаніи книги нѣтъ ничего такого, что̀ противорѣчило бы характеру и исторіи этого царя, царствовавшаго надъ Израилемъ въ Іерусалимѣ, и что̀ было бы не согласно съ исторіею его времени. Такъ какъ изъ всѣхъ гипотезъ о позднѣйшемъ происхожденіи книги Екклезіастъ послѣднею и современною намъ представляется гипотеза Гретца, поражающая смѣлостію своей мысли; то Блохъ съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на ней, посвящая разбору ея почти половину своего изслѣдованія (s. 171—250). Раскрывъ внутреннюю несообразность ея (s. 171—181), Блохъ, затѣмъ, въ самыхъ памятникахъ іудейской письменности указываетъ ясные слѣды существованія нашей книги ранѣе Ирода или по крайней мѣрѣ ранѣе того обстоятельства въ его исторіи (заключенія имъ въ темницу Александра сына своего), по поводу котораго, по мнѣнію Гретца, она написана (s. 186—195). Отвергнувъ, такимъ образомъ, господствовавшее со времени Гроція или, точнѣе сказать, съ конца прошлаго столѣтія, мнѣніе о происхожденіи книги Екклезіастъ въ періодъ послѣ плѣна вавилонскаго, Блохъ высказываетъ потомъ собственное мнѣніе. Книгу Екклезіастъ онъ производитъ отъ Соломона, но такъ впрочемъ, что самому Соломону и въ мысль не приходило писать ее, такъ какъ книга эта отнюдь не допускаетъ признать себя за сочиненіе, составленное по напередъ обдуманному плану (planmässig). Гораздо лучше, думаетъ онъ, полагать, что Соломонъ записывалъ только для себя отдѣльныя, иногда очень различныя замѣчанія, при разныхъ приключеніяхъ жизни и въ разнообразныхъ состояніяхъ души. Отсюда вездѣ въ ней замѣтенъ недостатокъ располо-

женія (disposition); отсюда быстрая перемѣна темъ, безъ всякихъ переходовъ отъ одной къ другой; отсюда, наконецъ, чрезвычайное разнообразіе языка въ отдѣльныхъ частяхъ (stücken) книги. Эти оставшіяся послѣ смерти Соломона замѣчанія позднѣйшій редакторъ собралъ, сложилъ, соединилъ и округлилъ въ одно цѣлое, присовокупивъ къ нимъ отъ себя послѣдніе шесть стиховъ. Кажется даже, что онъ мало удовольствія находилъ въ доставшейся ему задачѣ, которую принялъ на себя только изъ уваженія къ имени Соломона; ему самому страшно было предъ этимъ производящимъ дрожь пессимизмомъ, способнымъ потрясти спокойныя сердца, возжечь борьбу въ иной мирной душѣ. Чувствуя это, онъ какъ будто хотѣлъ извиниться предъ читателемъ, и, чтобы смягчить наше сужденіе о Когелетѣ, которое, на сколько мы узнали бы его изъ этого произведенія, могло быть не въ пользу его, редакторъ повѣствуетъ, что Когелетъ кромѣ того, что былъ очень мудръ, училъ еще народъ и другому знанію, написалъ много Притчей, словъ истины. Вѣроятно также, онъ сдѣлалъ нѣкоторыя измѣненія въ первоначальномъ текстѣ и внесъ свои положенія, изъ коихъ иныя не легко понять. Такая передѣлка, которая тѣмъ радикальнѣе должна быть, чѣмъ позже она послѣдовала, могла и на самомъ языкѣ книги положить колоритъ позднееврейской рѣчи. Когда же именно послѣдовала эта редакція, Блохъ не опредѣляетъ. Полагаетъ, впрочемъ, что она должна произойти ранѣе того періода, когда усилилось въ іудействѣ вѣроузкое книжничество, когда фабрикація догматовъ вошла въ моду и наблюдался строгій судъ надъ свободными сужденіями (s. 228—235).

Изслѣдованіе Блоха, отличающееся исключительно полемическимъ характеромъ, даетъ много дѣльныхъ и основательныхъ замѣчаній противъ утвердившагося убѣжденія ученыхъ изслѣдователей въ происхожденіи книги—Екклезіастъ въ пері-

одъ послѣ плѣна вавилонскаго. Особенно важная заслуга изслѣдованія Блоха въ историческомъ проясненіи послѣдней эпохи царствованія Соломона (s. 128—146). Послѣдніе годы царствованія престарѣлаго Соломона, и по изображенію третьей книги царствъ (гл. 11), далеко не соотвѣтствовавшіе первой половинѣ его, изслѣдователями обыкновенно опускаются изъ виду; и потому, представляя царствованіе Соломона вообще временемъ мирнаго, спокойнаго, самаго цвѣтущаго благосостоянія народа еврейскаго, они считаютъ не естественнымъ слышать изъ устъ мудраго и славнаго царя Соломона такую проповѣдь, въ которой вездѣ сквозитъ мрачный взглядъ на жизнь и существующій въ мірѣ порядокъ вещей, указываются нравственные недуги и безпорядки современнаго общества, предполагается положеніе цѣлаго народа печальное, стѣснительное и тяжелое. Но 1) разбирая возраженія критиковъ, видѣвшихъ въ Когелетѣ только фиктивное представленіе Соломона, Блохъ мало показываетъ научнаго метода въ изъясненіи тѣхъ мѣстъ книги, которыя служатъ предметомъ спора. Его отвѣты на возраженія большею частію походятъ на бѣглыя, отрывочныя замѣчанія, высказываемыя какъ бы случайно, безъ представленія общихъ началъ разсужденія. 2) Показывая, что исторія Соломонова царствованія въ послѣдніе годы его жизни далеко не была такою свѣтлою, какъ обыкновенно думаютъ, Блохъ слишкомъ мало представилъ примѣровъ сопоставленія содержанія нашей книги съ нарисованною имъ картиною положенія дѣлъ въ послѣдніе годы Соломона. Его изслѣдованіе убѣждаетъ насъ, что нѣтъ никакой необходимости обращаться къ послѣплѣнной исторіи еврейскаго народа, для того чтобы отыскать въ ней событія, соотвѣтствующія тѣмъ намекамъ и образамъ, въ которыхъ предносится въ воображеніи читателя современное нашей книгѣ положеніе народа. Но насколько и какъ наша книга служитъ отраженіемъ исторіи Соломона и

его царствованія въ послѣдніе годы, этого Блохъ не представляетъ въ своемъ изслѣдованіи. Это, впрочемъ, и не могло входить въ задачу его изслѣдованія при томъ понятіи, какое онъ самъ имѣетъ о происхожденіи нашей книги. Если книга-Екклезіастъ есть только сводъ различныхъ отрывочныхъ замѣчаній, являвшихся въ умѣ Соломона по поводу разныхъ приключеній жизни и въ разнообразныхъ состояніяхъ души, сдѣланный чужою рукою позднѣйшаго редактора; то, естественно, нельзя и ожидать въ ней цѣльнаго и точнаго изображенія опредѣленной какой—либо эпохи сорокалѣтняго царствованія Соломона, какъ не представляетъ она, по мнѣнію Блоха, и такого цѣльнаго произведенія, которое было бы обработано по напередъ обдуманному плану съ извѣстною мыслію и цѣлію. Отсюда, указаніе Блоха на мрачныя обстоятельства послѣднихъ лѣтъ Соломонова царствованія, приводимое для того, чтобы доказать возможность происхожденія нашей книги не въ тяжелую какую либо эпоху исторіи еврейскаго народа послѣ плѣна вавилонскаго, а и во дни Соломона, при которомъ народъ большею частію благоденствовалъ, не имѣетъ такой силы, чтобы считать книгу-Екклезіастъ несомнѣнно произведеніемъ Соломонова а не другаго времени. 3) Утверждая, что самому Соломону и въ мысль не приходило писать книгу, а онъ оставилъ по себѣ въ своихъ мемуарахъ только отрывочныя замѣчанія, записанныя въ разное время, которыя позднѣйшій редакторъ собралъ, сложилъ, соединилъ и округлилъ въ одно цѣлое, сдѣлалъ нѣкоторыя измѣненія въ первоначальномъ текстѣ ихъ, вставилъ между ними и свои сентенціи, Блохъ не выяснилъ въ своемъ изслѣдованіи, до какой мѣры простиралась эта обработка (Umarbeitung) мыслей или замѣчаній Соломона, чтобы можно было узнать, что именно въ этомъ произведеніи, имѣющемъ для насъ видъ цѣльнаго творенія, принадлежитъ Соломону и что редактору его. Правда, говоря о языкѣ нашей

книги, обилующемъ словами и оборотами арамейской рѣчи, Блохъ указываетъ читателю въ этихъ арамеизмахъ признакъ, по коему можно отличить въ ней принадлежащее самому Соломону отъ не принадлежащаго ему. Признавая тотъ фактъ безспорнымъ, что въ нашей книгѣ находится много арамеизмовъ, словъ и оборотовъ рѣчи, чуждыхъ прочимъ еврейскимъ писателямъ, Блохъ считаетъ ихъ не принадлежащими нашей книгѣ первоначально, а внесенными въ нее позднею рукою редактора. Это, говоритъ онъ, видно изъ того, что во многихъ частяхъ книги языкъ, по сравненію съ другими частями, совершенно чистъ и не отличается отъ языка древнѣйшихъ писателей, даже примѣчается нѣкоторое сходство и сродство языка съ прочими соломоновскими книгами, въ чемъ, прибавляетъ онъ, должны были уступить не только Кейль, Геферникъ и Цоклеръ, но и Ейхгорнъ, Михаелисъ, Евальдъ и Кнобель. Гдѣ Когелетъ говоритъ гномически, гдѣ содержаніе нисколько не предосудительно и редакторъ не находилъ себя вынужденнымъ предпринимать какія либо измѣненія, тамъ стиль его столь кратокъ, выраженіе столь пригоже, что они носятъ характеръ древней поэзіи и отзываются языкомъ Притчей (s. 235). Стало быть, по мнѣнію Блоха, тамъ, гдѣ встрѣчаются въ нашей книгѣ арамеизмы, мы должны видѣть измѣненія, сдѣланныя редакторомъ въ текстѣ Соломоновыхъ замѣтокъ,—измѣненія, простирающіяся не на выраженіе только, но иногда на самую мысль этихъ замѣтокъ, или прямо должны видѣть собственыя его прибавленія, внесенныя въ текстъ Соломоновыхъ замѣтокъ для ихъ округленія и связи, для смягченія рѣзкаго и почему—либо не правившагося редактору содержанія ихъ. Имѣя въ рукахъ такой масштабъ для опредѣленія, что въ нашей книгѣ принадлежитъ Соломону, какъ чистое зерно его мудрости, сохранившееся до насъ безъ всякой порчи и примѣси чужихъ элементовъ, мы могли бы совершенно успокоить

ся въ нашихъ изысканіяхъ, еслибы Блохъ въ своемъ изслѣдованіи отмѣтилъ всѣ тѣ мѣста, которыя подверглись измѣненію со стороны редакціи, или, по крайней мѣрѣ, показалъ нѣсколько примѣровъ приложенія этого масштаба къ дѣлу. Но этого— то мы и не встрѣчаемъ въ его изслѣдованіи. Напротивъ: замѣчаемъ даже, что самъ онъ не убѣжденъ твердо въ высказанномъ имъ предположеніи относительно происхожденія и значенія арамеизмовъ въ нашей книгѣ. Въ другомъ мѣстѣ своего изслѣдованія (s. 228) онъ высказываетъ совсѣмъ другое предположеніе, что эти ново-еврейскія выраженія, формы словъ и обороты рѣчи могутъ быть отнесены на счетъ позднѣйшихъ переписчиковъ (Abschreiber). Предположеніе это не изъ тѣхъ, которыхъ чуждается наука: въ критикѣ библейскаго текста есть общепринятое мнѣніе, что копіисты, при списываніи книги, замѣняли иногда слова первоначальнаго текста другими, которыя ученые книжники ставили на поляхъ, когда хотѣли устарѣвшее или вышедшее изъ употребленія слово объяснить для себя новымъ, употребительнымъ. И эта критическая догадка въ приложеніи къ нашей книгѣ можетъ считаться важною въ томъ отношеніи, что ею разрѣшаются возраженія Грётца противъ древности нашей книги, заимствуемыя изъ аналогіи лингвистическаго характера ея съ характеромъ позднѣйшей, ново-еврейской письменности. Если допустимъ, что всѣ ново-еврейскія выраженія, формы словъ и обороты рѣчи вошли въ текстъ нашей книги разновременно отъ переписчиковъ (если только можно допустить такую мысль во всемъ объемѣ); то гипотеза Грётца о происхожденіи книги Екклезіастъ въ вѣкъ Ирода, основанная главнымъ образомъ на лингвистическомъ характерѣ ея, сама собою разбивается. Но въ такомъ случаѣ, основное предположеніе Блоха о редакціи нашей книги посредствомъ совокупленія отрывочныхъ, разнородныхъ и разновре-

менныхъ замѣтокъ Соломона, будетъ лишено научнаго основанія; въ такомъ случаѣ было бы ужъ послѣдовательнѣе допустить прямо, что книга-Екклезіастъ въ цѣломъ своемъ составѣ, въ какомъ дошла до насъ, написана Соломономъ; только въ теченіи времени языкъ ея подвергся разнымъ измѣненіямъ, сообразно съ употребленіемъ его въ позднѣйшей еврейской письменности. Но Блохъ весьма далекъ отъ той мысли, чтобы книгу-Екклезіастъ въ настоящемъ цѣльномъ составѣ ея признать за произведеніе Соломона. Такимъ образомъ, изслѣдованіе Блоха, коему безспорно можемъ считать себя обязанными за уясненіе, покрайней мѣрѣ съ нѣкоторыхъ сторонъ, несостоятельности господствовавшаго до настоящаго времени мнѣнія о происхожденіи нашей книги въ послѣплѣнный періодъ еврейской исторіи, само не даетъ намъ успокоительнаго отвѣта на трудный вопросъ о происхожденіи ея.

Трудъ Блоха есть послѣдній въ исторіи западной литературы по нашему предмету. Въ отечественной богословской литературѣ можемъ указать только на одно сочиненіе по нашему предмету, имѣющее характеръ ученаго изслѣдованія. Это *Опытъ критико-экзегетическаго изслѣдованія о книгѣ Екклезіастъ*, напечатанный въ »Трудахъ К. Д. Академіи« за 1873 годъ. Хотя задачею своего изслѣдованія авторъ поставляетъ разрѣшеніе общихъ библіографическихъ вопросовъ, относящихся къ опредѣленію внутренняго и внѣшняго характера книги, коимъ должно уясняться самое содержаніе ея, останавливая спеціально свое вниманіе на нашемъ вопросѣ только между прочимъ; но, по тѣсной связи этого вопроса со всѣми другими библіографическими вопросами, указанное сочиненіе даетъ намъ право смотрѣть на него, какъ на научное выраженіе авторомъ своего мнѣнія о происхожденіи нашей книги. Мнѣніе это не отличается въ сущности отъ взгляда на нашу книгу нѣмецкихъ ортодоксаловъ, во главѣ коихъ стоитъ

Генгстенбергъ, и состоитъ въ томъ, что книга-Екклезіастъ не есть произведеніе Соломона, а написана какимъ-либо благочестивымъ хокмимомъ послѣ плѣна вавилонскаго въ утѣшеніе и назиданіе еврейскаго народа, страдавшаго подъ гнетомъ персидскаго владычества, въ вѣкъ Ездры, Нееміи и Малахіи. Мнѣніе это, болѣе всякаго другаго принятое въ настоящее время въ западныхъ школахъ, потому уже должно считаться не состоятельнымъ, что отношеніе персидскихъ государей къ подвластному имъ еврейскому народу, со времени возвращенія его изъ плѣна до послѣднихъ дней Нееміи, въ священныхъ книгахъ изображается совершенно въ противоположномъ видѣ: оно было отнюдь не стѣснительное, а напротивъ благосклонное и благодѣтельное (см. кн. Ездры и Нееміи и вчастности Ездр. 9, 8. 9). Но независимо отъ сего, помянутое сочиненіе имѣетъ то неоспоримое достоинство, что оно представляетъ богатый сводъ когда-либо существовавшихъ воззрѣній на тѣ или другія частныя стороны нашего предмета. Не предполагая въ нашемъ изслѣдованіи входить въ разборъ всякихъ мнѣній по тѣмъ или другимъ частнымъ пунктамъ изслѣдуемаго вопроса, мы напередъ отсылаемъ любознательнаго читателя къ помянутому сочиненію.

Такимъ образомъ, вопросъ о происхожденіи нашей книги остается открытымъ и вызываетъ изслѣдователя на новыя попытки къ разрѣшенію его. Въ предпринятомъ изслѣдованіи своемъ мы намѣрены пересмотрѣть тѣ данныя, какія представляетъ сама книга къ разрѣшенію вопроса о своемъ происхожденіи, и съ критическою строгостію опредѣлить вѣсъ и и значеніе ихъ, чтобы притти къ вѣрному выводу изъ нихъ. Эти данныя, какъ видно изъ исторіи нашего вопроса, сводятся къ двумъ сторонамъ предмета: *къ содержанію книги и языку ея*. Основанія для такого или другаго предположенія о происхожденіи нашей книги изслѣдователи указываютъ либо въ

содержаніи, либо въ языкѣ ея, или въ томъ и другомъ вмѣстѣ. Но, какъ часто бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда предметъ, для сужденія о себѣ, представляетъ двѣ совершенно отличныя стороны, одна сторона приносится въ жертву другой и о предметѣ дается одностороннее сужденіе; такъ и въ нашемъ вопросѣ мы не придемъ къ вѣрному разрѣшенію его, если данныя, представляемыя *содержаніемъ* книги и *языкомъ* ея, не будутъ обслѣдованы особо во всемъ ихъ объемѣ и значеніи, и изслѣдованіе той и другой стороны въ отдѣльномъ видѣ не будетъ доведено до послѣднихъ результатовъ. Поясникъ это примѣромъ. Что можетъ быть страннѣе толкованія Гретца, что Когелетъ есть Иродъ, и что книга наша есть сатира на его правленіе?—Но эта не вѣроятная гипотеза допущена въ виду того не разъясненнаго еще факта, что лингвистическій характеръ нашей книги имѣетъ аналогію съ характеромъ позднѣйшей еврейской письменности. Изслѣдуй содержаніе книги не зависимо отъ этаго факта, Гретцъ не пришелъ бы къ такой гипотезѣ. Такимъ образомъ, пересмотрѣть всѣ данныя, какія представляются въ *содержаніи* и *языкѣ* нашей книги для объясненія происхожденія ея, пересмотрѣть совершенно отдѣльно и незавнсимо, не перебѣгая за объясненіемъ ихъ изъ одной стороны въ другую, и потомъ уже искать примиренія результатовъ полученныхъ изъ обозрѣнія той и другой стороны, если бы таковые оказались противорѣчущими,—вотъ работа, которая предстоитъ намъ въ нашемъ изслѣдованіи.

I.

За исходный пунктъ къ изслѣдованію нашего вопроса принимаемъ указанія самой книги на свое происхожденіе. Ни одна изъ ветхозавѣтныхъ книгъ не имѣетъ при себѣ столько указаній на свое происхожденіе, какъ книга-Екклезіастъ. Указанія эти заключаются: 1) въ надписаніи или заглавіи книги (1, 1); 2) въ повторяющемся въ книгѣ три раза замѣчаніи: *сказалъ Екклезіастъ* (1, 2. 7, 27. 12, 8); и наконецъ 3) въ Епилогѣ книги (12, 9—14), сообщающемъ нѣкоторыя свѣдѣнія объ Екклезіастѣ и о важности предложеннаго имъ ученія. Указанія эти такъ очевидны и важны, что ни одинъ изслѣдователь, какъ бы ни думалъ о происхожденіи нашей книги, не считалъ себя вправѣ обойти ихъ, стараясь только дать имъ своеобразное изъясненіе, приспособленное къ такому или иному рѣшенію нашего вопроса. Дѣло критики, стало быть, опредѣлить точный и подлинный смыслъ этихъ указаній, и означить, къ какому заключенію они приводятъ насъ относительно вопроса о происхожденіи нашей книги.

1. Надписаніе (1, 1): *Слова Екклезіаста* דִּבְרֵי קֹהֶלֶת, *сына Давидова, царя въ Іерусалимѣ.* דִּבְרֵי *отъ* דָּבָר verbum. λόγος, *слово, изреченіе, рѣчь, разсужденіе* (*Gesen.* Thesaur. phil. crit. p. 315. *Furst.* Librorum sacrorum V. T. Concordantiae p. 262). Въ единственномъ числѣ דָּבָר употребляется весьма часто какъ заглавіе пророческихъ проповѣдей (Іер. 7, 1. 11, 1. 14, 1) и цѣлаго собранія ихъ (Осіи 1, 1. Іоил. 1, 1). Во множественномъ числѣ דִּבְרֵי встрѣчается въ надписаніи свящ. книгъ Іереміи (1, 1), Амоса (1, 1) и не большой рѣчи Давида въ 2.

Цар. 23, 1. Соотвѣтственно такому употребленію, словомъ דִּבְרֵי въ заглавіи нашей книги означается, что она содержитъ *слова, рѣчи, разсужденіе* Когелета, сына Давидова, подобно тому, какъ въ кн. Іереміи, надписываемой דִּבְרֵי יִרְמְיָהוּ (1, 1) содержатся пророческія рѣчи Іереміи,—въ кн. Амоса, надписываемой דִּבְרֵי עָמוֹס (1, 1)—пророческія рѣчи Амоса, и наконецъ во 2 Цар. 23, 1—*слова* דִּבְרֵי Давида послѣднія или предсмертныя, изложенныя въ слѣдующихъ шести стихахъ, 2—7. Относительно слова קֹהֶלֶת у экзегетовъ существуетъ множество самыхъ разнообразныхъ мнѣній; но что́ бы оно ни значило, во всякомъ случаѣ, соединяясь съ опредѣлительными выраженіями—*сына Давидова, царя въ Іерусалимѣ*, не иначе можетъ быть принято, какъ или за собственное или за нарицательное названіе сына Давидова, бывшаго царемъ въ Іерусалимѣ. Но такъ какъ ни одинъ изъ сыновей Давида не назывался такимъ именемъ, какъ собственнымъ, то слѣдуетъ признать его за нарицательное. Такъ какъ, далѣе, изъ сыновей Давида только одинъ былъ царемъ въ Іерусалимѣ, вступившій на престолъ послѣ отца своего, именно—Соломонъ, рожденный отъ Вирсавіи (2 Цар. 12, 24.); то подъ Когелетомъ разумѣется не кто другой, какъ извѣстный своею мудростію царь Соломонъ. Что Соломонъ означается только названіемъ *сына Давидова* безъ собственнаго имени, это не противно обычаю евреевъ. Названіе—*сына Давидова*, хотя у Давида были и другіе сыновья, въ священныхъ книгахъ усвояется преимущественно Соломону, какъ избранному Богомъ (1 Пар. 29, 1) и получившему наслѣдіе отца своего (1 Пар. 29, 19. 17, 11—14. 2 Цар. 7, 12—14). У евреевъ какъ древняго такъ и новаго времени знаменитыя личности часто означаются только именемъ отца, съ прибавленіемъ בֶּן или בַּת, такъ что иногда собственное ихъ имя остается не извѣстнымъ. Такъ, Давидъ означается названіемъ—*сынъ Іессея* (1 Цар. 20, 27. 30. 22,

7. 8. 9), Іевосѳей—*сынъ Саула* (2 Цар. 4, 1. 3 Цар. 12, 16), хотя оба имѣли и другихъ братьевъ. Въ сочиненіяхъ позднихъ евреевъ Моисей приводится подъ именемъ בן עמרם, Исаія подъ именемъ בן אמוץ. Въ Талмудѣ встрѣчается множество ученыхъ книжниковъ, какъ наприм. בן זומא, בר קפרא, בן עזאי и др., конхъ собственныя имена остаются до-нынѣ не извѣстными (См. Ursprung und Entstehungszeit d. B. Kohel. v. *Bloch*, s. 117). Послѣ сего, нѣтъ основанія думать, что подъ Когелетомъ разумѣется не Соломонъ, а другое какое либо лице. На основаніи тѣхъ же опредѣлительныхъ выраженій нельзя также предполагать, чтобы авторъ надписи, указывая въ нихъ на Соломона, разумѣлъ его только фактивно; такое предположеніе можно было бы допустить, когда бы въ надписи стояло одно собственное имя *Соломона*, какъ представителя (Repräsentant) мудрости, прилагаемое иногда по извѣстному образу рѣчи (metonymia) къ другимъ лицамъ; но опредѣлительныя выраженія: *сынъ Давида, царь въ Іерусалимѣ*—показываютъ, что авторъ надписи подъ Когелетомъ разумѣлъ извѣстное въ исторіи подъ именемъ Соломона лице дѣйствительное. Такимъ образомъ, надпись указываетъ, что книга наша содержитъ *слова, изреченія* или *разсужденія Соломона, сына Давидова, бывшаго царемъ въ Іерусалимѣ.*

2) Въ разсужденіи, предлагаемомъ отъ имени Когелета, сына Давидова, вездѣ въ первомъ лицѣ, три раза встрѣчается замѣчаніе какъ бы посторонняго лица: *сказалъ* אָמַר *Екклезіастъ*; это въ началѣ (1, 2), срединѣ (7, 27) и концѣ книги (12, 8). Указаніе это, вставленное постороннимъ лицемъ въ трехъ мѣстахъ разсужденія, имѣетъ значеніе внѣшняго, посторонняго свидѣтельства о принадлежности цѣлаго разсужденія Екклезіасту, отъ имени котораго оно предлагается. По своему внутреннему смыслу, оно состоитъ въ очевидной связи съ послѣднимъ указаніемъ въ Епилогѣ нашей книги.

3. Епилогъ книги заключаетъ въ себѣ послѣдніе шесть стиховъ, 12, 9—14. Въ немъ а) сообщается свѣдѣніе объ Екклезіастѣ, отъ имени котораго предложено въ книгѣ разсужденіе (9, 10); б) возбуждается вниманіе къ его словамъ или ученію, такъ же какъ и вообще къ ученію мудрыхъ—דִּבְרֵי חֲכָמִים (11); в) предостерегается читатель отъ чтенія другихъ книгъ, не приносящихъ пользы (12); и г) выражается кратко сущность всего предложеннаго Екклезіастомъ ученія (13. 14). Объ Екклезіастѣ, котораго ученіе изложено въ книгѣ, Епилогъ говоритъ, что *онъ былъ мудръ и*, кромѣ того, *училъ еще народъ знанію, все испытывалъ, изслѣдовалъ, составилъ много притчей* (ст. 9); еще: *старался Екклезіастъ пріискивать изящныя изреченія, и слова истины написаны имъ вѣрно* (10). Все это такія черты, въ которыхъ подъ именемъ Екклезіаста нельзя никого другаго разумѣть, какъ только Соломона, сына Давидова, царствовавшаго въ Іерусалимѣ, на котораго указываетъ и заглавіе книги (слч. 3 Цар. 4, 30—33. Притч. 8, 8. 9. 22, 21). Прямой и непосредственный смыслъ Епилога какъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ сообщается свѣдѣніе объ Екклезіастѣ, такъ и въ остальныхъ частяхъ его, внушаетъ ту мысль, что въ немъ говоритъ лице постороннее, отличное отъ того, которое говорило о себѣ въ книгѣ и отъ имени своего предложило въ ней разсужденіе, т. е. отличное отъ Екклезіаста [1]).

---

[1]) Весьма страннымъ представляется намъ мнѣніе тѣхъ ученыхъ (Stähelin Spec. Einleit. in d. kanon Bücher d. A. T. s. 462), которые утверждаютъ, что въ Епилогѣ говоритъ тоже самое лице, которое разсуждало въ книгѣ, и говоритъ именно о себѣ. Если подъ именемъ Екклезіаста разумѣть Соломона, то не понятно, почему онъ, говоривши о себѣ во всей книгѣ въ первомъ лицѣ, въ концѣ ея перемѣнилъ дикцію и сталъ говорить о себѣ въ третьемъ. Если подъ именемъ Екклезіаста разумѣется не Соломонъ, а другое лице—Писатель книги, жившій гораздо позже Соломона; то въ этомъ случаѣ рѣчь о себѣ съ перемѣною дикціи представляетъ смѣшную нелѣпость. Въ священныхъ книгахъ мы не встрѣчаемъ ни одного Епилога, составленнаго подобнымъ образомъ. Указываютъ на Епилоги

Лице это, однакожъ, имѣетъ извѣстныя отношенія къ книгѣ. Начальныя слова Епилога: *кромѣ того, что Екклезіастъ былъ мудръ* и проч. (12, 9), стоятъ вслѣдъ за замѣчаніемъ о немъ въ предъидущемъ (8) стихѣ: суета суетъ, *сказалъ Екклезіастъ*, и очевидно составляютъ продолженіе его. Въ такомъ же отношеніи мы должны представлять рѣчь Епилога къ тому же замѣчанію и въ другихъ двухъ мѣстахъ нашей книги: 1, 2: суета суетъ, *сказалъ Екклезіастъ*, и 7, 27: вотъ это нашелъ я, *сказалъ Екклезіастъ*, испытывая одно за другимъ. Замѣчаніе это—*сказалъ Екклезіастъ*, пронизывающее, такъ сказать, начало, средину и конецъ разсужденія Екклезіаста, не сомнѣнно принадлежитъ автору Епилога и указываетъ на связь Епилога съ происхожденіемъ книги. Связь эта, очевидно, заключается въ томъ, что книга Екклезіастъ, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, въ какомъ дошла до насъ, издана въ свѣтъ авторомъ Епилога. Авторъ Епилога, издавая это произведеніе, въ началѣ, срединѣ и концѣ его,—въ тѣхъ мѣстахъ, которыя казались ему почему-либо особенно важными, вставилъ замѣчаніе—*сказалъ Екклезіастъ*, и кромѣ того, въ концѣ присовокупилъ нѣсколько свѣдѣній объ авторѣ издаваемаго имъ произведенія и о достоинствѣ этого произведенія, которое находилъ онъ весьма пригоднымъ для современныхъ ему читателей. Такимъ образомъ, Епилогъ, вмѣстѣ съ другими разсмотрѣнными нами данными, приводитъ насъ къ слѣдующимъ представленіямъ о происхожденіи нашей книги: 1) *Книга Екклезіастъ есть произведеніе Соломона*, и 2) *въ томъ видѣ, въ какомъ дошла до насъ, она издана въ свѣтъ авторомъ Епилога.*

позднѣйшихъ произведеній еврейской письменности, будто бы имѣющіе сходство съ Епилогомъ нашей книги, Сирах. 50, 29—31 и 2 Мак. 15, 38—40. Но достаточно только прочитать эти Епилоги, чтобы видѣть, что приставка ихъ къ своимъ книгамъ не представляетъ ни малѣйшаго сходства съ Епилогомъ нашей книги.

Авторъ Епилога есть редакторъ произведенія Соломонова, извѣстнаго въ Библіи подъ именемъ *Екклезіаста* или *Когелета*.

На Епилогъ, такимъ образомъ, можно смотрѣть, какъ на внѣшнее, постороннее свидѣтельство о принадлежности нашей книги Соломону. Чѣмъ древнѣе свидѣтельство, тѣмъ оно важнѣе. Не будемъ пока входить въ изслѣдованіе времени происхожденія Епилога или, что тоже, редакціи нашей книги, потому что для основательнаго разрѣшенія этого вопроса не имѣемъ еще потребныхъ данныхъ. Не сомнѣнно то, что свидѣтельство это существуетъ съ того самаго времени, съ какого наша книга стала извѣстною міру въ томъ видѣ, въ какомъ дошла до насъ, т. е. это свидѣтельство имѣетъ за собою глубокую древность. Это видно изъ того, что Епилогъ со всѣми тремя помянутыми замѣчаніями существуетъ какъ въ еврейскомъ текстѣ нашей книги, такъ и въ переводѣ LXX и въ другихъ древнихъ переводахъ, безъ всякаго опущенія или измѣненія; нѣтъ ни одного списка какъ оригинальнаго текста, такъ и переводовъ, который представлялъ бы какіе либо варіанты, могущіе навести сомнѣніе на подлинность свидѣтельства о происхожденіи нашей книги, существующаго издревле въ священномъ кодексѣ неразрывно съ самою книгою.

Гретцъ, относя происхожденіе нашей книги ко времени Ирода великаго, считаетъ Епилогъ позднѣйшею прибавкою къ ней, и притомъ такъ, что первые три стиха (9—11) приложены къ книгѣ собирателемъ канона въ видѣ апологіи за ея писателя, а послѣдніе три (12—14) совершенно случайно пристали къ ней. Слѣдуя Нахману Крохмалю (More Nebochе ha-Zeman XI, 8 p. 43, 104), Гретцъ утверждаетъ, что три стиха эти первоначально составляли заключеніе не книги Екклезіастъ, а всего третьяго отдѣла священныхъ книгъ, извѣстнаго подъ названіемъ Ketubim, положеннос собирателями ветхозавѣтнаго канона. Такъ какъ книга-Екклезіастъ, по мнѣ-

нію Крохмаля и Гретца, стояла въ этомъ отдѣлѣ послѣднею; то и заключительные стихи, слѣдовавшіе въ спискѣ тотчасъ за нею, впослѣдствіи случайно присоединились къ ней. Что Епилогъ вообще не принадлежитъ книгѣ, а есть позднѣйшая прибавка къ ней, Гретцъ доказываетъ тѣмъ, что и въ словообразованіи (Wortbau) и въ теченіи мыслей (Gedankengang) онъ рѣзко отличается отъ цѣлой книги (*Grätz*, Kohel. s. 47—51). Но это отличіе въ словообразованіи и въ складѣ мыслей, если оно есть дѣйствительно, объясняется само собою, коль скоро самъ же авторъ Епилога отличаетъ себя отъ писателя книги, редакцію которой принялъ на себя. Относительно второй части предположенія Гретца достаточно ограничиться замѣчаніемъ Гитцига, что нѣтъ никакого слѣда, чтобы Когелетъ въ отдѣлѣ Ketubim занималъ когдалибо послѣднее мѣсто (Zeitschrift für wissenschaftliche Theologie, 14. Iahrg., 4 Heft. XXII). Стало быть, нѣтъ основанія послѣдніе три стиха (12—14) отдѣлять отъ Епилога: они вмѣстѣ съ предшествующими тремя стихами (9—11) составляютъ цѣльное *послѣсловіе*, принадлежащее редактору нашей книги. Какъ нѣтъ основанія отдѣлять послѣдніе стихи Епилога отъ первыхъ, такъ нѣтъ причины и первые стихи, а слѣдовательно и весь Епилогъ, отрывать отъ цѣлой книги, съ которою онъ связанъ, какъ приложенное къ ней *послѣсловіе* редактора. Гретцъ, какъ и другіе изслѣдователи, не обратилъ вниманія на редакторскія вставки въ текстѣ книги, 1, 2. 7, 27. 12, 8 (*сказалъ Екклезіастъ*), имѣющія очевидную связь съ Епилогомъ, и отъ того Епилогъ показался ему, какъ и многимъ другимъ изслѣдователямъ, дѣломъ совершенно случайнымъ и въ нашемъ вопросѣ не имѣющимъ особеннаго значенія. Такимъ образомъ, древность Епилога не подвергается сомнѣнію не основательными догадками Гретца и Крохмаля.

Авторъ Епилога не называетъ, однакожъ, писателя издаваемаго имъ произведенія по имени. Положимъ, черты, приписывае-

мя имъ Екклезіасту (12, 9. 10), сходны съ тѣми, въ которыхъ изображается Соломонъ въ священныхъ книгахъ (3 Цар. 4, 30. 32. 33. Сирах. 47, 16. 17. 19); но если нѣтъ другаго болѣе прямаго и опредѣленнаго указанія на Соломона, остается еще мѣсто сомнѣнію. Положимъ, что самъ Екклезіастъ говоритъ о себѣ, какъ можно сказать только о Соломонѣ (1, 12. 2, 4—9 и др.); но пока не названъ онъ собственнымъ именемъ или именемъ отца, личность его остается загадочною. Итакъ, возникаетъ вопросъ: дѣйствительно ли редакторъ, приписывая Екклезіасту черты, свойственныя Соломону, разумѣлъ подъ Екклезіастомъ именно Соломона? Прямое, ясное и опредѣленное указаніе на Соломона заключается только въ надписаніи книги, гдѣ Когелетъ называется *сыномъ Давида, царемъ въ Іерусалимѣ* (1, 1), подъ которымъ, какъ мы видѣли, нельзя никого другаго разумѣть, кромѣ Соломона. Но здѣсь представляется новый вопросъ: въ какомъ отношеніи находится эта надпись къ Епилогу или къ редакціи нашей книги?—Возможны три предположенія: или она существовала уже въ томъ манускриптѣ нашей книги, съ котораго редакторъ сдѣлалъ свое изданіе, такъ что она вмѣстѣ съ книгою вошла въ его изданіе; или редакторъ самъ составилъ ее и поставилъ въ заглавіи издаваемаго имъ произведенія; или, наконецъ, она получила свое происхожденіе послѣ редакціи, поставлена въ заглавіи книги, когда послѣдняя вносилась въ собраніе священнаго канона. Если допустимъ послѣднее предположеніе, то не почему будетъ судить, что редакторъ подъ именемъ Екклезіаста разумѣлъ Соломона, сына Давидова. Но послѣднее предположеніе отрицается тѣмъ, что въ Епилогѣ есть довольно ясный намекъ на существованіе надписи. Редакторъ, отзываясь съ похвалою объ Екклезіастѣ и его произведеніи, о послѣднемъ выражается такъ: *и слова истины* דִּבְרֵי אֱמֶת *написаны имъ вѣрно* (12, 10). *Сло-*

вами истины называются въ книгѣ Притчей вообще всѣ совѣты и наставленія, которыя давалъ Соломонъ людямъ (Притч. 22, 21); но тамъ употреблено выраженіе: אִמְרֵי אֱמֶת. Естественно полагать, что въ указанномъ мѣстѣ Епилога подъ *словами истины* דִּבְרֵי אֱמֶת редакторъ разумѣетъ тѣ изреченія или разсужденія, составляющія содержаніе нашей книги, которыя въ заглавіи ея названы דִּבְרֵי קֹהֶלֶת. Остаются, такимъ образомъ, два первыя предположенія о происхожденіи надписи: или она существовала въ манускриптѣ Екклезіаста до редакціи, или поставлена редакторомъ. Но какое бы изъ сихъ двухъ предположеній мы ни приняли, въ обоихъ случаяхъ одинаково не сомнѣнно, что подъ именемъ Екклезіаста редакторъ разумѣлъ Соломона, сына Давидова.

Насколько вѣроятнымъ можетъ считаться показаніе самой надписи? Почти излишнимъ можно считать этотъ вопросъ, коль скоро для насъ несомнѣнна древность Епилога, подтверждаемая существованіемъ его вмѣстѣ съ книгою какъ въ еврейскомъ текстѣ, такъ и во всѣхъ древнихъ переводахъ. Но критика, анализируя данныя въ нашей книгѣ, какъ и во всякой другой, свидѣтельствующія о ея происхожденіи, всегда умѣетъ изыскивать возраженія противъ самой очевидной истины. Гретцъ въ самомъ составѣ надписи находитъ основаніе заподозрить ея достовѣрность. Важное для нашего предмета выраженіе въ надписи—это *сынъ Давида*. Откуда заимствовалъ его составитель надписи? Гретцъ объясняетъ происхожденіе его такимъ образомъ. Въ текстѣ книги, говоритъ онъ, не сказано, что Когелетъ былъ потомокъ Давида; тамъ сказано только: *я, Когелетъ, былъ царемъ надъ Израилемъ въ Іерусалимѣ* (1, 12.), не болѣе. Но собиратель канона, увидѣвши это выраженіе и то, что далѣе говоритъ о себѣ Когелетъ, что *онъ своею мудростію изслѣдовалъ* и проч., пришелъ къ заключенію, что этимъ Когелетомъ могъ быть только Соломонъ, и,

сообразно съ симъ, въ надписи рядомъ съ названіемъ *Когелетъ* поставилъ *сынъ Давидовъ, царь въ Іерусалимѣ* (Graetz Kohelet s. 16). Такимъ образомъ важное для нашего изслѣдованія въ надписи выраженіе—*сынъ Давидовъ*—представляется совершенно случайнымъ, и предположеніе, что Когелетъ есть Соломонъ, становится сомнительнымъ. Но на чемъ основываетъ Гретцъ свое предположеніе, что авторъ надписи въ составленіи ея руководствовался только повѣствованіемъ Когелета о самомъ себѣ въ 1, 12. 13? Не могъ ли онъ руководствоваться также сохранившимся до него преданіемъ устнымъ или письменнымъ, что Когелетъ есть сынъ Давида, Соломонъ? Не отрицаемъ того, что названіе автора книги въ надписи ея Когелетомъ взято изъ самой книги 1, 12: *я, Когелетъ, былъ царемъ надъ Израилемъ въ Іерусалимѣ*, потому что это единственный источникъ, изъ котораго могло быть почерпнуто названіе автора. На основаніи этого же мѣста (1, 12) и редакторъ книги называетъ его нѣсколько разъ Когелетомъ въ самой книгѣ (1, 2. 7, 27. 12, 8.) и въ Епилогѣ (12, 9. 10). Можно еще думать, что и *царя въ Іерусалимѣ* въ надписи взято составителемъ ея изъ самой книги, изъ того же мѣста ея. Чтожъ касается прочихъ выраженій надписи, а также и цѣлаго состава ея, то происхожденія ихъ нельзя объяснить соображеніями Гретца. Анализируя надпись нашей книги, мы находимъ, что, по составу своему, она имѣетъ сходство съ надписью книги Притчей. Надпись Притчей מִשְׁלֵי שְׁלֹמֹה בֶּן־דָּוִד מֶלֶךְ יִשְׂרָאֵל *Притчи Соломона, сына Давидова, царя израильскаго* (1, 1). Надпись нашей книги: דִּבְרֵי קֹהֶלֶת בֶּן־דָּוִד מֶלֶךְ בִּירוּשָׁלָם *Слова Когелета, сына Давидова, царя въ Іерусалимѣ* (1, 1). Сходство это тѣмъ замѣчательнѣе, что въ другихъ священныхъ книгахъ не встрѣчается нигдѣ подобной надписи по составу своему; и оно такъ значительно, что не вольно заставляетъ предполагать или одного и того же составителя ихъ,

или въ одной подражаніе другой. Но принадлежатъ ли обѣ эти надписи одному составителю или разнымъ—но такъ, что одинъ подражалъ другому, во всякомъ случаѣ онѣ указываютъ на то, что составитель надписи нашей книги, внося въ нее בֶּן דָּוִד, руководствовался не догадкою, предполагаемою Гретцемъ, но такимъ же положительнымъ основаніемъ, какое было у составителя надписи Притчей для внесенія въ нее тѣхъ же словъ, и что подъ Когелетомъ разумѣлъ того же Соломона, который прямо поименованъ въ надписи Притчей. Надписи эти своимъ единообразіемъ указываютъ на то, что ими предполагалось отмѣтить какъ принадлежность обоихъ произведеній одному и тому же писателю, такъ и внутреннее сродство ихъ.

Не думаемъ, впрочемъ, что обѣ надписи принадлежатъ одному составителю; одна изъ нихъ есть подражаніе другой. Судя по простотѣ и наибольшей естественности, примѣчаемымъ въ надписи Притчей, полагаемъ, что надпись нашей книги составлена по образцу ея. Такъ какъ книга наша не есть собраніе изреченій, подобно книгѣ Притчей, а содержитъ въ себѣ одно цѣльное разсужденіе объ одномъ предметѣ; то наиболѣе прилично было бы назвать ее דָּבָר въ единственномъ числѣ. Названіе דִּבְרֵי, можно думать, въ подражаніе מִשְׁלֵי בֶּן דָּוִד - болѣе идетъ къ собственному имени שְׁלֹמֹה, чѣмъ къ нарицательному קֹהֶלֶת, но удержано при нарицательномъ частію изъ подражанія, частію для того, чтобы дать опредѣленность лицу, которое подъ нимъ разумѣется.—ישְׂרָאֵל съ словомъ מֶלֶךְ обычное сочетаніе; вмѣсто него употреблено בִּירוּשָׁלָם, потому что это сочетаніе встрѣчается въ самой книгѣ въ словахъ Когелета о самомъ себѣ 1, 12: אֲנִי קֹהֶלֶת....מֶלֶךְ....בִּירוּשָׁלָם. Составлена ли эта надпись редакторомъ нашей книги, или онъ нашелъ ее уже существующею въ манускриптѣ, съ котораго издалъ книгу, для рѣшенія этого вопроса не находимъ данныхъ ни въ

ней, ни въ книгѣ, ни въ Епилогѣ. Вѣроятнымъ, однакожъ, считаемъ, что она составлена и положена редакторомъ, подобно тому, какъ и надпись Притчей, грамматически соединяющаяся съ слѣдующими за нею пятью стихами (2—6), составляющими введеніе въ цѣлую книгу, составлена и положена въ заглавіи книги послѣднимъ издателемъ ея, совокупившимъ въ одно цѣлое всѣ три сборника Притчей (1—9; 10—24; 25—29), въ разное время составленные.

Генгстенбергъ спрашиваетъ: почему авторъ книги, если онъ есть Соломонъ, не называется въ заглавіи ея собственнымъ своимъ именемъ, какъ онъ означается въ надписаніи другихъ произведеній, принадлежащихъ Соломону, наприм. Притчей и Пѣсни Пѣсней, Пс. 72 и 127? Обстоятельство это Генгстенбергъ считаетъ столько важнымъ, что оно кажется ему яснымъ признакомъ, что писатель книги подъ Кегелетомъ разумѣлъ не Соломона, а только идеальный образъ его, какъ представителя мудрости—als Repraesentant der Weisheit (Hengst. d. Pred. Sal s. 42). На вопросъ. Генгстенберга отвѣтить можно просто: въ заглавіи книги Соломонъ названъ Когелетомъ потому, что въ самой книгѣ Соломонъ такъ себя называетъ (1, 12). А почему Соломонъ назвалъ себя Когелетомъ, это—другой вопросъ, отвѣтить на который едва ли возможно прежде окончательнаго уясненія для насъ происхожденія книги. Но кажется намъ, что аналогія надписей на двухъ книгахъ, Притчей и Екклезіаста, должна вести къ рѣшительному убѣжденію, что подъ Когелетомъ разумѣется Соломонъ не фиктивный, а дѣйствительный. Слово *Когелетъ* въ одной надписи вмѣсто *Соломона*, въ другой—при однихъ и тѣхъ же опредѣлительныхъ предикатахъ въ обоихъ надписяхъ—*сынъ Давида, царь (въ Іерусалимѣ=Израильскій)*, ясно указываетъ, что авторъ нашей книги есть тоже самое лице, которое по имени названо авторомъ другой книги—Притчей, т. е. Соломонъ.

Усвояя *Надписи и Епилогу* съ редакторскими *вставками* (*сказалъ Екклезіастъ*) значеніе внѣшнихъ и древнѣйшихъ свидѣтельствъ о происхожденіи нашей книги, мы должны признать за ними первостепенный авторитетъ въ разрѣшеніи изслѣдуемаго нами вопроса. Чтобы усумниться въ достовѣрности такихъ свидѣтельствъ, надобно или имѣть другія противоположныя евидѣтельства о происхожденіи нашей книги, совершенно равносильныя имъ по древности и ясности, или представить въ содержаніи книги такія данныя, которыя показывали бы въ какомъ либо отношеніи несообразность ея съ личностію Соломона, выдаваемаго этими свидѣтельствами за писателя ея. Первыхъ нѣтъ положительно ни въ библейской литературѣ, ни въ произведеніяхъ еврейскихъ или другихъ какихъ либо писателей изъ времени до заключенія, даже и по заключеніи священнаго канона. Послѣднихъ критика представляетъ много, какъ мы уже отчасти и видѣли. Обратимся теперь къ самой книгѣ и посмотримъ, можетъ ли она быть признана произведеніемъ Соломона, сына Давидова, царствовавшаго надъ Израилемъ въ Іерусалимѣ.

II.

Книга Екклезіастъ имѣетъ ту особенность, что сама она выдаетъ себя за произведеніе Соломона, представляя въ себѣ этого мудраго царя на концѣ своей жизни разсуждающимъ объ истинномъ благѣ или счастіи на основаніи личнаго опыта и наблюденія надъ другими. Все содержаніе книги отъ 2 стиха 1-й главы до 7 стиха 12 главы предлагается отъ имени Екклезіаста или Соломона, который говоритъ о себѣ вездѣ въ первомъ лицѣ: *я, Екклезіастъ, былъ царемъ надъ израилемъ въ Іерусалимѣ* (1, 12.),—*и предалъ сердце мое* (13),—*видѣлъ я всѣ дѣла* (14),—*говорилъ я въ сердцѣ моемъ* (16) и т. д. (См. 2, 2. 3. 4. 9. 10. 11. 12. 13. 15. 17. 18. 19. 20. 24. 3, 10. 12. 14. 16. 17. 18. 22. 4, 1. 2. 4. 7. 15. 5, 17. 6, 1. 7. 15. 23. 25. 26. 27. 28. 29. 8, 1. 9. 10. 12. 14. 15. 16. 17. 9, 1. 11. 13. 16. 10, 5. 7.). Указаніе это не считается, однакожъ, такимъ даннымъ, на основаніи котораго должно заключить, что книга наша написана Соломономъ, хотя и предлагаетъ разсужденія отъ имени этого лица. Въ древности являлись часто литературныя произведенія, въ которыхъ отъ имени прежде жившихъ знатныхъ въ исторіи лицъ или мудрецовъ предлагались наставленія и разсужденія, имѣвшія значеніе для позднихъ читателей [1]). Подобныя сочиненія у во-

[1]) Въ еврейской литературѣ мы знаемъ цѣлый рядъ произведеній нравственно-религіознаго характера, ложно носящихъ на себѣ имена почти всѣхъ достоуважаемыхъ лицъ священной исторіи В. Завѣта, начиная отъ Адама и до

сточныхъ и западныхъ народовъ составляли особый родъ литературы на подобіе когда-то писавшихся и у насъ разговоровъ въ царствѣ мертвыхъ. Подобное сочиненіе мы имѣемъ даже въ библейскомъ кодексѣ. Оно тѣмъ болѣе имѣетъ важности въ нашемъ вопросѣ, что носитъ названіе „Премудрости Соломоновой—Σοφία Σολομῶντος“, и въ немъ, также какъ и въ разсматриваемой книгѣ, отъ имени Соломона даются наставленія (царямъ), и Соломонъ представляется въ ней говорящимъ о себѣ также въ первомъ лицѣ (см. гл. 7 и 8), хотя извѣстно, что это произведеніе написано спустя около 1000 лѣтъ послѣ смерти Соломона. Можно подумать, и новѣйшіе изслѣдователи большею частію думаютъ и утверждаютъ, что и книга Екклезіастъ относится къ разряду тѣхъ же произведеній, къ какому и книга Премудрости Соломоновой, что какъ въ той, такъ и въ другой Соломонъ только фиктивно представляется разсуждающимъ; и что авторъ, жившій совершенно въ другую эпоху, болѣе или менѣе отдаленную отъ Соломона, воспользовался такимъ способомъ изложенія своихъ идей съ особенною, ему извѣстною цѣлію. Конечно, сходство не есть еще доказательство (comparaison n'est pas raison). Чтобы сдѣлать такое заключеніе о нашей книгѣ, кромѣ означеннаго сходства ея съ книгою Премудрости Соломоновой, надобно имѣть въ ней данныя, которыя показывали бы достовѣрно, что предлагаемое въ ней разсужденіе Соломона есть только одна фикція. У критиковъ за этимъ дѣло не стоитъ. Они находятъ въ книгѣ такія выраженія, которыя по ихъ мнѣнію, показываютъ, что и самъ писатель, выводя на сцену Соломона, представлялъ его предъ читателемъ только воображаемымъ

Ездры; между ними есть и произведенія съ именемъ Соломона: *Псалтырь Соломона*, *Завѣтъ Соломонов*. Собраніе всѣхъ этихъ произведеній см. у Фабриція Codex pseudepigraphus Veteris Testamenti, ed. 1713.

Соломономъ, а не дѣйствительно говорящимъ ему, и потому допустилъ въ своихъ выраженіяхъ, отъ имени его сказанныхъ, то, чего не могъ сказать самъ Соломонъ, говоря о себѣ. Вотъ эти выраженія:

а) Я былъ *царь въ Іерусалимѣ* (1, 12). По мнѣнію Ейхгорна выраженіе это нейдетъ къ Соломону, а прилично царямъ, бывшимъ послѣ Соломона, когда существовали двѣ резиденціи. Такъ и говорится о преемникахъ Соломона, царствовавшихъ въ Іудеѣ: *Роваамъ..... царствовалъ въ Іерусалимѣ* (3 Цар. 14, 21); *Авія царствовалъ въ Іерусалимѣ* (15, 2); *Асса царствовалъ въ Іерусалимѣ* (15, 10) и т. д. Но также говорится въ книгахъ царствъ и о Соломонѣ: *времени царствованія Соломона въ Іерусалимѣ* надъ всѣмъ израилемъ было сорокъ лѣтъ (3 Цар. 11, 42). Не только о Соломонѣ, но и о Давидѣ говорится, что онъ *царствовалъ въ Іерусалимѣ* тридцать три года (2 Цар. 5, 5. 3 Цар. 2, 11). Не сказано только о Саулѣ, потому что Іерусалимъ не былъ еще во владѣніи Евреевъ, да и вообще не означено, гдѣ онъ царствовалъ, потому что былъ онъ болѣе военачальникъ, чѣмъ царь, и можетъ быть, самъ не зналъ, гдѣ его резиденція.

б) Дѣйствительный Соломонъ, говорятъ [1]), не могъ сказать о себѣ: *я былъ*—הָיִיתִי *царемъ*..... (1, 12). Царствованіе Соломона продолжалось до самаго конца его жизни (3 Цар. 11, 43); слѣдовательно, не могъ онъ говорить о своемъ царствованіи какъ о прошедшемъ. Но прошедшею формою глагола въ еврейскомъ языкѣ выражаются дѣйствія и состоянія, не только минувшія, но и такія, которыя давно начались и еще продолжаются. Такъ напримѣръ: *я возненавидѣлъ* (שָׂנֵאתִי),

---

[1]) *Hävernick.* Handb. d. hist. krit. Einleit. 3 Th. s. 457. *Graetz*, Kohélet s. 57. *Stähelin*, Einleit. in. d. kanon. Bücher d. A. T. s. 464.

презрѣлъ (מַאַסְתִּי) *праздники ваши; ибо хотя приносите Мнѣ всесожженія и приношенія ваши, они Мнѣ не угодны* (Амос. 5, 21. 22.). *Но Сара, жена Авраама, не рождала* (לֹא יָלְדָה) *ему* (Быт. 16, 1). *Поднимаю* (הֲרִימֹתִי) *руку мою* (Быт. 14, 12). *Теперь узналъ я* (עָתָּה יָדַעְתִּי), Псал. 19, 7. (См. Полн. Курс. еврейск. грам. *Штейнберга*, стр. 196. 197.). Стало быть, Соломонъ дѣйствительный могъ сказать о себѣ: *я былъ—* הָיִיתִי *царемъ*, когда еще продолжалось его царствованіе.

в) Дѣйствительный Соломонъ не могъ, говорятъ [1]), сказать о себѣ (1, 16), что онъ возвеличился и пріобрѣлъ мудрости больше всѣхъ, которые были прежде его *надъ Іерусалимомъ* (עַל יְרוּשָׁלִַם). Кто же былъ прежде его надъ Іерусалимомъ?—одинъ только Давидъ. Поэтому предполагаютъ, что въ то время, когда писалась книга, прошелъ уже цѣлый рядъ израильскихъ царей, такъ какъ разумѣть языческихъ царей Екклезіастъ едва ли могъ. Но мы не видимъ еще основанія, почему бы Соломонъ не могъ имѣть въ виду здѣсь и языческихъ царей, господствовавшихъ до него и до Давида надъ Іерусалимомъ, рядъ которыхъ начинается издалека, и между которыми были знаменитые, какъ Мелхиседекъ, царь Салимскій (Быт. 14, 18.). Но гораздо вѣроятнѣе полагать, что здѣсь нѣтъ и мысли о царяхъ, ни объ израильскихъ, ни о языческихъ. Вмѣсто предлога עַל, который единственно наводитъ на мысль о царяхъ, во многихъ кодексахъ читается בּ (Rosenmüll. Schol. Koheleth ad l, 16); вмѣсто עַל־יְרוּשָׁלִַם стоитъ בִּירוּשָׁלִַם, какъ и въ параллельномъ 9 стихѣ 2 главы: *и сдѣлался я великимъ и богатымъ больше всѣхъ бывшихъ прежде меня въ Іерусалимѣ* (בִּירוּשָׁלִַם).—Достовѣрность такого чтенія подтверждается тѣмъ, что LXX въ обоихъ мѣстахъ перевели: ἐν Ιε-

[1]) *Heiligstedt*, Ecclesiastes, Prooemium p. XV. *Bleck*, Einleit. in. d. A. T. s. 648.

ρουσαλήμ. Точно также и въ переводѣ блаж. Іеронима въ обоихъ мѣстахъ читаемъ: in Ierusalem. Въ такомъ случаѣ, Соломонъ говоритъ о себѣ, что онъ мудростію, также какъ величіемъ и богатствомъ, превосходилъ всѣхъ бывшихъ прежде него не *надъ* Іерусалимомъ, а *въ* Іерусалимѣ. А въ этихъ словахъ нѣтъ ничего не сообразнаго съ дѣйствительнымъ Соломономъ, раньше котораго много людей жило въ Іерусалимѣ, хотя бы даже считать ихъ только со времени завладѣнія Іерусалима Давидомъ. Были между ними и мудрые. Въ книгѣ царствъ повѣствуется, что Соломонъ былъ мудрѣе всѣхъ людей, мудрѣе и Еѳана Езрахитянина и Емана, и Халкола и Дарды, сыновей Махола (3 Цар. 4, 31). А эти лица процвѣтали своею мудростію въ эпоху Давида (1 Пар. 15, 17. 19. Сн. Пс. 87 и 88), стало быть—прежде Соломона.

Но главное основаніе, почему критики въ Когелетѣ видятъ только фиктивнаго Соломона, а не дѣйствительнаго, заключается не въ разобранныхъ нами выраженіяхъ его о себѣ,—это только побочные признаки,—а въ томъ, что въ самомъ содержаніи книги, гдѣ Когелетъ излагаетъ свои житейскіе опыты и наблюденія, находится будто бы много не сообразнаго ни съ характеромъ царя Соломона, ни съ исторіею его царствованія и его времени. „Авторъ книги Екклезіастъ, говоритъ Кнобель, показываетъ весьма мрачное міровоззрѣніе, ни чѣмъ онъ не доволенъ, съ скорбію высказываетъ порицаніе на всѣ человѣческія дѣла и горько жалуется на теченіе вещей и человѣческое бѣдствіе, примѣчаемое имъ въ безчисленныхъ отношеніяхъ. Но такое воззрѣніе на жизнь не предполагается въ Соломонѣ; во все время его царствованія ему благопріятствовало счастіе, какъ никому изъ его предшественниковъ и преемниковъ. Счастливый онъ едва ли могъ притти къ такимъ печальнымъ жалобамъ, едва ли могъ избрать для своего сочиненія тему о ничтожествѣ и недостаткахъ земной жизни“

(*Knobel* Comment. über das. B. Koheleth, Leipz. 1837. s. 77 f.). „Врядъ ли Соломонъ, говоритъ Яганъ, могъ такъ сильно нападать на угнетенія, на справедливость при судопроизводствѣ, на возвышеніе глупцовъ и рабовъ къ высокому достоинству и на пренебреженіе къ знатнымъ и богатымъ (3, 16. 4, 1. 5, 7. 10, 5 и др.); иначе онъ писалъ бы сатиру на самого себя“ (*Iahn.* Einl. II. s. 840; у *Кейля*, Einl. § 130). Характеръ времени, предполагаемый книгою Екклезіастъ, стоитъ, говорятъ, въ явномъ противорѣчіи съ временемъ Соломона и состояніемъ народа въ его царствованіе. „Время царствованія Соломона, представляютъ критики, было самою славною, блистательною и счастливою эпохою во всей исторіи израильскаго народа, время, когда исполненіе обѣтованій Божіихъ о земномъ величіи и славѣ Израиля достигло своего апогея; между тѣмъ время, когда жилъ авторъ книги Екклезіастъ, было самое скудное, мрачное, печальное, сравнительно съ прежними временами; это было время, когда вездѣ слышался вопросъ; отъ чего это прежніе дни были лучше теперешнихъ (7, 10)? Это было время не народной свободы, какою весь Израиль пользовался во дни Соломона, а—тяжелаго рабства. Царь дѣлаетъ, все что ему угодно; предъ нимъ никто не можетъ возразить, правъ ли онъ въ своихъ дѣйствіяхъ или не правъ (8, 3. 4.); въ своихъ дѣйствіяхъ онъ водится не чувствомъ добра и справедливости, но побужденіями корыстолюбія, прихоти, произвола; недостойныхъ возводить на высоту, а достойныхъ унижаетъ, князей дѣлаетъ рабами, а рабовъ—князьями, глупцовъ честитъ, а благородныхъ низвергаетъ; отъ того повсюду безпорядокъ, презрѣніе мудрости и совѣта благоразумныхъ людей (9, 16), искаженіе истины, попраніе суда и всякой правды (3, 16. 5, 7. 8, 9.), безконечныя обиды и оскорбленія слабыхъ и безпомощныхъ, доводящія человѣка до такого состоянія, въ которомъ онъ признаетъ умершихъ

болѣе счастливыми, нежели живыхъ, а счастливѣе живыхъ и умершихъ—того, кто никогда не существовалъ (4, 1—3. 7, 1. 8, 9). При нерадивомъ и плохомъ управленіи царя, князья и вельможи его преданы расточительности, роскоши, сребролюбію, пьянству, истощая силы земли (10, 16—19). При такомъ положеніи дѣлъ, правительство, естественно, возбуждало большое недовольство и ропотъ въ народѣ;—чтобы предохранить себя отъ всякой опасности, оно имѣло во всѣхъ углахъ своихъ владѣній сыщиковъ, шпіоновъ, которые проникали даже въ тайны семейныхъ отношеній и заставляли всѣхъ хранить глубочайшее молчаніе (10, 20). Народъ былъ близокъ къ волненію и возмущенію, отъ которыхъ писатель видимо хочетъ отвлечь (7, 10). Это было время, когда вмѣстѣ съ непосредственностію живой вѣры и упованія на видимое господство праведнаго и премудраго Бога, исчезъ миръ духа и свойственная всякому естественная радость жизни: народъ предался сонливости и вялой недѣятельности (9, 10. 11, 4—6). Въ дѣлѣ вѣры повсюду замѣтно крайнее оскудѣніе внутренняго духа благочестія: въ исполненіи дѣлъ благочестія народъ руководствуется только внѣшними предписаніями и правилами, безъ всякаго участія сердечнаго расположенія (4, 17—5, 5). При такой бездушной набожности, въ народѣ слышится ропотъ недовольства божественнымъ міроправленіемъ, прорывается наклонность къ полному отвращенію отъ Бога и Его закона, къ окончательному совращенію на путь зла (8, 11. 9, 3). Это ли время того спокойнаго благосостоянія, которымъ Израиль наслаждался во дни Соломона (3 Цар. 4, 25), которое служило предметомъ гордости израильскаго народа и завистливыхъ воспоминаній для послѣдующихъ поколѣній? (Кн. Екклезіастъ, Опытъ критико-экзегетич. изслѣдованія *М. Олесницкаго*, Кіевъ, 1874 года, стр. 142—153. *Hengstenberg,* der Prediger Salomo, s. 2—6.

Прежде, чѣмъ судить, насколько извлеченныя изъ нашей книги представленія о состояніи еврейскаго народа согласны съ исторіею его въ то или другое время, мы должны рѣшить вопросъ: простираются ли наблюденія Екклезіаста, излагаемыя въ книгѣ, только на одинъ еврейскій народъ? Тѣ явленія жизни, религіозныя, нравственныя, соціальныя и политическія, отмѣченныя въ нашей книгѣ, беретъ ли Екклезіастъ съ наблюденія только надъ своимъ народомъ, въ своемъ царствѣ?—Я, говоритъ Екклезіастъ, былъ царемъ надъ израилемъ въ Іерусалимѣ, и предалъ сердце мое тому, чтобъ изслѣдовать и испытать мудростію *все, что дѣлается подъ небомъ* (1, 12. 13), или, по другому выраженію, чтобы обозрѣть *дѣла, которыя дѣлаются на землѣ* (8, 16). Стало быть, по этимъ выраженіямъ, область наблюденій Еклезіаста далеко ширьше той области, которой онъ былъ царемъ. И пересказывая разныя свои наблюденія, Екклезіастъ выражается почти каждый разъ, что онъ то или другое *видѣлъ подъ солнцемъ* (1, 14. 3, 16. 4, 1. 5, 12. 6, 1 и др.); и вообще о всѣхъ своихъ наблюденіяхъ говоритъ: *видѣлъ я всѣ дѣла, какія дѣлаются подъ солнцемъ* (1. 14). Выраженія: תַּחַת הַשָּׁמֶשׁ *подъ солнцемъ* (1, 14. 2, 11. 17—20. 22. 3, 16. 4, 1. 3, 7. 15. 17. 5, 12. 6, 1. 12. 8, 9. 15. 17. 9, 3. 6. 9. 11. 13. 10, 5), תַּחַת הַשָּׁמַיִם *подъ небомъ* (1, 13), עַל־ הָאָרֶץ *на землѣ* (8, 16), означаютъ вообще подсолнечную, шаръ земной, обитаемый людьми. Если мы станемъ на это широкое поле человѣческой жизни и дѣятельности въ вѣкъ Соломона съ вопросомъ, могли ли отмѣченныя въ нашей книгѣ явленія быть въ это время, то, безъ сомнѣнія, получимъ утвердительный отвѣтъ, потому что легко представить, что то или другое явленіе могло быть здѣсь или тамъ, въ этой или другой странѣ, у того или другаго народа. Стало быть, съ исторической стороны въ этомъ случаѣ не можетъ быть и возраженія относительно сообраз-

ности нашей книги съ временемъ Соломона. Но выраженіе רָאִיתִי *видѣлъ я*, употребляемое въ еврейскомъ языкѣ о непосредственномъ, эмпирическомъ созерцаніи чрезъ внѣшнее или внутреннее чувство (*Fürst.* Libr. Sacr. W. T. Concordantiae, p. 1020). заставляетъ насъ ограничить область наблюденій Екклезіаста,— даетъ основаніе заключать, что разныя явленія человѣческой жизни и дѣятельности, изображенныя въ нашей книгѣ, относятся къ той странѣ, въ которой Екклезіастъ прожилъ безвыходно всю свою жизнь. Къ этому же заключенію ведетъ и первое объясненіе Екклезіаста: *я, Екклезіастъ, былъ царемъ надъ израилемъ въ Іерусалимѣ*, чѣмъ, очевидно, хотѣлъ онъ сказать, что это его положеніе давало ему возможность хорошо знать все, что дѣлалось у людей, въ странѣ, имъ управляемой, у израиля. Но обширное знакомство его съ иноземцами, посредствомъ котораго могъ онъ знать, что дѣлалось въ другихъ странахъ, и сличать съ тѣмъ, что было въ его собственной, давало ему право свои частныя наблюденія возводить къ общимъ представленіямъ. Обобщеніе частныхъ фактовъ и явленій было въ характерѣ той мудрости (хокмы), представителемъ которой служилъ Соломонъ, и могло, кромѣ того, имѣть особенную цѣль, состоявшую въ связи съ идеею и назначеніемъ самаго произведенія.

Такимъ образомъ вопросъ о сообразности историческаго содержанія нашей книги съ временемъ Соломона долженъ разрѣшаться исключительно или, по крайней мѣрѣ, преимущественно на почвѣ еврейской исторіи. Но пока еще не знаемъ исторіи Соломона и его царствованія, пока еще не опредѣлился для насъ смыслъ историческаго содержанія нашей книги, чтобы можно было видѣть, на сколько вѣрны извлеченныя изъ нея представленія о состояніи еврейскаго народа, мы не можемъ судить о сообразности историческаго содержанія ея во всей широтѣ съ исторіею Соломона и его времени. Можемъ,

однакожъ, руководствуясь свѣдѣніями, почерпаемыми изъ священныхъ книгъ о внутренней жизни еврейскаго народа въ вѣкъ Соломона, повѣрить по нимъ по крайней мѣрѣ тѣ общія черты изъ этой жизни, которыя выпукло представляются въ нашей книгѣ,—тѣ явленія въ жизни общества, современной Соломону, которыя наглядно выставлены Екклезіастомъ, какъ явленія, имъ *видѣнныя*.

Историческія книги ветхаго завѣта не много сообщаютъ намъ свѣдѣній о внутренней жизни еврейскаго народа въ вѣкъ Соломона. Но мы имѣемъ дидактическое произведеніе самого же Соломона, которое служитъ лучшимъ зеркаломъ дѣлъ человѣческихъ въ еврейскомъ обществѣ въ вѣкъ этого государя. Мы разумѣемъ книгу *Притчей*. Книга эта есть собраніе практическихъ замѣчаній и наставленій, высказанныхъ Соломономъ въ разное время его жизни и по поводу тѣхъ или другихъ религіозныхъ, нравственныхъ, соціальныхъ и политическихъ явленій, встрѣчавшихся ему въ современномъ еврейскомъ обществѣ. Если мы сличимъ нашу книгу съ этою книгою, то увидимъ, что и въ книгѣ Притчей намекается на тѣже недостатки и недуги въ еврейскомъ народѣ, какіе указываются въ книгѣ Екклезіастъ. Представимъ насколько примѣровъ такого сличенія.

Видѣлъ я подъ солнцемъ: мѣсто суда, а тамъ беззаконіе; мѣсто правды, а тамъ несправедливость (Екклез. 3. 16). Въ книгѣ Притчей часто встрѣчаются замѣчанія о нарушеніи справедливости на судѣ и о ложныхъ свидѣтеляхъ. Соломонъ въ этихъ замѣчаніяхъ хочетъ указать своимъ современникамъ, какъ противно то и другое Господу и пагубно для виновныхъ. Притч. 17, 15: *оправдывающій нечестиваго и обвиняющій праведнаго—оба мерзость предъ Господомъ*.—Притч. 17, 26: *не хорошо обвинять праваго и бить вельможъ за правду*. Притч. 18, 5: *не хорошо быть лицепріятнымъ къ нечести-*

вому, чтобы ниспровергнуть праведнаго на судѣ. Притч. 24, 24: *кто говоритъ виновному: «ты правъ», того будутъ проклинать народы, того будутъ ненавидѣть племена.* Притч. 21, 3: *напротивъ того, соблюденіе правды и правосудія болѣе угодно Господу, нежели жертва.* Притч. 19, 18: *лукавый свидѣтель издѣвается надъ судомъ....* Притч. 24, 28: *не будь лжесвидѣтелемъ на ближняго твоего; къ чему тебѣ обманывать устами своими?* Притч. 19, 5: *лжесвидѣтель не останется ненаказаннымъ, и кто говоритъ ложь, не спасется.* Под. 21, 28. 14, 25.

Видѣлъ я всякія угнетенія, какія дѣлаются подъ солнцемъ: и вотъ слезы угнетенныхъ, а утѣшителя у нихъ нѣтъ; и въ рукѣ угнетающихъ ихъ—сила, а утѣшителя у нихъ нѣтъ (Екклез. 4, 1). И на этотъ предметъ въ книгѣ Притчей встрѣчается много замѣчаній, показывающихъ, что притѣсненія во дни Соломона были не обычнымъ явленіемъ между людьми. Притч. 22, 22; *не будь грабителемъ бѣднаго, потому что онъ бѣденъ; и не притѣсняй несчастнаго у воротъ.*—Притч. 23, 10; *не передвигай межи давней, и на поля сиротъ не заходи.*—Притч. 28, 16; *неразумный правитель дѣлаетъ много притѣсненій.* Под. 24, 11.

Видѣлъ я, что всякій трудъ и всякій успѣхъ въ дѣлахъ производитъ взаимную между людьми зависть. (Екклез. 4, 4). Завистливые люди были всегда, были и во время Соломона. *Спѣшитъ къ богатству завистливый человѣкъ,* замѣчается въ книгѣ Притчей, *и не думаетъ, что нищета постигнетъ его* (Притч. 28, 22).

Видѣлъ я подъ солнцемъ: богатство, сберегаемое владѣтелемъ его на несчастіе ему самому, и гибель этого богатства при безполезномъ раченіи (בְּעִנְיַן רָע), *такъ что рождается у него сынъ, а въ рукахъ его нѣтъ ничего, и самъ онъ умираетъ въ бѣдности* (Екклез. 5, 12—16). Такія явленія

жадности къ собранію богатства и внезапной потери его бывали всегда, бывали и во время Соломона. Въ притчахъ Соломонъ предостерегаетъ своихъ слушателей на этотъ случай такими словами: *не заботься о томъ, чтобы нажить богатство; оставь такія мысли. Устремишь глаза свои на него, и—его уже нѣтъ; потому что оно сдѣлаетъ себѣ крылья и, какъ орелъ, улетитъ къ небу.* Притч. 23, 4, 5).

Видѣлъ я зло, отъ порѣшности властелина происходящее: глупый поставляется на высотѣ, а благородные сидятъ низко. Видѣлъ я рабовъ на коняхъ, а князей ходящихъ, подобно рабамъ, пѣшкомъ (Екклез. 10, 5—7). Касательно этихъ наблюденій встрѣчаются замѣчанія въ книгѣ Притчей: *сильный дѣлаетъ все произвольно, и глупаго награждаетъ, и всякаго прохожаго награждаетъ* (Притч. 26, 10); *не прилично глупцу пышность, тѣмъ паче рабу господство надъ князьями* (Притч. 19, 10).

Въ Екклез. 7, 7 намекается на то, что во время Екклезіаста существовали подкупы, въ видѣ подарковъ, для притѣсненія другихъ: *притѣсняя другихъ, мудрый дѣлается глупымъ и подарки портятъ сердце.* Объ этомъ злѣ въ разныхъ его видахъ Соломонъ не однократно говоритъ въ Притчахъ. 17, 23: *нечестивый беретъ подарокъ изъ пазухи, чтобъ извратить пути правосудія.* 18, 17: *подарокъ у человѣка даетъ ему просторъ, и до вельможъ доведетъ его.* 18: *первый въ тяжбѣ своей правъ, но приходитъ соперникъ его, и изслѣдываетъ его.* Под. 21, 14.

Изъ Екклез. 10, 20 Екзегеты выводятъ замѣчаніе, что во время Екклезіаста было распространено въ народѣ шпіонство и наушничество: *даже и въ мысляхъ твоихъ не злословь царя, и въ спальной комнатѣ твоей не злословь богатаго: потому что птица небесная перенесетъ слова твои и крылатая перескажетъ рѣчь твою.* Что наушничество было

въ большомъ ходу во время Соломона, видно изъ тѣхъ замѣчаній о немъ, какія встрѣчаются въ Притчахъ. 18, 19: *Слова наушника—какъ лакомства, и они входятъ во внутренность чрева.* 20, 19: *кто ходитъ переносчикомъ, тотъ открываетъ тайну; и кто широко раскрываетъ ротъ, съ тѣмъ не сообщайся.* 26, 20: *гдѣ нѣтъ больше дровъ, огонь погасаетъ, и гдѣ нѣтъ наушника, раздоръ утихаетъ.*

Царская власть и вообще всякая власть представляются одинаково сильными и страшными у Екклезіаста и въ книгѣ Притчей. Екклез. 8, 3. 4: *не спѣши уходить отъ лица царя, и не упорствуй даже и при худомъ повелѣніи: потому что онъ, что захочетъ, все можетъ сдѣлать. Гдѣ слово царя, тамъ власть, и кто скажетъ ему: что ты дѣлаешь?*— Притч. 16, 14: *царскій гнѣвъ—вѣстникъ смерти; но мудрый человѣкъ умилостивитъ его.* Притч. 19, 12: *гнѣвъ царя—какъ ревъ льва.* 20, 2: *гроза царя—какъ бы ревъ льва; кто раздражаетъ его, тотъ грѣшитъ противъ самого себя.* 28, 15: *какъ рыкающій левъ и голодный медвѣдь, такъ нечестивый властелинъ надъ бѣднымъ народомъ.*

Въ Екклез. 4, 17 видятъ намеки на фарисейское благочестіе, состоящее въ одномъ наружномъ богопочтеніи безъ внутренняго сердечнаго расположенія къ Богу, въ жертвоприношеніи безъ заботы о соблюденіи закона, отъ чего авторъ хочетъ отклонить своихъ современниковъ: *наблюдай за ногою твоею, когда идешь въ домъ Божій, и будь готовъ скорѣе слушать, нежели приносить жертвы глупыхъ.* Подобнаго рода предостереженія Соломонъ не однократно высказываетъ въ Притчахъ. 28, 9: *кто отклоняетъ ухо свое отъ слушанія закона, того и молитва—мерзость.* 15, 18: *Жертва нечестивыхъ—мерзость предъ Господомъ, а молитва праведныхъ благоугодна Ему.* 21, 3: *Соблюденіе правды и правосудія болѣе угодны Господу, нежели жертва.*—27: *жертва не-*

честивыхъ—мирзость, особенно когда съ лукавствомъ приносятъ Под. 16, 5.

Въ Екклез. 5, 3. 4. намекъ на то, что во время Екклезіаста любили давать обѣты и не заботились объ исполненіи ихъ: *когда даешь обѣтъ Богу, то не медли исполнить его; потому что Онъ не благоволитъ къ глупымъ: что обѣщалъ исполни. Лучше тебѣ не обѣщать, нежели обѣщать и не исполнить.* О томъ же говоритъ Соломонъ и въ Притчахъ, 20, 25: *сѣть для человѣка поспѣшно давать обѣтъ и послѣ обѣта обдумывать.*

Екклезіастъ сильно жалуется на глубокое развращеніе въ его время: *сердце сыновъ человѣческихъ не страшится дѣлать зло* (8, 11); *сердце сыновъ человѣческихъ исполнено зла, и безумiе въ сердцѣ ихъ, пока живутъ* (9, 3). Видно, что увлеченіе чувственностію было общимъ недугомъ его времени; женщина представляла не счастіе человѣка, а источникъ общаго бѣдствія (7, 26); людей, помнящихъ о своемъ назначеніи и человѣческомъ достоинствѣ, Екклезіастъ находилъ—изъ мущинъ одного на тысячу, а изъ женщинъ—ни одной (7, 28). Не тоже ли самое предполагается въ Притчахъ, гдѣ Соломонъ увѣщаваетъ сыновъ человѣческихъ отстать отъ безумія и послѣдовать внушеніямъ и совѣтамъ мудрости, гдѣ глупость изображается подъ образомъ безпутной женщины, сидящей у дверей своего дома и зазывающей къ себѣ всѣхъ проходящихъ (Притч. гл. 1—9), гдѣ Соломонъ чаще всего предостерегаетъ юношу отъ жены любодѣйной и съ особенною живостію и силою рисуетъ развратъ современныхъ женщинъ, разными видами соблазна увлекающихъ въ сѣти прелюбодѣянія (Притч. 2, 16—19. 5, 3—11. 20. 6, 24—35. 7, 5—27 и друг.)?

Изъ этихъ примѣровъ сличенія нашей книги съ книгою Притчей видимъ, что указываемые въ ней недуги современна-

го ея происхожденію общества, не чужды тому времени, въ которое жилъ Соломонъ, и что высказывать ихъ Соломону не казалось сатирою на самаго себя. Но этимъ сличеніемъ далеко не обрисовывается то спеціальное положеніе вещей, какое видится въ содержаніи нашей книги. Въ представленныхъ параллеляхъ мы видимъ только общіе нравственные очерки жизни, современной Соломону, но не видимъ еще самаго Соломона. А его-то образъ, его личная исторія, его историческое положеніе, прежде всего представляются въ нашей книгѣ, такъ какъ онъ передаетъ въ ней не только то, что видѣлъ подъ солнцемъ, но и что самъ испыталъ въ своей жизни, дознался собственнымъ опытомъ. Обыкновенно представляютъ Соломона мудрѣйшимъ и счастливѣйшимъ не только изъ царей земныхъ, но и изъ всѣхъ людей, жившихъ въ мірѣ, и его царствованіе считаютъ золотымъ вѣкомъ въ исторіи еврейскаго народа. Вотъ съ этими то обычными представленіями о Соломонѣ и его царствованіи далеко не сходится наша книга. Это заставляетъ насъ глубже войти въ исторію жизни и правленія царя Соломона.

Въ изслѣдованіи нашего предмета важное значеніе имѣетъ вопросъ: къ какому времени сорокалѣтняго царствованія Соломона относитъ свое происхожденіе книга Екклезіастъ, выдающая себя за произведеніе этого царя? Рѣшеніе этого вопроса не представляетъ никакихъ затрудненій. Самъ Екклезіастъ, давая отчетъ въ томъ, что онъ испыталъ и извѣдалъ въ своей жизни, и въ томъ, что видѣлъ на землѣ, ясно выражаетъ, что въ это время онъ уже оканчивалъ земное поприще, былъ близокъ къ смерти. *Я былъ царемъ*, говоритъ онъ (1, 12); такъ свойственно было сказать ему въ то время, когда онъ, хотя и оставался еще въ царскомъ достоинствѣ, но уже не чувствовалъ въ себѣ прежней силы и энергіи къ отправленію царскихъ обязанностей. *Возненавидѣлъ я*, говоритъ

онъ въ другомъ мѣстѣ, *весь трудъ мой, которымъ трудился подъ солнцемъ, потому что долженъ оставить его человѣку, который будетъ послѣ меня,* т. е. своему преемнику (2, 18); такъ можно говорить только въ виду близкой смерти. *Всего насмотрѣлся я въ суетные дни мои* (7, 15),—слова, очевидно, человѣка, стоящаго на концѣ своей жизни. Изъ всего содержанія и тона книги, какъ и изъ отдѣльныхъ выраженій ея очевидно, что въ ней разсуждаетъ старецъ, отжившій свой вѣкъ, которому по этой причинѣ видны и ощутительны были всѣ результаты прошедшей жизни—старецъ, переживавшій послѣдніе годы, *въ которыхъ*, по его же выраженію, *нѣтъ удовольствія человѣку* (12, 1). Поэтому, всѣ почти экзегеты, считавшіе книгу Екклезіастъ за произведеніе Соломона, единогласно признавали, что она написана въ концѣ его жизни. [1]) Какъ всякое литературное произведеніе носитъ въ себѣ отпечатокъ возраста своего писателя и приключеній жизни современныхъ или ближайшихъ къ этому возрасту; такъ естественно думать, что и въ нашей книгѣ отпечатлѣлся сколько историческій характеръ послѣдней эпохи царствованія Соломона, столько же и духъ или душевное настроеніе этого великаго государя въ предсмертные дни его жизни.

Исторія Соломонова царствованія описана во всей подробности еще при жизни его, частію, можетъ быть, тотчасъ послѣ смерти его, *въ книгѣ дѣлъ Соломоновыхъ* (3 Цар. 11, 41), *въ запискахъ Навана пророка, въ пророчествѣ Ахіи Силомлянина и въ видѣніяхъ прозорливца Іоиля о Іероваамѣ сынѣ Наватовомъ* (2 Пар. 9, 29). Къ сожалѣнію, эти первые источники точныхъ и обстоятельныхъ свѣдѣній о Соломонѣ и

[1]) См. *Carpzov* introd. ad libr. canonicos V. T. P. II p. 211. *Curs. Compl.* S. S. T. XVII. p. 15.

его царствованіи давно потеряны для исторіи. Особенно важными для насъ могли бы быть два послѣдніе, касающіеся послѣднихъ дѣяній и событій сорокалѣтняго правленія Соломонова. До насъ сохранились только извлеченія изъ этихъ первыхъ источниковъ въ 3 Цар. гл. 1—11 и во 2 Парал. гл. 1—9, передающіе исторію Соломона не съ одинаковою полнотою. Книга Паралипоменонъ опускаетъ весь послѣдній періодъ царствованія Соломона въ его старости, съ того времени, какъ онъ потерялъ благословеніе Іеговы, и дѣла правленія его получили совершенно другой характеръ, противоположный прежнему, мрачный и несчастливый. Отсюда, можетъ быть, происходитъ, что историки, характеризуя царствованіе Соломона только по книгѣ Паралипоменомъ, представляютъ его вообще царствованіемъ блистательнымъ, самымъ счастливымъ въ цѣлой исторіи еврейскаго народа. Но уже первыя печальныя событія, открывшіяся тотчасъ по смерти Соломона при воцареніи сына его Ровоама, окончившіяся отпаденіемъ десяти колѣнъ отъ Дома Давидова, и какъ въ книгѣ Паралипоменонъ, такъ и въ книгѣ Царствъ одинаково (2 Пар. 10, 4 слч. 3 Цар. 12, 4) представляющіяся естественнымъ послѣдствіемъ правленія Соломонова, ясно показываютъ, что писатель Паралипоменонъ съ особенною цѣлію опустилъ исторію послѣдняго періода царствованія Соломона, сославшись только на историческіе источники, въ которыхъ она изображена. Третья книга Царствъ, хотя отрывочно, но въ цѣльной исторической картинѣ, въ гл. 11, представляетъ положеніе дѣлъ при Соломонѣ въ послѣдніе годы его правленія; существенныя черты въ этой картинѣ столь замѣтны, что по нимъ можетъ быть составлена характеристика царя Соломона въ его преклонной старости. Такимъ образомъ, книга царствъ даетъ намъ ясно отличить въ царствованіи Соломона два періода, одинъ на другой мало похожіе и по характеру, съ какимъ является

въ нихъ Соломонъ, и по свойству происходившихъ прежде и послѣ событій. Такъ какъ въ порядкѣ историческомъ послѣдующія событія имѣютъ болѣе или менѣе тѣсную связь съ предыдущими; то представимъ характеристику Соломона и его царствованія первоначально въ первомъ періодѣ, для того чтобы яснѣе озарились передъ нами событія послѣдняго.

Сорокалѣтнее царствованіе Давида, отца Соломона, отъ начала до конца представляло непрерывную борьбу еврейскаго народа со всѣми окрестными народами за свое существованіе, окончившуюся рѣшительнымъ утвержденіемъ Израиля на дарованной ему Іеговою землѣ въ тѣхъ предѣлахъ, какіе указаны Моисеемъ (Втор. 11, 24). Счастливыми войнами Давидъ раздвинулъ свое царство на югъ до краснаго моря, на сѣверъ до Евфрата, завоевалъ славный сирскій городъ Дамаскъ (Арамъ—Дамаскъ) и пограничную съ нимъ и родственную Сову (Aram Zoda. 2 Цар. 10, 6); у Іевусеевъ отнялъ Іерусалимъ и сдѣлалъ его своею резиденціею и средоточнымъ пунктомъ страны; побѣдилъ и покорилъ подъ свою власть Моавитянъ, Едомитянъ и Филистимлянъ,—враждебные народы, которые отъ самаго поселенія евреевъ въ обѣтованной землѣ постоянно угрожали спокойствію и самобытности Израиля (2 Цар. 8, 1—11. гл. 10. 1 Пар. 18, 1—19. гл. 19); и такимъ образомъ царство еврейское получило при Давидѣ разширеніе и силу, какихъ Израиль не имѣлъ въ другое время. Преемнику Давида предстояло упрочить это царство внутри: обезпечивъ предѣлы его отъ нападенія враговъ, связать и организовать всѣ разрозненныя части въ одно цѣлое,—обратить духъ народа, доселѣ еще грубаго и преданнаго только войнѣ, на мирную его дѣятельность,—дать ему образованіе въ мирныхъ искусствахъ, развить его промышленныя силы, положить твердыя начала гражданскаго благоустройства и самобытности, и, наконецъ, не допустить до униженія пріо-

брѣтенное уваженіе и владычественное положеніе между другими народами. Эта трудная и широкая задача выпала на долю Соломона, и въ немъ нашелся человѣкъ болѣе, чѣмъ кто либо изъ людей, принимавшихъ когда либо въ свои руки кормило царскаго правленія, достойный и способный разрѣшить эту задачу столь искусно и столь счастливо, какъ только возможно это было въ сравнительно короткое время.

Соломонъ съ самаго рожденія своего былъ отмѣченъ особымъ избраніемъ и покровительствомъ со стороны Іеговы. Лишь только онъ родился, Іегова чрезъ пророка Наѳана нарекъ ему имя: יְדִידְיָה amicus Iehowae, *возлюбленный Богомъ* (2 Цар. 12, 25). Само собою понятно, что это избраніе и покровительство простирались на Соломона, какъ на орудіе, имѣющее послужить въ намѣреніяхъ Іеговы возвышенію престола Давидова (3 Цар. 1, 37) и упроченію на вѣки царство его (2 Цар. 7, 13. 16. слч. 3 Цар. 9, 5), и условливались со стороны Солома вѣрностію Іеговѣ, хожденіемъ, подобно Давиду, въ чистотѣ и правотѣ сердца, иначе сказать, исполненіемъ заповѣдей и храненіемъ уставовъ и законовъ Іеговы (3 Цар. 9, 4. 5); въ противномъ случаѣ, т. е. въ случаѣ отступленія отъ Іеговы, Соломонъ могъ лишиться права на покровительство Іеговы и навлечь немилость, вмѣстѣ съ собою, на домъ свой и на царство свое. Вступивъ на престолъ въ ранней молодости [1]), Соломонъ уже въ природныхъ дарованіяхъ своихъ имѣлъ большіе задатки смысла для того, чтобы понять свое призваніе во всей широтѣ и всю трудность исполненія его одними человѣческими силами; великую силу природнаго ума своего онъ показалъ тѣмъ, что, понявъ свое призваніе и

[1]) 3 Цар. 3, 7: *я отрокъ малый*. По Іосифу 14 лѣтъ, по мнѣнію Евальда 21 года; преосвящ. Филаретъ (Библ. Ист.) полагаетъ около 20 лѣтъ. Послѣднія мнѣнія вѣроятнѣе перваго, потому что Соломонъ, при вступленіи на престолъ, имѣлъ уже сына (3 Цар. 14, 21 слч. 11, 42).

его трудность, для управленія многочисленнымъ народомъ просилъ Бога даровать ему сердце разумное, чтобы судить народъ и различать, что добро и что зло (3 Цар. 3, 7—9). И, по его желанію, Богъ далъ ему *сердце мудрое и разумное* (3, 12). *Богъ далъ ему*, говоритъ свящ. бытописатель (3 Цар. 4, 29), *мудрость, и весьма великій разумъ и обширный умъ, какъ песокъ на берегу моря* (обычное выраженіе у библейскихъ писателей, когда хотятъ означить чрезвычайное обиліе или величіе чего либо. Быт. 13, 16. 22, 17).

Вступивъ на престолъ, Соломонъ прежде всего обезопасилъ свое государство отъ внутреннихъ враговъ своихъ, которые, будучи не довольны назначеніемъ его въ преемники отцу своему, и расчитывая на его юношескую неопытность, пытались произвести возмущеніе въ народѣ: то были—Адонія, старшій братъ его, домогавшійся престола (3 Цар. 2, 22. 25), Авіаѳаръ, его соумышленникъ, послѣдній первосвященникъ изъ дома Илія (2, 27), Іоавъ, военачальникъ Давидовъ, виновный въ томъ же замыслѣ (2, 34), и др. Избавясь отъ домашнихъ враговъ, Соломонъ поспѣшилъ оградить безопасность своего царства съ внѣшней стороны: для чего вступилъ въ супружество съ дочерью египетскаго царя (3, 1) и закрѣпилъ дружественный союзъ, поддерживаемый еще Давидомъ, съ Хирамомъ, царемъ тирскимъ (5, 12). Первымъ онъ пріобрѣлъ дружбу съ Египтомъ, со времени Моисея питавшимъ вражду къ еврейскому племени и въ то время считавшимся самою сильною и образованною націею. Послѣдній далъ ему ввозможность развить въ своемъ народѣ мирныя искусства и пріобрѣсть своему государству значеніе и выгоды морской державы. Для большаго обезпеченія государства со внѣ, преобразовалъ военное устройство: завелъ постоянную огромную армію съ военными колесницами и конницей,—для чего союзный Египетъ доставлялъ ему лошадей и колесницы (3 Цар. 9, 22. 10, 26.

28. 2 Пар. 1, 14. 16. 17), хотя послѣднее было противно завѣщанію Моисея (Второз. 17, 16). Для той же цѣли цѣлымъ рядомъ пограничныхъ укрѣпленій оградилъ предѣлы своего царства отъ непріятельскихъ нападеній (3 Цар. 9, 17—19. 2 Пав. 8, 3—6).

Для наблюденія за порядкомъ въ странѣ и болѣе удобнаго управленія ею, Соломонъ раздѣлилъ все государство на 12 областей или провинцій, подчинивъ каждую завѣдыванію особаго правителя (3 Цар. 4, 7—20). Обложилъ весь народъ повинностію, состоявшею изъ разныхъ работъ для сооруженія многочисленныхъ построекъ (5, 13—18), и податью, которая производилась натурою, разными произведеніями земли для содержанія царскаго двора, чиновниковъ и войска (4, 7. 27. 28), и деньгами для царской казны (4, 21). Общественную безопасность оградилъ строгою полиціею (Пѣсн. 3, 3. 5, 7) дѣятельность которой не ограничивалась только столицею. Для стройнаго и точнаго отправленія всѣхъ дѣлъ государственнаго управленія увеличилъ штатъ чиновниковъ, поручивъ каждому завѣдываніе особою частію (4, 2—6. 9, 22. 5, 14. 11).

Заботясь о блескѣ своего царства, Соломонъ обратилъ вниманіе на обстройку столицы. Давидъ, избравъ Іерусалимъ царскою резиденціею, вмѣстѣ съ нимъ предназначилъ ему быть и мѣстомъ селенія Іеговы. Какъ возлюбленный Іеговою, исполняя завѣщаніе своего отца. Соломонъ съ помощію тирскихъ художниковъ и рабочихъ соорудилъ на горѣ Моріа великолѣпный храмъ. Храмъ этотъ, раскинутый на очень большомъ пространствѣ, окруженный многими домами для священниковъ и левитовъ, мѣстами для жертвъ и алтарями, отличался и красотою архитектуры, а еще болѣе своимъ необыкновеннымъ великолѣпіемъ рѣзными работами, всякаго рода украшеніями и особенно громадной массой золота и серебра,

употребленныхъ на его отдѣлку, которою возбуждалъ общее удивленіе (3 Цар. гл. 6. 7. 2 Пар. гл. 3—5. *Шлоссеръ*, Всемірн. Истор. изд. 2, т. I. стр. 53. *Веберъ*, Курсъ всеобщ. Истор. изд. 2. т. I. стр. 133). Послѣ храма Іеговѣ, построилъ домъ для себя (3 Цар. 7, 1) и домъ для дочери Фараоновой, жены своей (8). Іосифъ Флавій, подробно описывая устройство царскаго дома, говоритъ, что оный состоялъ изъ нѣсколькихъ огромныхъ и великолѣпныхъ чертоговъ, имѣвшихъ различныя назначенія: для народныхъ судовъ, для засѣданія самаго Соломона, для царицы, для храненія царскихъ сокровищъ, для отдыха послѣ окончанія дѣлъ и пр. (Древн. іуд. VIII 5. §§ 1 и 2). Кромѣ того, украсилъ столицу многими другими зданіями и дворцами и обнесъ ее каменною стѣною (3 Цар. 9, 15). Основалъ много новыхъ городовъ, нѣкоторые изъ древнихъ обстроилъ и украсилъ, съ разнымъ назначеніемъ ихъ въ царской администраціи и государственной экономіи (3 Цар. 9, 17—19. 2 Пар. 8, 2—6).

При новыхъ порядкахъ и огромныхъ предпріятіяхъ Соломона возникла въ народѣ новая жизнь. Обладая самъ высокимъ и всесторонним образованіемъ, Соломонъ привлекъ къ нему вниманіе и своихъ подданныхъ. Занимая народъ постоянно разнообразными постройками и сооруженіями подъ руководствомъ тирскихъ мастеровъ и художниковъ (2 Пар. 2, 14), Соломонъ способствовалъ развитію въ своемъ народѣ всякаго рода ремеслъ, искусствъ, художествъ и изящнаго вкуса. Земледѣліе и промышленность, поощряемыя и возбуждаемыя государственною экономіею (3 Цар. 4, 7. 27), приняли широкое развитіе, давая изъ себя богатое продовольствіе не только своей, но и чужой сосѣдней странѣ (5, 11). Развитію послѣдней особенно способствовала торговля, получившая во дни Соломона чрезвычайное оживленіе. Торговыми договорами съ цвѣтущими сосѣдними государствами на Евфратѣ, Нилѣ и Фи-

никійскомъ берегу, Соломонъ возбудилъ въ своихъ подданныхъ духъ промышленной предпріимчивости и способствовалъ взаимному обмѣну своихъ произведеній на произведенія другихъ далеко опередившихъ ихъ въ развитіи народовъ (3 Цар. 5, 14—25. 2. Пар. 8, 17. 18). Построивъ на одномъ оазисѣ сирійской пустыни, между Дамаскомъ и Евфратомъ, городъ Пальмиру (2 Пар. 8, 4.), который былъ однимъ изъ главныхъ пунктовъ караванной торговли древняго міра, Соломонъ притянулъ къ своей странѣ богатства сѣверныхъ народовъ. Устроивши же корабль и отправляя его съ финикійскими въ отдаленный Офиръ, доставлялъ своей странѣ многочисленныя сокровища Остъ-Индіи (3 Цар. 9, 26—28).

Естественнымъ послѣдствіемъ лучшей государственной организаціи, государственной экономіи, соціальныхъ сношеній съ другими народами, равно какъ промышленности и торговли, было обогащеніе страны, какъ и самого Соломона. Богатство Соломона, по сказанію священныхъ книгъ и Іосифа Флавія, было такъ велико, что серебро во дни Соломона считалось за ничто (3 Цар. 10, 21), цѣнилось не дороже простаго камня, а кедры, при ихъ обиліи, сдѣлались равноцѣнными сикоморамъ, растущимъ на низменныхъ мѣстахъ (3 Цар. 10, 27. 2 Пар. 9, 27). Богатство Соломона собиралось изъ разныхъ источниковъ: отъ собственныхъ областей, отъ иноземныхъ царей и отъ торговли. Областные правители, кромѣ дани золотомъ (сл. 3 Цар. 10, 15), доставляли съ своихъ провинцій ко двору Соломона въ большомъ обиліи разные предметы продовольствія (3 Цар. 4, 1—7. 21—23. 10, 15). Большіе подарки получалъ Соломонъ ежегодно отъ дружественныхъ государей иноземныхъ народовъ, какъ то: сосуды серебряные и золотые, одежды, оружія, благовонія, коней и муловъ (3 Цар. 10, 24. 25). Большія сокровища доставляла Соломону морская торговля: корабль его, отправлявшійся вмѣстѣ съ Хирамовымъ

чрезъ красное море въ Индію, привозилъ оттуда чрезъ каждые три года золото, серебро, слоновую кость, красное дерево, драгоцѣнные камни, обезьянъ и павлиновъ (3 Цар. 10, 11. 22). Ежегодный доходъ Соломона однимъ только золотомъ священный бытописатель исчисляетъ до 666 талантовъ золотыхъ [1]), не принимая въ этотъ счетъ золота и серебра, которыя получались, въ видѣ пошлины, отъ разносчиковъ товара, отъ торговли купцовъ, и въ видѣ подати отъ царей аравійскихъ и облачныхъ начальниковъ (3 Цар. 10, 14. 15. 2 Пар. 9, 14). Говоря о чрезвычайномъ богатствѣ Соломона, бытописатель замѣчаетъ вообще, что онъ превосходилъ имъ всѣхъ царей земли (3 Цар. 10, 23. 2 Пар. 9, 22).

Съ чрезвычайнымъ богатствомъ Соломона соединялась и необыкновенная восточная роскошь. По сказанію Іосифа Флавія, всѣ чертоги царскіе построены были Соломономъ изъ мрамора, кедра, золота и серебра; самыя кровли и стѣны во дворцахъ, какъ и въ храмѣ, украшены были обдѣланными въ золото каменьями (Др. іуд. VIII. 5. § 2). Всѣ сосуды для питья, и вся утварь въ домѣ изъ Ливанскаго дерева, были изъ чистаго золота, такъ что изъ серебра ничего не было (3 Цар. 10, 21). Іосифъ Флавій передаетъ также, что вблизи дворцовъ были устроены Соломономъ гульбища и рощи, увеселявшія зрѣніе и своенію тѣнію защищавшія отъ солнечнаго зноя (Др. іуд. VIII. 5. 2); въ разстояніи двухъ стадій отъ Іерусалима было одно мѣсто, называемое Еоаномъ, куда Соломономъ выѣзжалъ каждый день въ утренніе часы, украшенное пріятными садами и орошаемое многими источниками (Др. іуд. II. 7. 2). До нынѣ еще на протяженіи трехъ или четырехъ часовъ пути отъ Іерусалима къ Виѳлеему сохраняется между горъ долина,

---

[1]) Кейль считаетъ въ нихъ болѣе 17 милліоновъ талеровъ. Biblische Commentar, III B. die Bücher der Könige, s. 120.

покрытая виноградными садами подъ названіемъ Соломоновыхъ, оканчивающаяся тремя большими, одинъ надъ другимъ возвышающимися бассейнами, подъ названіемъ прудовъ Соломоновыхъ, изъ которыхъ по искуственно устроенному каналу бѣжитъ струя чистой воды до окрестностей самаго Іерусалима (Слч. Rosenmülleri Schol, in V. T., Koheleth, ad 2, 5). Слѣдуя восточному обычаю, Соломонъ содержалъ обширнѣйшій гаремъ, какой только могла допустить не обыкновенная и едва ли не безпримѣрная роскошь богатѣйшаго въ мірѣ повелителя: у него было 700 женъ и 300 наложницъ (3 Цар. 11, 2). Роскошную пышность его поддерживала блестящая придворная свита, состоявшая изъ его министровъ (3 Цар. 4, 6), вельможъ (9, 22) и многочисленной богатоубранной прислуги (9, 22. 10, 5). О роскоши, въ какой Соломонъ проводилъ свою жизнь, можно заключать изъ того, что на продовольствіе его ежедневно доставлялось тридцать ко́ровъ [1]) муки пшеничной, шестьдесять ко́ровъ прочей муки, десять воловъ откормленныхъ и десять воловъ съ пастбища, сто овецъ и множество дичи—оленей, сернъ, сайгаковъ и откормленныхъ птицъ (3 Цар. 4, 22. 23. Др. Іуд. VIII. 2. 4). Можно судить, какъ великъ былъ придворный штатъ, какъ много было всегда гостей, и какъ пышны были царскіе столы. До какой изысканной утонченности доведена была роскошь царскихъ пировъ, можно заключать изъ того удивленія, какимъ поражена была царица Савская, когда увидѣла великолѣпіе всегдашнихъ царскихъ столовъ, приготовленіе снѣдей, виночерпіевъ, одежду служителей и чинъ, наблюдаемый ими въ отправленіи своихъ должностей (Др. Іуд. VIII. 6. 5. сп. 3 Цар. 10, 4. 5). Хотя въ книгахъ царствъ и Паралипоменонъ не говорится объ употребленіи пѣвцовъ и пѣвицъ при столѣ Соломона; но изъ 2

[1]) *Кор* заключаетъ въ себѣ 10 *эфъ*, *эфа* не много болѣе 5 гарнцевъ.

Царствъ 19, 35. видно, что тѣ и другіе были при дворѣ Давида и пѣли при его столѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ восточный обычай (сн. Исаіи 5, 12. Амос. 6, 5. 6), существовавшій и при Давидѣ, коему часто доводилось растворять питіе свое слезами (Пс. 101, 10), при пиршествахъ Соломона былъ доведенъ до наивысшаго развитія. Въ 3 Царствъ, 10, 12 замѣчается, что изъ краснаго дерева, привезеннаго изъ Офира, сдѣланы были Соломономъ гусли и псалтыри для пѣвцовъ; нѣтъ основанія думать, подобно Іосифу Флавію (Древ. Іуд. VIII. 7. § 1), что здѣсь говорится только о музыкальныхъ орудіяхъ, употреблявшихся Левитами при Богослуженіи.

Всѣ эти дѣла Соломона показывали присутствіе въ немъ необычайной мудрости, какую получилъ онъ отъ Бога. Мудрость эта была, впрочемъ, не практическаго только свойства, открывавшаяся въ дѣлахъ царскаго правленія и государственнаго благоустройства, но и теоретическая. Получивъ отъ Бога великій разумъ и обширный умъ, Соломонъ показалъ обширныя познанія въ разныхъ областяхъ человѣческаго вѣдѣнія. Онъ разсуждалъ о деревахъ, отъ кедра, что въ Ливанѣ, до иссопа, вырастающаго изъ стѣны; говорилъ о животныхъ, и о птицахъ, и о пресмыкающихся, и о рыбахъ (3 Цар, 4, 33). По характеру тогдашняго времени, глубокій и проницательный умъ свой Соломонъ особенно показалъ въ притчахъ и загаткахъ, предлагая оныя другимъ и разрѣшая самъ,— также въ замысловатыхъ изреченіяхъ и мудрыхъ совѣтахъ, въ составленіи пѣсней и другаго рода словесныхъ произведеній. Бытописатель говоритъ, что онъ изрекъ три тысячи притчей, и пѣсней его было тысяча и пять (32). Памятникъ его творческаго генія сохранился до насъ въ книгѣ Притчей и Пѣсни Пѣсней; другія произведенія, если они были въ письмени, потеряны въ глубокой древности. Современники, знавшіе блестящія дарованія и обширныя познанія Соломона, ста-

вили его выше всѣхъ мудрецовъ, какихъ только знали. *И была мудрость Соломона*, говоритъ бытописатель, *выше мудрости всѣхъ сыновъ востока и всей мудрости Египтянъ. Онъ былъ*, говорится далѣе, *мудрѣе всѣхъ людей* (30. 31).

Слава о необычайной мудрости Соломона распространялась по всему востоку: *имя его*, говоритъ бытописатель, *было въ славѣ у всѣхъ окрестныхъ народовъ* (4, 31). Эта слава привлекла къ нему всеобщее вниманіе и уваженіе. Не только мудрецы отъ всѣхъ народовъ приходили послушать мудрости Соломоновой (4, 34), но и всѣ цари земли искали видѣть его, чтобы *послушать мудрости, которую вложилъ Богъ въ сердце его* (2 Пар. 9, 23). Приходя къ Соломону, *каждый изъ нихъ подносилъ отъ себя дорогіе подарки: сосуды серебряные, и сосуды золотые, и одежды, оружіе и благовонія, коней и лошаковъ, изъ года въ годъ* (24). Одно изъ таковыхъ посѣщеній съ нѣкоторою подробностію описано въ священныхъ книгахъ. Царица Савеевъ—народа, жившаго на отдаленномъ югѣ, вѣроятно на южной оконечности аравійскаго полуострова, услышавъ въ своей странѣ о дѣлахъ Соломона и его мудрости, приходила въ Іерусалимъ съ большими подарками, чтобы удостовѣриться въ томъ, что говорила повсюду распространившаяся о немъ слава. Увидѣвъ своими глазами богатство Соломона и испытавъ его мудрость, она поражена была чрезвычайнымъ удивленіемъ и завидовала тѣмъ, которые всегда находятся при Соломонѣ и слышатъ мудрость его (3 Цар. 10, 1—10). Такое уваженіе, какимъ пользовался Соломонъ отъ всѣхъ царей и народовъ, служило сколько къ умноженію богатства его, столько къ поддержанію дружественнаго союза съ ними, котораго всѣ они равно искали.

Отсюда естественно происходило, что царство еврейское никогда не наслаждалось такимъ спокойствіемъ со внѣ, какъ во дни Соломона. Почему и называлось оно, по имени его,

царствомъ мира со всѣми окрестными народами. Удивляясь мудрости царя, народы съ завистію и уваженіемъ смотрѣли на еврейскій народъ, имъ управляемый. Въ свою очередь и народъ еврейскій, видя со всѣхъ сторонъ воздаваемое уваженіе своему царю, въ чувствѣ народной гордости, сознавалъ себя на верху величія и славы. Чувство это тѣмъ сильнѣе было въ народѣ, чѣмъ менѣе пользовался онъ уваженіемъ отъ своихъ сосѣдей въ прежнее время. Чѣмъ сильнѣе теперь было оно въ народѣ, тѣмъ болѣе открывало простора и свободы во внутренней жизни его дѣйствію тѣхъ мѣръ, какія предпринималъ Соломонъ къ введенію въ своемъ государствѣ новаго порядка, къ улучшенію его благосостоянія и къ возвышенію въ глазахъ другихъ народовъ, хотя бы эти мѣры иной разъ были и не совсѣмъ легкія. Руководимый мудрымъ своимъ государемъ и одушевляемый громкою славою его имени во всѣхъ окрестныхъ странахъ, народъ съ полною энергіею предавался мирной дѣятельности для своего образованія и для развитія тѣхъ средствъ и способовъ, коими должно было улучшаться его благосостояніе, и тѣмъ охотнѣе, что успѣхи и плоды этой дѣятельности очень скоро стали быть замѣтными. Народъ видѣлъ быстрое возвышеніе производительности своей страны во всѣхъ частяхъ ея и несмѣтный приливъ сокровищъ изъ другихъ странъ, и чувствовалъ себя довольнымъ и счастливымъ, какъ никогда прежде. Это былъ золотой вѣкъ въ жизни народа еврейскаго, о которомъ онъ долго вспоминалъ въ послѣдующее время своей исторіи. Потому священный бытописатель, говоря о первомъ періодѣ царствованія Соломонова, замѣчаетъ: *и жили Іуда и Израиль спокойно, каждый подъ виноградникомъ своимъ и подъ смоковницею своею, отъ Дана до Вирсавіи, во всѣ дни* [1]) *Соломона* (3 Цар. 4, 25).

[1]) *Всѣ дни* — כָּל יְמֵי, по ходу повѣствованіе 3 Цар., относится къ первому періоду царствованія Соломона, изображенному въ гл. 1—10.

Но съ цивилизаціей вошли въ страну и болѣзни ея. Мудрость человѣческая, какъ бы она ни была высока и обширна, все же есть мудрость человѣка, а не Бога, не чужда недостатковъ, не свободна отъ погрѣшностей. Потому, никакое—самое мудрое учрежденіе народнаго правителя не можетъ считаться вполнѣ совершеннымъ, чтобы во всѣхъ отношеніяхъ удовлетворяло тѣмъ цѣлямъ, для которыхъ вводится, и чтобы въ немъ не было сторонъ слабыхъ и опасныхъ. Съ другой стороны нельзя поручиться за совершенство самыхъ мудрыхъ преобразованій и мѣропріятій и потому, что исполненіе ихъ производится людьми и между людьми; а тамъ, гдѣ дѣйствуютъ люди, всегда найдется мѣсто свободѣ, произволу, эгоизму, корысти и пр. Поэтому, никого не должно удивлять, что въ дѣлахъ мудрѣйшаго изъ царей земныхъ, получившаго отъ самого Бога особый преизобильный даръ мудрости, оказались недостатки, и отъ нихъ произошли послѣдствія, вредныя для строя народной жизни. Никого не должно удивлять это и потому. что Соломонъ, давая новый строй своему государству, въ самыхъ основаніяхъ его во многомъ отступилъ отъ завѣщанія Моисеева (см. напр. Второз. 17, 16. 20). Особенно важнымъ отступленіемъ было излишнее увлеченіе порядками и обычаями другихъ народовъ, опередившихъ еврейскую націю въ культурномъ развитіи, хотя это представлялось необходимымъ, чтобы еврейскій народъ могъ достигнуть того высокаго положенія между другими народами, какое онъ долгое время занималъ во дни Соломона. Соломонъ самъ уже видѣлъ и сознавалъ тѣ язвы, которыя произведены новою цивилизаціею въ его народѣ, и старался врачевать ихъ, какъ это видно изъ многихъ наставленій и совѣтовъ въ книгѣ Притчей; но не многое могъ онъ сдѣлать, потому что не выдержалъ до конца своего характера, и самъ первый вынесъ на себѣ всю болѣзнь, разрушительные элементы которой таи-

лись въ данной имъ своей странѣ цивилизаціи. Здѣсь мы отмѣтимъ въ общихъ чертахъ главнѣйшіе недуги, открывшіеся въ еврейскомъ народѣ вслѣдствіе новаго строя жизни его.

1. Новая государственная организація народа, введенная Соломономъ, измѣнила рѣшительно, какъ замѣчаетъ Веберъ, прежній патріархальный строй его. Изъ патріархальнаго быта возникла деспотическая монархія; мѣсто родственно-чтимыхъ старшинъ и племеначальниковъ, которыхъ приговорами рѣшались дѣла въ прежнее время, заступила теперь власть царскихъ сановниковъ, произвольно толковавшихъ законъ и облагавшихъ податью свободную прежде собственность народа (Курсъ всеобщ. Истор. Вебера, т. 1. стран. 134. изд. 2). Отсюда 1) естественно должно было мало-по-малу ослабѣть уваженіе власти родительской; что это было уже замѣтно во время Соломона, видно изъ того, что въ книгѣ Притчей онъ такъ часто напоминаетъ дѣтямъ о покорности отцу и почитаніи матери (Притч. 1, 8. 4, 1—3. 6, 20. 10, 1. 13, 1. 15, 5. 20. 19, 18. 26. 20, 20. 23, 22), а родителямъ—о строгомъ воспитаніи своихъ дѣтей (13, 25. 23, 13. 29, 15. 17 и друг.). 2) Чиновничій строй государства, поддерживающій уваженіе къ закону и взаимныя отношенія членовъ общества не внутреннимъ чувствомъ справедливости и національнаго родства, а силою внѣшняго приказа и постановленія, давалъ народу ощущать въ себѣ давленіе власти, деспотіи и часто грубой силы; если это обнаружилось не тотчасъ, то обнаружится въ послѣдствіи, лишь только будетъ данъ случай къ тому. 3) Вслѣдствіе чиновничьяго строя выработался мало-по-малу классъ привиллегированнаго сословія въ государствѣ, ставшій стѣною между народомъ и государемъ. Если не тотчасъ, то скоро сдѣлается народу замѣтнымъ отдѣленіе Соломона отъ своего народа (Шлоссеръ, Всемірная Исторія, т. 1. стр. 53. изд. 2), тѣмъ болѣе, что въ отцѣ его

Давидѣ народъ привыкъ видѣть царя *кроткаго*, т. е. доступнаго для всѣхъ, какимъ и долженъ быть царь по завѣту Моисееву (см. Второз. 17, 20).

2. Большой торговый оборотъ допустилъ исчезнуть патріархальной простотѣ и умѣренности, довольству не многимъ,— тѣмъ, что доступно каждому на своей землѣ, на своемъ родовомъ участкѣ, и произвелъ страсть къ наживѣ и обладанію. Меркантильность возбудила корысть и стремленіе къ захвату. Отсюда явились: а) страсть къ обогащенію, пристрастіе къ сребру и золоту, забота копить и собирать, жадность, скупость и пр.; б) рѣзкія противоположности между состояніями: богатымъ и бѣднымъ, владѣльцемъ и не имѣющимъ ничего, властелиномъ и подвластнымъ, капиталомъ и рабочею силою; возникновенію такихъ разностей въ состояніяхъ въ прежнее время полагалъ препятствіе законъ о неотчуждаемости основной собственности (Лев. 25, 10—16); теперь, съ измѣненіемъ патріархальнаго строя въ чиновничій, этотъ законъ потерялъ свою силу; в) вмѣсто стяжанія имущества посильнымъ трудомъ—стараніе наживаться чужими руками, обманомъ, фальшивою мѣрою и вѣсомъ,—пользоваться, гдѣ можно, на счетъ слабаго и беззащитнаго, и проч. Противъ этихъ недуговъ съ особенною силою Соломонъ вооружается въ Притчахъ: а.) 23, 4. 28, 20; 2, 4. 3, 14. 15. 8, 10. 16, 16. 20, 15; 11, 26. 28, 22; 3, 28; б) 14, 31. 18, 24. 19, 1. 4; 18, 24. 28, 27; 22, 7. 19, 7; в) 1, 19. 15, 27. 20, 17; 28, 7; 11, 1. 20, 10. 23; 1, 13. 16, 8. 22, 16. 23. 23, 10.

3) Богатство, если оно не обращается въ золотаго тельца, дѣлается источникомъ роскошной жизни, нѣги и сладострастія. Непомѣрная роскошь самаго Соломона, втягивая въ свою атмосферу огромную массу чиновниковъ, вельможъ и всѣхъ имѣвшихъ входъ ко двору, посредствомъ ихъ служила заправою жизни цѣлаго народа, въ своей мѣрѣ проходя сверху

внизъ до самыхъ низшихъ словъ общества. И здѣсь, какъ и вездѣ, недугъ этотъ, самый гибельный для народовъ, какъ можно заключать изъ Притчей Соломоновыхъ, произвелъ цѣлый рядъ моральныхъ болѣзней: страсть къ наслажденію (слич. Притч. 21, 17.), невоздержность (20, 1. 23, 20. 21. 30. 31), разсѣянность и легкомысліе (1, 7. 32. 2, 11. 3, 21. 9, 7. 8. 10, 14. 23. 15, 21), женскій развратъ (2, 16. 17. 5, 3. 6, 24. 25. 7, 5—22. 11, 22. 12, 4. 22, 14. 23, 27.), порчу молодаго поколѣнія (7, 7. 22), отвращеніе отъ истиннаго образованія (1, 29. 30), ложное образованіе и невѣжество (16, 22. 18, 2. 1, 22. 3, 7. 13, 17. 14, 3. 15, 14), вольнодумство, безвѣріе и глумленіе надъ всѣмъ священнымъ и нравственнымъ (9, 7. 8. 13, 1. 14, 6. 15, 12. 19, 25. 27. 22, 10. 24, 9.), презрѣніе и преслѣдованіе праведныхъ (1, 17. 24, 15. 29, 10), фарисейство (15, 8. 21, 3. 27.), умственное отупѣніе (10, 21. 14, 6), лѣность (6, 6. 9—11. 10, 5. 12, 11. 24. 20, 4. 13. 21, 25. 22, 13) и пр. Со всѣми этими недугами современнаго общества Соломонъ борется силою приточнаго слова своего.

4). Тѣ матеріальныя выгоды, которыя Соломонъ доставилъ своему народу преобразованіемъ строя государственной жизни, развитіемъ промышленной дѣятельности и внѣшнею торговлею, съ теченіемъ времени потеряли свое обаяніе. Большія постройки, содержаніе постоянной многочисленной арміи, содержаніе чиновниковъ, роскошнаго двора, многочисленнаго гарема, пріемы иностранныхъ гостей и отдарки имъ, роскошныя пиршества, поглощали чрезвычайныя суммы, которыя, далеко не покрываясь царскою казною, ложились на народъ большими и обременительными налогами. Хотя при Соломонѣ поднялась промышленная дѣятельность народа и внѣшняя торговля открыла путь къ выгодному сбыту произведеній собственной страны; но если въ тоже время ввозъ чужихъ про-

изведеній далеко превышалъ сбытъ собственныхъ, если, кромѣ того, на счетъ производительности собственной страны оплачивались постоянно десятки тысячъ иностранныхъ рабочихъ, вмѣстѣ съ многочисленными матеріалами для построекъ, то, естественно, съ теченіемъ времени страна не могла не притти къ обѣдненію отъ несоразмѣрности обмѣна своего производства съ чужимъ. Отбывая при этомъ не бывалыя прежде повинности постоянной воинской службы, работы и барщины, платя подати и неся обременительные налоги, при тѣхъ принудительныхъ мѣрахъ взысканія, къ которымъ прибѣгали приставники, народъ не могъ не видѣть на себѣ *тяжкаго ига*, не могъ не сознавать, что онъ несетъ *жестокую работу*)3 Цар. 12, 4). Но слава, почетъ, какой Соломонъ снискалъ своему царству, громкое имя, какое доставилъ онъ народу, до времени облегчали для него это иго. Забывалась деспотія, пока думалось, что всѣ цари міра приходятъ послушать и удивляются мудрости Соломона. »Щѣпи, говоритъ Блохъ, выкованныя изъ золотаго металла, цѣнились поэтому какъ нарядъ, который чѣмъ тяжелѣ, тѣмъ цѣннѣе«; и такимъ образомъ народъ, не смотря на свое обремененіе, чувствовалъ себя осчастливленнымъ и возвышеннымъ во владѣніи царя, считавшагося мудрѣе всѣхъ сыновъ востока и всѣхъ мудрецовъ Египта. Не видѣлъ его деспотизма или не хотѣлъ видѣть еще и потому, что представлялъ въ немъ избранника Іеговы, помазаннаго пророкомъ, сына кроткаго Давида, коего имя сохранялось въ общей памяти съ глубокимъ уваженіемъ.

Но съ теченіемъ времени чувства народа къ Соломону измѣнились. Встрѣтились обстоятельства, которыя раскрыли глаза народа и дали ему почувствовать тягость своего положенія.

Въ 11 главѣ 3 Царствъ говорится: *и полюбилъ царь Соломонъ многихъ чужестранныхъ женщинъ, кромѣ дочери Фа-*

фараоновой, моавитянокъ, аммонитянокъ, идумеянокъ, сидонянокъ, хеттеянокъ (ст. 1). Одно это уже было въ глазахъ народа тяжимъ соблазномъ, который колебалъ уваженіе къ царю, потому что законъ Іеговы строго возбранялъ сынамъ израилевымъ вступать въ супружества съ дочерями иноплеменныхъ народовъ (ст. 2. сн. Исх. 34, 15. 16. Втор. 7, 3.). Іегова терпѣлъ это отступленіе отъ закона, доколѣ самъ Соломонъ не измѣнилъ Ему; на глазахъ у всѣхъ стояло дивное созданіе Соломона—храмъ Іеговы, въ которомъ онъ молился за народъ свой. Но въ старости, овладѣваемый страстію къ женщинамъ, до того предался имъ, что они склонили сердце его къ инымъ богамъ (ст. 4). Изъ угожденія имъ, онъ построилъ въ самомъ Іерусалимѣ идольскія капища для тѣхъ божествъ, которымъ онѣ служили (ст. 7. 8). Это угожденіе простерлось наконецъ до того, что и самъ сталъ служить Астартѣ, божеству сидонскому, и Милхому, мерзости аммонитской, и пр. (ст. 5). Такое отступленіе отъ Іеговы не могло быть оставлено Имъ безъ вниманія. *И разгнѣвался*, говорится въ книгѣ Царствъ, *Господь на Соломона за то, что онъ уклонилъ сердце свое отъ Господа, Бога израилева* (ст. 9). Іегова, дотолѣ милостивый къ Соломону, возвѣстилъ ему, что за такое отступленіе отниметъ отъ него царство и отдастъ рабу его, и только ради Давида, отца его, исполнитъ это послѣ него, при сынѣ, которому ради же Давида и Іерусалима оставитъ только два колѣна (ст. 11—13). Однакожъ, и самого Соломона Іегова не оставилъ безнаказаннымъ, воздвигнувъ противъ него враговъ и внѣ и внутри царства (ст. 14—40). Этими печальными событіями ознаменовались послѣдніе годы Соломона, и они кладутъ мрачную тѣнь на послѣдній періодъ его царствованія, который является въ совершенномъ контрастѣ со всѣмъ предшествующимъ.

Возобладаніе надъ Соломономъ женщинъ имѣло свое вліяніе не на религіозное только чувство царя, но простира-

лось несомнѣнно и на дѣла правленія. При той безумной привязанности царя, какая довела его до отступленія отъ Бога, ничто, конечно, не удерживало ихъ отъ захвата царской казны и власти въ свои руки. Привыкши къ роскошной жизни, въ это время они могли позволить себѣ не ограниченные никакими финансовыми соображеніями расходы на свѣтскую пышность, на увеселенія и удовольствія, на бенефиціи своимъ фаворитамъ, клонившіеся къ крайнему истощенію казны, обѣдненію страны и отягощенію народа налогами. Что эти госпожи, пользуясь вліяніемъ на царя, и съ своей стороны имѣли покровительствуемыхъ и фаворитовъ, которыхъ надѣляли чинами и отличіями, понятно само собою; и созданныя мѣста домоправителей (3 Цар. 4, 4—5), областеначальниковъ (4, 7—19), начальниковъ надъ податями (4, 6. 27.) и т. д., представляли къ тому благопріятное удобство. Нечего говорить о томъ, что разборъ между болѣе и менѣе достойными въ этомъ случаѣ не имѣлъ мѣста, замѣнялись капризомъ и прихотію пользовавшихся своею властію. Что эти люди, пользуясь покровительствомъ царскихъ фаворитокъ и ихъ фаворитовъ, въ свою очередь обходились съ народомъ не очень мягко и уважительно, позволяли себѣ дѣлать народу всякія притѣсненія и насилія, что при многихъ поставкахъ, какія дѣлались ко Двору, не упускали брать нѣчто и для себя, за это говоритъ всеобщее недовольство управленіемъ (3 Цар. 12, 4). Соломонъ могъ, конечно, видѣть все, что происходило около него; могъ онъ и понимать всю безразсудность и опасность такого порядка вещей; но, предавшись чувственной склонности, не могъ онъ передѣлать его, итти противъ тѣхъ, которымъ далъ много воли, такъ какъ онъ теперь, окруженный женщинами и ихъ креатурами, былъ весь въ ихъ власти и не могъ уже обойтись безъ нихъ.

Слабость царя очень скоро была замѣчена внѣ предѣловъ его царства. Сосѣдніе народы тотчасъ поняли, что чуждыя вліянія (женщинъ) успѣли пріобрѣсти себѣ вѣсъ въ государствѣ, и что не прежняя сильная рука правитъ имъ, не тотъ бодрый и мудрый духъ движетъ силами народа. Нѣкогда грозное величіе Соломона, предъ мудростію котораго благоговѣли всѣ цари земные, стало теперь призракомъ, котораго никто не страшился. Двѣ страны, одна на сѣверѣ, другая на югѣ, покореніе которыхъ стоило Давиду большаго труда, теперь отложились безъ всякаго сопротивленія. *Адеръ*, идумеянинъ царскаго рода, въ малолѣтствѣ спасшійся бѣгствомъ отъ побѣдоноснаго войска Давидова и нашедшій убѣжище у Фараона, узнавши теперь перемѣну въ положеніи Соломона (Др. Іуд. II. 7. § 6.), возвратился въ свое отечество и утвердился въ немъ (3 Цар. 11, 14—22). *Разонъ*, подданный Адраазара царя Сувскаго, отложившійся отъ своего государя во время его войны съ Давидомъ, и сдѣлавшійся потомъ начальникомъ шайки разбойниковъ, овладѣлъ Сиріею Дамасскою вмѣстѣ съ прекрасною столицею, *перломъ востока*, хотя тамъ находилось войско Соломоново, и оттуда производилъ грабежи и опустошенія въ предѣлахъ Палестины до самой смерти Соломона (Др. Іуд. 11. 7. § 6. 3 Цар. 11, 23—25). Можно думать, что и Египетъ, съ которымъ вначалѣ была закрѣплена Соломономъ тѣсная дружба чрезъ супружество съ дочерью Фараона, теперь измѣнилъ свои отношенія къ еврейскому государю. Было ли причиною тому вытѣсненіе дочери Фараона изъ благорасположенія Соломона какою либо соперницею [1]), или перемѣна династіи въ Египтѣ, во всякомъ случаѣ разладъ между дворами египетскимъ и израильскимъ очевиденъ. Мя-

[1]) При изчисленіи языческихъ капищъ, построенныхъ Соломономъ для своихъ женъ, не упоминается о божествахъ египетскихъ. 3 Цар. 11, 5. 7. 8.

тежникъ противъ Соломона (Іероѳоамъ), бѣгущій отъ его руки, находитъ надежное убѣжище и покровительство у египетскаго государя, чего въ прежніе годы Соломона едвали могло быть (3 Цар. 11, 40).

Теперь, когда спало съ глазъ народа очарованіе внѣшнею славою, слишкомъ ощутительными стали для него тѣ удары отъ *бичей* (слч. 3 Цар. 12, 11. 14), которыми приставники Соломона понуждали его на тяжелую работу и выжимали обременительные налоги; поелику только въ убѣжденіи—быть вліятельнѣйшею и дивною націею могли легко сноситься удручающія тягости, которыя несъ народъ. »Нѣкогда, говоритъ Блохъ, златоблестящая цѣпь потеряла теперь свой блескъ, сдѣлалась уже темною, желѣзною; теперь чувствовали, какъ тяжела она, какъ глубоко врѣзалась въ тѣло«. Народъ чувствовалъ себя глубоко униженнымъ и оскорбленнымъ; печаль о прежнихъ дняхъ, когда онъ наслаждался миромъ и спокойствіемъ, крайнее недовольство настоящимъ, представленіе своего безвыходнаго положенія и болѣзненное ощущеніе невыносимаго гнета и притѣсненій отъ приставниковъ, сильное желаніе облегченія тягостей, сознаніе несправедливости, ропотъ, были всеобщи въ народѣ. Народное возстаніе было готово вспыхнуть. Требовался только человѣкъ, призванный руководить имъ.

Возстаніе противъ царя тѣмъ больше угрожало быть страшнымъ, чѣмъ менѣе можно было надѣяться на поддержку со стороны тѣхъ, которыхъ народъ всегда считалъ провозвѣстниками воли Іеговы. Идолослуженіе Соломона, соблазнительное для народа, въ особенности возмущало религіозное чувство священниковъ и пророковъ. Они, какъ представители теократическаго правленія, чувствовали себя глубоко оскорбленными такимъ поведеніемъ Соломона, и если, умѣряемые въ своемъ негодованіи особенною волею Іеговы, не ажитировали народное возстаніе про-

тивъ царя, то и не могли возвышать громко свой голосъ за него. Ахія, пророкъ изъ Силома, встрѣтивъ въ полѣ Іеровоама, сына Наватова, отъ имени Іеговы возвѣстилъ ему, что онъ избранъ владычествовать надъ десятью колѣнами Изра̀иля, которыя Іегова, за отступленіе отъ Него Соломона, возьметъ изъ рукъ сына его, оставивъ ему только Іудино колѣно съ Веніаминовымъ (3 Цар. 11, 29—39). Этотъ-то Іеровоамъ и сталъ теперь во главѣ народнаго возмущенія противъ Соломона (ст. 26).

Здѣсь мы считаемъ нужнымъ остановиться на время, чтобы прояснить настоящее обстоятельство.

Объ Іеровоамѣ, сынѣ Наватовомъ, 3 книга Царствъ, гл. 11, повѣствуетъ, что онъ происходилъ изъ колѣна Ефремова, изъ мѣстечка Цареды или Цартана, находившагося въ долинѣ іорданской (7, 46); былъ *сынъ вдовы*, лишившійся своего отца въ раннемъ дѣтствѣ (слч. 11, 26 съ 28), чѣмъ указывается на бѣдное происхожденіе его; *рабъ* (עֶבֶד) *Соломоновъ*, какъ его подданный (עֶבֶד Быт. 9, 26. 27. 27, 37) и какъ чиновникъ, поставленный имъ къ извѣстной должности (слч. Быт. 40, 20. 41, 10. 37. 38. 50, 7. Исх. 5; 21. 7, 10. 10, 7. 1 Цар. 16, 17. 18, 22. 28, 7). Онъ былъ человѣкъ גִּבּוֹר חַיִל — *сильный, предпріимчивый, энергическій* (слч. Быт. 10, 8. Неем. 11, 14. сн. Др. Іуд. 11. 7. § 8), *молодой юноша*, נַעַר (слч. Быт. 34, 19. 41, 12. 3 Цар. 3, 7. Іерем. 1, 6. 7). Соломонъ, замѣтивъ, что этотъ молодой человѣкъ способенъ къ отправленію царскихъ порученій (עֹשֵׂה מְלַאכְתּוֹ сн. Дан. 8, 27. также Неем. 2, 16. Есѳ. 3, 9. 9, 3), поставилъ его надзирателемъ надъ всѣми рабочими изъ дома Іосифова при исправленіи городскихъ стѣнъ въ Іерусалимѣ. Объ этомъ-то Іеровоамѣ говорится, что онъ *поднялъ руку на царя*, וַיָּרֶם יָד בַּמֶּלֶךְ (3 Цар. 11, 26). Въ чемъ состояло это поднятіе руки на царя, священный по-

вѣствователь не означаетъ, по краткости повѣствованія, но разсказываетъ, по какому случаю или вслѣдствіе чего Іероваамъ былъ подвигнутъ къ такому дѣйствію. Изъ этого разсказа должно заключать, что Іероваамъ, получивъ откровеніе чрезъ пророка Ахію о томъ, что Іегова, за отступленіе Соломона, избираетъ его царемъ надъ десятью колѣнами Израиля, которыя исторгнетъ изъ руки сына Соломонова, хотѣлъ воспользоваться прежде времени этимъ обѣтованіемъ, т. е. воцариться. Если יָרִים יָד בְּ равносильно выраженію נָשָׂא יָד בְּ 2 Цар. 18, 28. 20, 21; то дѣйствіе Іероваама противъ Соломона заключалось не въ покушеніи на его жизнь, но въ возмущеніи народа противъ него, съ намѣреніемъ отложиться отъ него. Іосифъ Флавій, разсказывая объ этомъ событіи, передаетъ, что Іероваамъ, вознесшись отъ словъ пророка, не могъ оставаться спокойнымъ, потому что по природѣ своей былъ горячъ и предпріимчивъ; почему, когда вступилъ въ назначенную ему должность, помня слова пророка Ахіи, началъ возбуждать народъ къ отступленію отъ Соломона, и питалъ новые замыслы, стараясь единственно о томъ, чтобы сдѣлаться независимымъ отъ своего государя (Др. Іуд. II, 7. § 8). Ефремлянинъ по происхожденію, и поставленный начальникомъ надъ рабочими Ефремлянами же (=домъ Іосифовъ 3 Цар. 11, 28), Іероваамъ прежде, чѣмъ гдѣ либо, возбудилъ возстаніе въ колѣнѣ Ефремовомъ, которое во всей еврейской исторіи представляется въ соревнованіи колѣну іудину, и уже прежде не разъ обнаруживало революціонное направленіе (сн. Суд. 8, 1. 12, 1. 2 Цар. 2, 9. 19, 42). Въ исторіи еврейской это колѣно является представителемъ прочихъ десяти (Суд. 8, 1. 12, 1), которыя вмѣстѣ съ нимъ отложились отъ Давида (2 Цар. 20, 2 и еще прежде 2, 9. 10), а потомъ отъ Ровоама, сына Соломонова. Весьма вѣроятно, что, по возбужденію Іероваама, за Ефремлянами подняли знамя бунта противъ Соломона и прочія девять

колѣнъ израилевыхъ [1]). Это предположеніе оправдывается послѣдующими событіями: а) по смерти Соломона, Ровоамъ идетъ изъ своей столицы въ Сихемъ, главный городъ колѣна Ефремова, для того чтобы воцариться надъ всѣмъ израилемъ; туда уже собрались всѣ израильтяне для того, чтобы рѣшить дѣло объ избраніи царя (3 Цар. 12, 1); предполагается, что Ровоаму было уже извѣстно расположеніе умовъ въ колѣнѣ Ефремовомъ относительно престолонаслѣдія. Объ избраніи Сихема мѣстомъ для присяги Кимхи правильно замѣчаетъ: Quaesiverunt occasionem transferendi regni in Ierobeamum, ideoque noluerunt venire Hierosolima, sed venerunt Sichemum, quae est Ephraimi, et Jerobeam fuit Ephraimita. б) Лишь только умеръ Соломонъ, всѣ израильтяне послали за Іеровоамомъ, который только что возвратился изъ Египта, и призвали его (12, 3). Зачѣмъ же? Первоначально только за тѣмъ, чтобы онъ сталъ во главѣ народной депутаціи для переговоровъ съ Ровоамомъ о смягченіи тяжкаго ига, наложеннаго на народъ отцомъ его Соломономъ. Стало быть, Іеровоамъ былъ уже извѣстенъ народу какъ защитникъ и поборникъ правъ его предъ царемъ. Такимъ онъ и теперь является предъ Ровоамомъ: *тогда*, говорится въ 3 стихѣ, *Іеровоамъ и все собраніе Израильтянъ пришли и говорили Ровоаму* и проч.; потомъ въ другой разъ, ст. 12: *Іеровоамъ и весь народъ пришли къ Ровоаму на тре-*

[1]) Такъ понимаютъ выраженіе 3 Цар. 11, 26 и новѣйшіе писатели еврейской исторіи, *Евальдъ и Гретцъ*. Первый говоритъ: „Послѣ объявленія Ахіи, Іеровоамъ возсталъ открыто противъ правленія Соломона: и хотя мы не знаемъ ближайшаго движенія этого возмущенія, но изъ всѣхъ обстоятельствъ ясно, что оно началось въ сѣверныхъ колѣнахъ и нашло поддержку, такъ что бороться противъ него было не легко“ (Geschichte d. Volkes israel, III Band, 3 Ausg. s. 417). Гретцъ ограничиваетъ возстаніе только Ефремлянами, которыхъ Іеровоамъ поспѣшилъ возбудить къ отложенію отъ дома Давидова (Geschichte der Israëliten I B. s. 363. Leipz. 1874). Послѣдующая исторія 3 Цар. 12, 3. заставляетъ предполагать гораздо болѣе.

тій день и проч. в) Намъ кажется, что и самая рѣчь, обращенная Іеровоамомъ, представителемъ народа, къ Ровоаму, звучитъ еще тѣми выраженіями, въ которыхъ Іеровоамъ нѣкогда, какъ начальникъ надъ рабочими, мотивировалъ народное возстаніе противъ Соломона: *облегчи намъ жестокую работу отца твоего, и тяжкое иго, которое онъ наложилъ на насъ* (12, 4). г) Весь ходъ событія отпаденія десяти колѣнъ отъ наслѣдника Соломонова, совершившійся чрезвычайно стройно и быстро, показываетъ, что событіе это не новое: оно есть повтореніе прежней попытки, не удавшейся при Соломонѣ. Не смотря, однакожъ, на общій ропотъ на деспотическое правленіе Соломона, который повсюду слышался въ народѣ, не смотря на жестокую работу, которую несли подданные Соломона, на тяжкое иго, которое онъ наложилъ на нихъ, были еще преданные ему, которые помнили тѣ счастливые годы, когда онъ доставлялъ Израилю миръ и спокойствіе, благоденствіе и силу, величіе и славу. Имя сына Давидова производило еще въ сердцахъ людей благоговѣйный трепетъ, воздерживающій отъ поруганія его. Видя его старость, сожалѣли о немъ и не хотѣли причинить ему скорби, тѣмъ болѣе, что въ не далекой смерти его видѣлся конецъ тяжкимъ страданіямъ народа. Съ другой стороны, тѣ чиновники, на которыхъ лежала обязанность наблюдать за внутреннимъ порядкомъ и благочиніемъ народа, которые въ продолженіи существующаго порядка вещей видѣли собственный, личный интересъ, по инстинкту самосохраненія, не дремали, конечно, чтобы внимательно слѣдить за всѣмъ, что дѣлалось и говорилось въ самыхъ скрытыхъ и потаенныхъ жилищахъ людскихъ и, какъ птицы небесныя (Еккл. 10, 20), переносили и передавали по принадлежности все, что говорилось и дѣлалось въ лагерѣ злоумышленниковъ. Принимались мѣры, чтобы остановить народное волненіе. Мятежника приказано было поймать и умертвить;

но, узнавъ объ этомъ, онъ скрылся и убѣжалъ въ Египетъ гдѣ нашелъ покровительство у Сусакима, царя египетскаго (11, 40. Др. Іуд. II. 7. § 8). Возмущеніе, такимъ образомъ, было подавлено.

Возмущеніе подавлено; но самое событіе его должно было потрясти душу Соломона, открыть глаза на все происходящее въ его царствѣ, на тѣ плоды, которые вышли изъ сѣменъ, имъ самимъ посѣянныхъ. Соломонъ ясно видѣлъ всю безполезность и мудрости, которою нѣкогда прославился больше всѣхъ царей на землѣ, и тѣхъ разнообразныхъ затѣй и учрежденій, на которыя такъ изобрѣтательна была полная силы и энергіи его молодость. Видѣлъ онъ теперь, что все это одна суета, הבל. Могъ онъ и прежде это видѣть; но обаяніе, въ какомъ чувственное сладострастіе долгое время держало сердце его, закрывало туманомъ глаза и не давало ему серьезно подумать. Теперь, когда наступили годы, въ которыхъ нѣтъ удовольствія человѣку (Екклез. 12, 1), когда притупились чувства къ внѣшнимъ впечатлѣніямъ,—замерло влеченіе къ другому полу и женщина стала существомъ постороннимъ, обаяніе спало съ души его; ничто въ мірѣ не могло уже занимать его и привлекать къ себѣ. Присовокупимъ къ этому грозное опредѣленіе Божіе объ отнятіи отъ него царства за отступленіе отъ Іеговы, и—намъ понятно будетъ состояніе духа нѣкогда сильнаго и славнаго, теперь потрясеннаго и униженнаго. Естественная пора саморазмышленія, въ которомъ человѣку, особенно въ виду не далекой смерти, ясно представляется вся прошедшая жизнь, все въ теченіе ея видѣнное и испытанное, съ послѣднимъ результатомъ всего сдѣланнаго отъ начала до конца ея. Плодомъ этого саморазмышленія Соломона и представляется разсматриваемая нами книга-Екклезіастъ.

Если мы сличимъ теперь тѣ черты, которыми въ книгѣ Екклезіастъ изображается Соломонъ и современное ему положеніе вещей, съ начертанною нами исторіею его царствованія, то увидимъ, что наша книга заключаетъ въ себѣ самое точное отображеніе ея и самое живое изображеніе духа Соломона въ послѣдніе дни его жизни.

Я, Екклезіастъ, былъ царемъ надъ Израилемъ въ Іерусалимѣ (1, 12). Хотя онъ продолжалъ еще называться царемъ до самой кончины, но уже возвѣщенъ грозный судъ Божій объ отнятіи у него царства; царское господство давно уверпулось изъ рукъ его, давно уже правятъ за него другіе; могущество, слава, уваженіе, какимъ пользовался внѣ своей страны, отошли отъ него; вліяніе внутри изчезло; отъ прежняго славнаго и великаго царя осталась одна тѣнь, и та близилась къ могилѣ.

Вспоминая о прошедшей жизни, Екклезіастъ говоритъ, что онъ мудростію своею превосходилъ всѣхъ, которые были прежде его въ Іерусалимѣ, сердце его было полно мудрости и знанія (1, 16), былъ великимъ и богатымъ также больше всѣхъ, бывшихъ прежде него въ Іерусалимѣ (2, 9), предпринималъ большія дѣла, построилъ себѣ домы, насадилъ себѣ виноградники, устроилъ сады и рощи и насадилъ въ нихъ всякія плодовитыя деревья; сдѣлалъ себѣ водоемы для орошенія изъ нихъ рощей; пріобрѣлъ себѣ слугъ и служанокъ, также крупнаго и мелкаго скота было у него много; собралъ себѣ серебра и золота и драгоцѣнностей отъ царей и областей; завелъ у себя пѣвцовъ и пѣвицъ и услажденіе сыновъ человѣческихъ—разныя музыкальныя орудія (2, 4—8); заботясь о пріятности своей жизни, онъ ни въ чемъ не отказывалъ глазамъ своимъ, чего бы они ни пожелали; не возбранялъ сердцу своему никакого веселія (2, 10). Все это согласно съ исторіею Соломона.

Воспоминая о своемъ величіи и славѣ, которыя пріобрѣлъ своими дѣлами, Екклезіастъ замѣчаетъ, что въ то время и *мудрость его пребывала съ нимъ* (2, 9); чѣмъ намекается на то, что въ жизни его было время, когда мудрость оставила его. Въ главѣ 7 восхваляя мудрость выше всякаго наслѣдства и богатства, и рекомендуя ее, какъ лучшее руководство въ жизни, при всѣхъ обстоятельствахъ, въ какія мы поставляемся, обращается къ самому себѣ съ такимъ совѣтомъ: *буду я мудрымъ*, и въ тоже время замѣчаетъ: *но мудрость удалилась отъ меня*; *далеко стало то, что было, и глубоко—глубоко*, такъ что трудно *постигнуть* происшедшей въ немъ перемѣны (7, 23. 24.). Какая же тому причина? вслѣдствіе чего произошла такая перемѣна? Причины этому въ жизни не находитъ другой, кромѣ привязанности къ женщинамъ, которыя овладѣли его сердцемъ и держали его въ своихъ оковахъ (25. 26). Это обстоятельство, такъ выпукло выступающее въ исторіи Соломона, долго жило въ памяти народа, и на него всегда указывали, какъ на единственную причину измѣненія Соломона, произведшую столько зла въ его царствѣ. *Не изъ за нихъ ли* (иноземныхъ женъ), говоритъ Неемія, *грѣшилъ Соломонъ, царь Израилевъ? У многихъ народовъ не было такого царя, какъ онъ. Онъ былъ любимъ Богомъ своимъ, и Богъ поставилъ его царемъ надъ всѣми израильтянами; и однакожъ чужеземныя жены ввели въ грѣхъ и его* (Неем. 13. 26.). *Какъ мудръ ты былъ въ юности твоей*, восклицаетъ сынъ Сираховъ къ памяти Соломона, *и подобно рѣкѣ полонъ разума! Душа твоя покрыла землю, и ты напомнилъ ее загадочными притчами; имя твое пронеслось до отдаленныхъ острововъ, и ты былъ любимъ за миръ твой; за пѣсни и изреченія, за притчи и изъясненія тебѣ удивлялись страны. Во имя Господа Бога, наименованнаго Богомъ Израиля, ты собралъ золото, какъ мѣдь, и умножилъ серебро, какъ свинецъ. Но ты наклонилъ чресла твои къ женщинамъ, и поработился имъ тѣломъ твоимъ; ты положилъ пятно на славу твою, и осквернилъ сѣмя твое такъ,*

что навелъ гнѣвъ на дѣтей твоихъ,—и они горько оплакивали твое безуміе и проч. (Сир. 47, 16—23).

Въ книгѣ Екклезіастъ часто встрѣчается противопоставленіе богатства и бѣдности; видно, что въ современномъ обществѣ существовало рѣзкое раздѣленіе между богатымъ и бѣднымъ (5, 11 6, 8. 5, 7 и др.). Богатый пользовался почетомъ, бѣднаго презирали, хотя бы онъ даже былъ мудрый (9, 15. 16.). Страсть къ наживѣ; къ богатству, жадность и скупость составляли господствующую болѣзнь, противъ которой такъ сильно вооружается Екклезіастъ (2, 26. 4, 8. 5, 9. 12. 6, 2.). Были въ обществѣ и такіе люди, которые богатство обращали въ средство къ пресыщенію и роскошной жизни (5, 10. 11.). Въ то время, какъ одни снѣдаемы были мучительною заботою только собирать и копить (2, 26), отъ скупости отказывали себѣ въ самомъ необходимомъ, ѣли всю жизнь свою въ потьмахъ, въ большомъ раздраженіи, въ огорченіи и досадѣ (5, 16), другіе предавались пресыщенію, проводили жизнь въ наслажденіяхъ, удовольствіяхъ, пиршествахъ (6, 11. 5, 11. 7, 2—5. 10, 19). Думая только объ удовольствіяхъ, не заботились о своемъ образованіи; отсюда много было въ обществѣ людей легкомысленныхъ, разсѣянныхъ, глупыхъ (7, 4. 10, 2. 3. 12—15.), которые вели жизнь въ празднословіи, лѣности (4, 5. 7, 4. 6. 10, 13. 15.). Въ религіозномъ отношеніи замѣчается, съ одной стороны, безвѣріе, грубый матеріализмъ, презрѣніе всего святаго, нечестіе, развратъ, закоснѣніе въ злѣ (3, 18—21. 8, 11—13. 9, 2. 3. 7, 26 и др.), съ другой стороны—лицемѣрное служеніе Богу, фарисейство; приносили жертвы Богу, но не думали о исполненіи Его заповѣдей (4, 17. 5, 1. 2.), давали обѣты и не исполняли ихъ (5, 3. 4.); клятва, какъ признакъ взаимнаго недовѣрія, была также въ обычаѣ (9, 2.).

Вся страна была раздѣлена на области, которыя состояли подъ управленіемъ начальниковъ, надъ ними наблюдали высшіе, а надъ сими еще высочайшіе (2, 8. 5, 7). Въ то время, къ которому относится происхожденіе нашей книги, было худое управленіе въ государствѣ: худые правители самопроизвольно раздавали мѣста и должности людямъ недостойнымъ, обходя достойнѣйшихъ; невѣжи занимали высшія мѣста, а люди знатные стояли низко, рабы пользовались почетомъ, а люди сановитые пренебрегались (10, 5—7). Начальствующіе въ областяхъ притѣсняли бѣдныхъ; въ судахъ не было правды и чинилось всякое беззаконіе (5, 7. 3, 16. 7, 7); подарки дѣлали все (7, 7). Правители вели жизнь роскошную на счетъ казны, пиршествовали и веселились, пресыщались и упивались, а дѣлами не занимались, къ разоренію государства (10, 16. 18. 19). А между тѣмъ, съ народомъ обходились грубо и дерзко (9, 17. 10, 4. 4, 1. 5, 7). Чтобы держать народъ въ страхѣ и повиновеніи, повсюду было распространено полицейское шпіонство, которое проникало въ самые внутренніе покои семействъ (10, 20). Такое правленіе возбуждало въ народѣ раздраженіе (7, 9 слч. 7); народъ иногда выходилъ изъ себя, когда встрѣчалъ запальчивое обращеніе съ нимъ начальствующихъ (10, 4). Повсюду слышно недовольство настоящимъ; сравнивая его съ прошедшимъ, народъ высказывался открыто, что прежніе дни были лучше нынѣшнихъ (7, 10). Общее недовольство и раздраженіе простирались до того что народъ склоненъ былъ къ возмущенію противъ царя, къ отпаденію отъ него (8, 2—4). Въ 4, 13—16 высказывается ясный намекъ на возмущеніе Іеровоама. Такъ какъ это мѣсто считается у экзегетовъ такимъ историческимъ пунктомъ, по которому одному часто хотятъ опредѣлить не только время происхожденія, но и смыслъ цѣлой книги, примѣняя его къ тѣмъ или другимъ лицамъ въ исторіи; то мы находимъ нужнымъ остановить на немъ особое вниманіе.

Мѣсто это читается такъ: *лучше бѣдный, но умный юноша, нежели старый, но глупый царь, который не умѣетъ пользоваться внушеніями. Ибо тотъ изъ тѣмницы выйдетъ на царство, хотя родился въ царствѣ своемъ бѣднымъ. Видѣлъ я всѣхъ живущихъ подъ солнцемъ съ юношею—этимъ вторымъ, который станетъ на мѣстѣ того. Нѣтъ числа всему народу, всѣмъ, предъ которыми онъ былъ; однакожъ, послѣдующіе (потомки) не порадуются имъ* (4, 13—16). Кто этотъ старый и смѣнившій его молодой царь, экзегеты разногласятъ.

Грѣтцъ подъ старымъ, но глупымъ царемъ разумѣетъ Ирода великаго, а подъ мудрымъ юношею—сына его Александра, который, по подозрѣнію въ заговорѣ противъ отца своего, былъ заключенъ въ темницу и присужденъ къ смерти. Но 1) объ Александрѣ нельзя сказать, что онъ родился въ царствѣ своемъ бѣднымъ, потому что родился въ то время, когда Иродъ былъ царемъ не только Галилеи, но и Іудеи (Др. Іуд. XIV, 16 § 1. 2.) 2) Александръ не восходилъ на царство и не заступалъ мѣста отца своего, а былъ казненъ еще при жизни его (Древ. Іуд. XVI. 11. § 6).

Гитцигъ въ прежнихъ своихъ изъясненіяхъ (Der Prediger Salomo's, s. 157. Kurzgefasst. exegetisch. Handb. z. A. T. 1847) подъ старымъ неразумнымъ царемъ, не умѣвшимъ принимать наставленія, разумѣлъ первосвященника Онію втораго, который назывался προστάτης τοῦ λαοῦ, а подъ бѣднымъ мудрымъ юношею—его племянника Іосифа, родившагося въ деревнѣ, называемой Φιχόλα. По сказанію Іосифа Флавія, престарѣлый Онія, по своей склонности къ корыстолюбію, едва не погубилъ своей страны, отказавшись платить подать (20 талантовъ серебр.) Птоломею Евергету. Юный возрастомъ Іосифъ, послѣ безуспѣшныхъ совѣтовъ своему дяди поѣхать къ царю и умолить его или о прощеніи или по крайней мѣрѣ объ уменьшеніи подати, рѣшился отправиться самъ въ Александрію,

гдѣ благоразуміемъ и расторопностію успѣлъ расположить Птоломея въ свою пользу и исправнымъ взносомъ подати отвратилъ отъ своего отечества грозившую ему опасность—преданіе въ руки воиновъ (Др. Іуд. XII. 4. § 1—5). Іосифъ этотъ никогда не былъ въ темницѣ; но полагаютъ, что בֵּית הַסֹּהֲרִים означаетъ родину Іосифа, называвшуюся Φιχόλα вмѣсто Φυγέλα, каковое имя, по свидѣтельству Плинія, носилъ одинъ іонійскій городъ, основанный дезертирами (oppidum, a fugativis conditum, uti nomen indicio est, Plin. H. N. 5, 31). Но, кромѣ этой натяжки, противъ представленнаго изъясненія говоритъ еще то, что Онія не былъ царемъ (מֶלֶךְ), а только первосвященникомъ, и προστάτης τοῦ λαοῦ далеко не тоже, что מֶלֶךְ; притомъ изъ краснорѣчиваго повѣствованія Флавія объ Іосифѣ не видно, чтобы онъ заступилъ мѣсто Оніи и въ первосвященническомъ достоинствѣ.

Шмидтъ (Solomo's Pred. od. Koheleths Lehren v. I. E. Chr. Schmidt, p. 135. Giessen 1794), въ послѣднее время и Гитцигъ (Hilgenfeld's Zeitschr. für wiss. Theol. s. 566—576. 1871) думаютъ, что писатель имѣлъ въ виду здѣсь Саула и Давида, разумѣя подъ бѣднымъ но умнымъ юношей послѣдняго, а подъ старымъ и глупымъ царемъ перваго. Но о Давидѣ писатель не могъ сказать, что позднѣйшіе не порадуются имъ: имя Давида во всѣ времена какъ до плѣна, такъ и послѣ плѣна вавилонскаго, пользовалось въ народѣ еврейскомъ особеннымъ уваженіемъ; Давидомъ народъ хвалился и именемъ его позднѣйшіе роды евреевъ молили Іегову продлить Свои милости къ нимъ.

Относятъ еще это мѣсто къ исторіи Іосифа въ Египтѣ: его представляютъ въ бѣдномъ и умномъ юношѣ, а въ старомъ и глупомъ царѣ видятъ Фараона. Это изъясненіе весьма древнее: оно приводится въ Aboth. d. R. Nathan (c. 10) отъ имени одного древняго Талмудиста. Въ *Мидрашѣ* къ раз-

сматриваемому нами мѣсту замѣчается, что умный бѣдный юноша есть Іосифъ. Этого изъясненія держался *Абенъ-Езра* (Comment ad. h. l.); изъ новѣйшихъ экзегетовъ слѣдовали ему *Рамбахъ* (Notae uberiores in Eccles. Salom. Hal. 1720), *Нахтигаль* (Koheleth od. die Versammlung der Weiser, Halle, 1798) и *Циркель* (Untersuchungen über den Prediger u. s. w., Würzb. 1792); къ нему склоняется отчасти и *Блохъ* (Ieschur, B. VIII, 2 и 3 Heft. s. 178). Въ чертахъ юноши, изображеннаго въ нашей книгѣ, много есть сходнаго съ библейскимъ Іосифомъ. Іосифъ въ книгѣ Бытія называется *юношею*—יֶלֶד (37, 30. 42 22). Родился онъ въ своей странѣ бѣднымъ: все семейство Іакова, живя въ землѣ Хананеевъ, считалось чужимъ, пришлымъ (34, 30. 35, 1); а Іосифъ въ самой родной семьѣ былъ отверженный братьями. Іосифъ былъ въ темницѣ—בֵּית הַסֹּהַר (39, 20), куда заключилъ его Потифаръ по клеветѣ своей жены. Потомъ изъ темницы былъ освобожденъ и призванъ къ управленію всею египетскою землею за свою мудрость, какую показалъ въ темницѣ изъясненіемъ сновъ двумъ царедворцамъ и самому фараону (Премуд. 10, 13. 14). Фараонъ говорилъ Іосифу: *такъ какъ Богъ открылъ тебѣ все сіе* (значеніе видѣнныхъ имъ сновъ); *то нѣтъ столь разумнаго и мудраго какъ ты; ты будешь надъ домомъ моимъ, и твоего слова держаться будетъ весь народъ мой; только престоломъ я буду больше тебя; вотъ я поставляю тебя надъ всею землею египетскою* (Быт. 41, 39—41). Получивши такую власть, Іосифъ своею предусмотрительностію и распорядительностію спасъ народъ отъ голодной смерти и чрезъ это пріобрѣлъ большую популярность (47, 15 сл). Но продавая Египтянамъ хлѣбъ за сребро, скотъ и принадлежавшія имъ поля, Іосифъ сдѣлалъ всѣхъ ихъ крѣпостными рабами Фараона (47, 21), а землю и все ихъ имущество обратилъ въ его собственность (47, 20), поэтому, говорятъ, послѣдующія поколѣнія не могли имъ утѣ-

шаться и имя его скоро забылось (Исх. 1, 8). Можетъ быть, разсуждаетъ Блохъ, такая политика Іосифа была первою причиною той великой ненависти, какую Египтяне питали къ Евреямъ. Что касается Фараона, то экзегеты очень находчиво примѣняютъ къ нему выраженіе: לֹא־יָדַע לְהַחֲזִיר עֹזר, переводя его съ Іеронимомъ: qui nescit praevidere in posterum, т. е. *не былъ способенъ провидѣть въ будущее* (Быт. 41, 25). Но вмѣстѣ съ симъ выступаетъ цѣлый рядъ такихъ чертъ въ исторіи Іосифа, которыя не согласуются съ изображеніемъ стараго царя и умнаго юноши у Екклезіаста. 1) Изъ книги Бытія не видно, что Фараонъ былъ старикъ, не видно, что онъ былъ глупъ и не способенъ принимать совѣты или предостереженія (провидѣть въ будущее не есть достояніе человѣка, хотя бы и умнаго); изъ исторіи Іосифа видно, напротивъ, что онъ умѣлъ оцѣнить достойнаго юношу, воспользоваться не только его совѣтомъ, но и имъ самимъ на случай предстоящаго для цѣлой страны бѣдствія, съ полнымъ сохраненіемъ при этомъ своего царскаго достоинства *(только престоломъ я буду больше тебя)*. 2) Іосифъ не былъ царемъ въ Египтѣ и не заступалъ мѣста Фараона; онъ былъ поставленъ высшимъ правителемъ надъ всею землею, первымъ по царѣ министромъ, что было обычнымъ явленіемъ въ восточныхъ государствахъ, но царемъ во все время оставался самъ Фараонъ, и Іосифъ скупалъ всѣ земли Египтянъ для Фараона (Быт. 47, 20). Екклез. 4, 14 לִמְלֹךְ *для царствованія*; какъ מַלַךְ такъ и מֶלֶךְ нигдѣ въ Библіи не употребляются въ смыслѣ вообще управленія или завѣдыванія, и не означаютъ другаго владычества, кромѣ царскаго. Равнымъ образомъ выраженія: אֲשֶׁר יַעֲמֹד תַּחְתָּיו *который* (т. е. юноша) *станетъ на мѣсто того*, т. е. займетъ мѣсто стараго, но глупаго царя, нельзя примѣнить къ Іосифу. Также, выраженіе: עִם הַיֶּלֶד הַשֵּׁנִי *съ юношею этимъ вторымъ* не указываетъ на то, что этотъ юноша, о которомъ

говоритъ Екклезіастъ, былъ не царемъ, а только вторымъ лицемъ въ государственномъ управленіи, какое мѣсто назначается Іосифу въ выраженіи: *велѣлъ везти его на второй изъ своихъ колесницъ* (41, 43); оно имѣетъ другой смыслъ. 3) Выраженіе народомъ своего сочувствія и покорности этому юношѣ предполагается по нашей книгѣ (4, 15. 16) свободное и не принужденное; а обращеніе Египтянъ къ Іосифу было вынуждено крайнимъ голодомъ: къ нему обращались не какъ къ царю, а какъ распорядителю хлѣбныхъ запасовъ. 4) *Послѣдующіе не порадуются имъ...* Если здѣсь имѣется въ виду то печальное положеніе, въ какое поставилъ Іосифъ Египтянъ, сдѣлавъ ихъ крѣпостными рабами Фараона, то въ этихъ словахъ выражается не похвала, а порицаніе юноши, котораго прежде назвалъ бѣднымъ, но умнымъ, лучше стараго, но глупаго царя. Объ Іосифѣ едва ли сказалъ бы онъ это.

Еще въ прошломъ столѣтіи *Мендельсонъ* высказалъ мнѣніе, что авторъ въ разсматриваемомъ нами мѣстѣ имѣлъ въ виду исторію Іероваама и Ровоама, изложенную въ 3 Цар. 12 гл. (... מגלת קהלת ספר , Berlin. 1771). Этому мнѣнію слѣдуютъ нѣкоторые изъ экзегетовъ новаго времени. Смыслъ мнѣнія, какъ оно изложено у Гитцига (см. Der Pred. Salom. s. 156 Kurzgef. exeget. Handb. 1847) таковъ: Подъ старымъ и глупымъ царемъ разумѣется не кто другой, какъ Соломонъ, который въ старости, склонивши сердце свое къ инымъ богамъ, сдѣлался не способнымъ слѣдовать повелѣніямъ Господа Бога своего (3 Цар. 11, 4. 10). Молодой юноша—это Іероваамъ, сынъ вдовы, рабъ Соломоновъ (11, 26. 28), и потому самому родившійся бѣднымъ въ царствѣ своемъ. Получивъ откровеніе чрезъ пророка Ахію, что Іегова отторгнетъ царство изъ руки Соломоновой и дастъ ему десять колѣнъ (31), Іероваамъ убѣжалъ въ Египетъ, когда престарѣлый и не умѣвшій понять опредѣленія Божія Соломонъ хотѣлъ умертвить

его (40). По смерти Соломона, онъ возвратился изъ страны убѣжища, чтобы взойти на престолъ (12, 3). Въ глазахъ народа онъ стоялъ въ это время какъ предводитель его, какъ вождь предъ лицемъ его: въ кн. Царствъ повѣствуется, что израильтяне послали за нимъ и призвали его, и затѣмъ— *Іеровоамъ и все собраніе израильтянъ пришли и говорили Ровоаму* и проч. (12, 3), потомъ въ другой разъ: *Іеровоамъ и весь народъ пришли къ Ровоаму на третій день....* (12, 12). Эти историческія черты настоящаго обстоятельства видимо соотвѣтствуютъ выраженію Екклезіаста: *видѣлъ я всѣхъ живущихъ, которые ходятъ подъ солнцемъ, съ этимъ другимъ юношею, который станетъ на мѣсто того*, т. е. стараго, не разумнаго царя (Екклез. 4, 15). Выраженіе הַשֵּׁנִי *другой* указываетъ, что есть еще יֶלֶד *юноша*, который былъ оставленъ народомъ; это Ровоамъ, о которомъ въ 3 Цар. 12, 8 говорится, что онъ, въ этихъ трудныхъ обстоятельствахъ общаго народнаго движенія, пренебрегши совѣтъ старцевъ, совѣтовался съ молодыми (הַיְלָדִים), которые выросли вмѣстѣ съ нимъ, и которые предстояли предъ нимъ. Однакожъ, *позднѣйшіе*, потомки современниковъ не порадуются тѣмъ юношею, который заступитъ мѣсто стараго царя. Такъ какъ *Іеровоамъ отклонилъ израильтянъ отъ Господа и вовлекъ ихъ въ великій грѣхъ* идолослуженія, *отъ коего не отставали* они во всѣ дни свои, *поступая по всѣмъ грѣхамъ Іеровоама, какіе онъ дѣлалъ* (4 Цар. 17, 21. 22); то Господь отвергъ израиля отъ лица своего и переселилъ его изъ земли его въ Ассирію (23). Ктожъ теперь тотъ, о которомъ говорится въ Екклез. 4, 15: *видѣлъ я всѣхъ живущихъ, которые ходятъ подъ солнцемъ, съ этимъ другимъ юношею...*? Очевидно не Соломонъ, который не могъ видѣть того, что случилось по смерти его; потому предполагаютъ, что здѣсь, какъ и во всей книгѣ, говоритъ такой писатель, который жилъ въ позднее время, и

представлялъ Соломона только фиктивно разсуждающимъ въ нашей книгѣ. Но ни фиктивный Соломонъ, ни поздній писатель не могли такъ говорить: *видѣлъ я* (רָאִיתִי)..., если здѣсь разумѣется извѣстная исторія Іероводма и Ровоама; фиктивному Соломону столькоже, сколько и дѣйствительному, не естественно сказать, что онъ *видѣлъ то, чего не могъ видѣть*; позднему писателю также не прилично говорить, что онъ *видѣлъ то, что было далеко прежде его.*—Такому изъясненію поставляютъ рѣшительное препятствіе различныя времена глаголовъ, въ разсматриваемомъ мѣстѣ (4, 13—16) встрѣчающихся. Времена эти показываютъ, что разныя дѣйствія, глаголами означаемыя, входя въ описанное здѣсь событіе, не одинаково относятся къ моменту рѣчи лица, здѣсь говорящаго: одни представляются здѣсь какъ прошедшія: רָאִיתִי, הָיָה, другія какъ будущія: יִשְׂמְחוּ, יַעֲמֹד, вѣроятно и יֵצֵא сообразно съ чтеніемъ LXX, въ то время, когда внутренней между ними зависимости нѣтъ. Стало быть, Екклезіастъ говоритъ здѣсь о такомъ историческомъ событіи, факты котораго—одни уже совершились, и совершились при немъ,—онъ *видѣлъ* ихъ,—другіе имѣютъ совершиться послѣ. Поэтому, въ 4, 13—16 мы видимъ намекъ на исторію не Іероводма и Ровоама, описанную въ 12 гл. 3 Цар., но самого Соломона и Іероводма, сжато и кратко изложенную въ 11 гл., намекъ на возмущеніе Іероводма противъ Соломона, означенное въ 3 Цар. 11 гл. 26 ст.—*Бѣдный* (מִסְכֵּן), но *умный* (חָכָם) *юноша* (יֶלֶד)—это Іероводмъ, *бѣдный*—какъ сынъ вдовы (11, 26); *умнымъ*—חָכָם признадъ его самъ Соломонъ, поставивши начальникомъ надъ производствомъ работъ вслѣдствіе усмотрѣнной въ немъ смышленности и способности къ дѣлу (27.) *Старый и глупый* כְּסִיל *царь*—это Соломонъ. כְּסִיל означаетъ не природный недостатокъ ума, но слабость практическаго благоразумія въ дѣйствіяхъ, зависящую отъ нашей свободы, могущую быть и при

умѣ,—соотвѣтствуетъ греческому ἄφρων (Притч. 1, 22. 32. 3, 35. 8, 5 и др.) и переходитъ въ значеніе *нечестивый, беззаконникъ*, ἀσεβής, παράνομος (Притч. 15, 20. 19, 1 и др.), *который не умѣетъ принимать наставленія*, לֹא־יֵדַע לְהִוָּסֵר. Въ ф. Гиф. זָהַר знач. *блистать, озаряться, научаться, принимать увѣщанія, наставленія, предостереженія* (*Gesen.* Thesaur. p. 408). Въ переносномъ смыслѣ употребляется, когда говорится объ озареніи, которое производится Духомъ Святымъ и словомъ Божіимъ, о высшемъ наставленіи, предостереженіи (L. S. Concordantiae hebraicae atque chaldaicae, *I. Fürst*, p. 347, Lips. 1840). Въ этихъ значеніяхъ какъ כְּסִיל такъ и לֹא יֵדַע לְהִוָּסֵר примѣнимы къ Соломону, который своимъ неблагоразуміемъ и отступленіемъ отъ завѣта Іеговы навлекъ на себя гнѣвъ Его и возбудилъ мятежъ въ народѣ. Почему же бѣдный и умный юноша счастливѣе стараго, но не благоразумнаго царя, сдѣлавшагося при томъ не способнымъ слѣдовать вразумленію Іеговы?—כִּי-מִבֵּית הָסוּרִים יָצָא לִמְלֹךְ. Въ этомъ полустишіи не малое затрудненіе для экзегетовъ представляетъ выраженіе: בֵּית הָסוּרִים. Одни читаютъ הָאֲסוּרִים вмѣсто הָסוּרִים, такъ какъ א нерѣдко выпускается въ позднихъ писаніяхъ В. З., наприм. הָרַמִּים (2 Пар. 22, 5) вм. הָאֲרַמִּים (4 Цар. 8, 28); מָסְרַת (Езек. 20, 37) вм. מַאֲסֶרֶת; מַלְּטֵנִי (Іов. 35, 11) вм. מַאַלְּפֵנִי. Почему בֵּית הָסוּרִים считаютъ однозначущимъ съ בֵּית הָאֲסוּר (Іер. 37, 15),—мѣсто заключенія узниковъ, *темница, тюрьма*, carcer, LXX οἶκος τῶν δεσμίων (Розенмиллеръ, Шлейснеръ, Гейлигштедтъ). Этимъ изъясненіемъ очень хорошо пользуются тѣ, которые въ разсматриваемомъ нами мѣстѣ нашей книги видятъ указаніе на исторію Іосифа, прославившагося толкованіемъ сновъ въ темницѣ—בֵּית הַסֹּהַר, гдѣ содержались узники אֲסִירִים (Быт. 39, 20). Но בּוּת отъ בּוּת pernoctavit, permansit, habitavit, имѣетъ значеніе весьма широкое; имъ означается а) всякое мѣсто обитанія: *домъ, городъ* и даже *цѣлая страна*

(напр. Неем. 2, 3. Ос. 9, 15.), б) въ переносномъ смыслѣ—*фамилія, родъ* и цѣлый *народъ*, также опредѣленный классъ, сословіе людей (см. *Гезен.* Thesaurus и Lexicon, *Фюрста*—Handwörterbuch подъ словомъ בית). Евальдъ и Гитцигъ производятъ חֲסוּרִים отъ סוּר, первый въ значеніи *отвергать* (ссылаясь на Исаі. 49, 21),—послѣдній—въ значеніи *удалятьси, убѣгать*; такимъ образомъ בית חסורים будетъ означать *мѣсто, страну*, гдѣ живутъ отверженные, ссыльные, или гдѣ находятъ себѣ убѣжище бѣглецы. Въ ст. 14 בֵּית חֲסוּרִים противопоставляется выраженію втораго полустишія בְּמַלְכוּתוֹ *въ царствѣ своемъ*; поэтому оно можетъ относиться не къ малой какой мѣстности, а къ цѣлой странѣ, царству. Таковою страною, въ которой еврейскіе бѣглецы находили убѣжище, даже покровительство, былъ, какъ мы прежде сказали, Египетъ. Вмѣсто יֵצֵא LXX вѣроятно читали יצא и перевели глаголъ не въ прошедшемъ, а въ будущемъ—ἐξελεύσεται, *выйдетъ*. Такимъ образомъ, смыслъ 14 ст. будетъ такой: *ибо онъ*, т. е. умный юноша *изъ страны бѣглецовъ*, изъ Египта (гдѣ находятъ себѣ убѣжище еврейскіе бѣглецы) *выйдетъ на царство* (לִמְלֹךְ *для царствованія, чтобы царствовать*), *хотя въ своемъ онъ родился бѣдномъ*. Изъ сего видно, что въ то время, когда Соломонъ писалъ книгу Екклезіастъ, Іеровоамъ жилъ въ Египтѣ, куда убѣжалъ послѣ возмущенія противъ царя, спасаясь отъ смерти, ему угрожавшей (3 Цар. 11, 40). Соломонъ могъ сказать теперь объ Іеровоамѣ, что онъ *выйдетъ на царство*, равно какъ и то,—что далѣе говорится (ст. 15.),—что онъ *займетъ мѣсто его*, יַעֲמֹד תַּחְתָּיו, потому что ему, безъ сомнѣнія, стало уже извѣстнымъ откровеніе пророка Ахіи Іеровоаму о избраніи его на царство израильское. Отсюда смыслъ слѣдующихъ двухъ стиховъ, 15 и 16, разрѣшается просто—исторіею возмущенія Іеровоама. *Видѣлъ я* (רָאִיתִי) *всѣхъ живущихъ, которые ходятъ подъ солнцемъ, съ этимъ*

другимъ юношею; нѣтъ числа всему народу, всѣмъ, предъ лицемъ которыхъ онъ былъ (הָיָה), какъ предводитель народнаго возстанія. Весь народъ, или, по крайней мѣрѣ, тѣ десять колѣнъ, которые, по смерти Соломона, призвали Іероводма изъ Египта (3 Цар. 12, 3) и, отложившись отъ Ровоама, избрали его надъ собою (19, 20), всѣ они были на сторонѣ сего послѣдняго, когда тотъ *поднялъ руку на царя* (11, 26), т. е. поднялъ знамя возмущенія противъ Соломона. Какую роль при этомъ возмущеніи игралъ Ровоамъ, наслѣдникъ престола Соломонова, сказать трудно. Видно только, что народъ былъ не на сторонѣ этого юноши, *перваго* по законному праву престолонаслѣдія.—Однакожъ, *потомки* הָאַחֲרוֹנִים тѣ, которые будутъ послѣ жить, (слч. 1, 11) *не порадуются этимъ вторымъ юношею*. Зная достоинства Іероводма, возвысившія его до почетной государственной должности, Соломонъ увидѣлъ теперь и худую въ немъ сторону, склонность къ неблагодарности, злословію, интригѣ, превозношенію, и невниманіе къ точному исполненію о немъ воли Іеговы; и потому могъ напередъ предузнать, какое зло произойдетъ отъ него для народа.

Такимъ образомъ мы считаемъ достовѣрнымъ, что въ 4, 13—16 Соломонъ говоритъ о бывшемъ возмущеніи противъ него Іероводма. Одно можетъ представляться здѣсь нѣсколько страннымъ,—это—самоуничиженіе, какое высказываетъ Соломонъ, называя себя *старымъ и не разумнымъ царемъ* (русск. пер.), не способнымъ принимать внушенія свыше; но если онъ могъ далѣе сказать о себѣ, что хотѣлъ бы быть мудрымъ, но *мудрость отступала отъ него* (7, 23. 24), то могъ и назвать себя старымъ и не разумнымъ, сознавая свои погрѣшности, навлекшія на него грозный гнѣвъ Іеговы, опредѣлившаго отторгнуть отъ него царство и отдать рабу его (3 Цар. 11, 11). כְּסִיל и заключаетъ въ себѣ понятіе противоположное חָכָם, прилагаемое къ человѣку, когда онъ перестаетъ быть חָכָם.

Притомъ рѣчь Соломона объ Іеровоамѣ и о самомъ себѣ не прямая, а прикровенная.

Исторіею послѣднихъ событій царствованія Соломона объясняется и то высказываемое имъ въ книгѣ Екклезіастъ крайнее разочарованіе всѣми дѣлами своими, въ которыхъ показалъ себя мудрымъ подъ солнцемъ (2, 11. 17—19), разочарованіе самою мудростію (2, 13—16) и даже жизнію (17). Соломонъ говоритъ: *и оглянулся я на всѣ дѣла мои, которыя сдѣлали руки мои, и на трудъ, которымъ трудился я, дѣлая ихъ, и—вотъ все это—суета и напрасныя затѣи, и нѣтъ отъ нихъ пользы подъ солнцемъ* (2, 11). Особенно противнымъ теперь представляется ему весь трудъ, которымъ трудился подъ солнцемъ, въ виду того, что онъ долженъ оставить его человѣку, имѣющему быть послѣ него (2, 18), который будетъ распоряжаться всѣмъ, что онъ сдѣлалъ и чѣмъ показалъ себя мудрымъ; подъ солнцемъ; а онъ не знаетъ, каковъ будетъ его преемникъ, мудрый или глупый, между тѣмъ какъ тотъ, не трудившись самъ, будетъ распоряжаться всѣмъ, какъ бы своею частію (2, 19. 26). Такое тревожное сомнѣніе Соломонъ могъ высказать и въ виду законнаго наслѣдника своего, собственнаго сына, Ровоама, *скуднаго разумомъ* (Сир. 47, 28), способности котораго были, конечно, хорошо ему извѣстны, и въ виду другаго преемника его власти надъ десятью колѣнами, о которомъ онъ имѣлъ уже откровеніе отъ Бога (3 Цар. 11, 11—13),—вообще въ виду того замѣшательства о престолонаслѣдіи, имѣющаго открыться тотчасъ по смерти его, начатки котораго уже видѣлъ въ возмущеніи Іеровоама.—Соломонъ высказываетъ тутъ же, что и мудрость, которою онъ такъ прославился, не утѣшаетъ его; потому что она не избавляетъ его отъ участи общей со всѣми глупыми: онъ умретъ наравнѣ со всѣми, и его забудутъ также, какъ и глупаго (2, 15. 16). Жалуется, наконецъ, Соломонъ, что ему опроти-

вѣла теперь и самая жизнь, потому что во всемъ, что дѣлается подъ солнцемъ, онъ видѣлъ только пустоту и напрасныя затѣи (2, 17). Конечно, такое глубокое разочарованіе всѣмъ происходило вслѣдствіе глубокаго сознанія своихъ погрѣшностей, отъ которыхъ вышло все то зло, какое пришлось ему увидѣть на закатѣ дней своихъ. Сознаніе это тѣмъ сильнѣе тревожило и томило его, чѣмъ яснѣе видѣлось ему, что испорченнаго нельзя уже исправить, потеряннаго нельзя возвратить. *Кривое*, говоритъ, *не можетъ сдѣлаться прямымъ, и чего нѣтъ, того нельзя считать* (1, 15). Одинъ только Богъ можетъ выпрямить то, что Онъ сдѣлалъ кривымъ (7, 13).

Сличивши такимъ образомъ съ исторіею Соломона и его царствованія историческое содержаніе книги Екклезіаст, мы должны притти къ заключенію, что въ послѣднемъ нѣтъ ничего несообразнаго съ первою; напротивъ, это произведеніе Соломона заключаетъ въ себѣ живое отраженіе послѣдняго времени его царствованія, характерное изображеніе мощнаго духа Соломонова, надломленнаго собственными заблужденіями и погрѣшностями и пришедшаго въ сознаніе какъ этихъ погрѣшностей и заблужденій, такъ и того зла, какое произведено ими въ дѣлѣ царскаго правленія. Не заключая въ себѣ ничего несообразнаго съ исторіею Соломона и его царствованія въ послѣдній періодъ его жизни, книга Екклезіастъ служитъ къ значительному разъясненію этой темной эпохи въ исторіи еврейскаго народа, которая въ историческихъ книгахъ В. З. очерчена весьма кратко и сжато.

Еще одно слово. Книга Екклезіастъ есть въ нѣкоторомъ смыслѣ исповѣдь великаго царя предъ своимъ народомъ послѣ тяжелой катастрофы, происшедшей въ царствѣ. Царь еще не сошелъ съ трона. Въ средѣ недовольнаго народа были еще подданные, которые, уважая сѣдую голову его, оставались ему преданными и вѣрными. Натурально, что, говоря о мно-

тихъ дѣлахъ своихъ и о своихъ погрѣшностяхъ со всею откровенностію, о другихъ, которые могли глубоко унижать его въ глазахъ подданныхъ, долженъ былъ высказываться съ нѣкоторою прикровенностію, только намеками, или перенося частные случаи изъ своей жизни и сознанія въ область общаго факта и общаго сознанія. Такъ, наприм., сказавши, что желалъ бы онъ быть мудрымъ, но мудрость удалилась отъ него, хочетъ—далѣе—указать причину такой перемѣны въ своей привязанности къ женщинамъ, отнявшимъ у него здравый смыслъ; но это указаніе выражаетъ только намекомъ, представляя, какое вообще зло происходитъ чрезъ женщину, отъ котораго можетъ оберечься только преданный Богу (7, 23—26). Хотя цѣль этого замѣчанія была скрыта подъ общимъ выраженіемъ его; но проницательный читатель могъ тотчасъ понять частный смыслъ выраженія. А ничто такъ не роняло царя въ глазахъ подданныхъ, ничто такъ не подрывало уваженія ихъ къ нему, какъ безумное сладострастіе, доведшее его до идолослуженія и пренебреженія уставовъ и обычаевъ отечественныхъ. Соломонъ тотчасъ напоминаетъ о мудрости (благоразуміи), которая понимаетъ смыслъ словъ и смягчаетъ суровый взглядъ человѣка, который хотѣлъ бы судить безщадно грѣшника, тѣмъ болѣе царя, подвергшагося человѣческой слабости, и отказать ему въ уваженіи (8, 1). *Я*.... (ст. 2). Здѣсь никакого глагола не слѣдуетъ прибавлять, какъ обыкновенно дѣлаютъ переводчики и экзегеты, по излишней и совершенно напрасной заботливости о грамматическомъ смыслѣ рѣчи. Это обыкновенная фигура *умолчанія* (*αποσιώπησις*), встрѣчающаяся и въ другихъ священныхъ книгахъ (Быт. 17, 4: אֲנִי; Пс. 73. 2: וַאֲנִי; Исаі. 45, 12: אֲנִי; 49, 21: אֵלֶּה; 59, 21: וַאֲנִי; 66, 18: וְאָנֹכִי; под. 27, 2. 30, 7. Езек. 34, 8). Недосказанная рѣчь указываетъ на особенное значеніе для говорящаго лица тѣхъ словъ, какія слѣдуютъ далѣе. Соломонъ чувствуетъ, что своею раз-

вратною жизнію потерялъ право на уваженіе со стороны подданныхъ; поэтому увѣщаваетъ (не ради его, но) *ради клятвы предъ Богомъ* хранить царское слово и не измѣнять царю въ вѣрности (2. 3). Мысль о клятвѣ предъ Богомъ, связывающей подданныхъ съ царемъ, тотчасъ воодушевляетъ Соломона, внушая ему сознаніе высокаго права и силы царской власти (3. 4).

Представляя въ такой связи ходъ главныхъ идей въ отдѣлѣ 7, 23—8, 4, который при всякомъ другомъ изъясненіи оказывается лишеннымъ порядка и строя, можемъ открыть смыслъ и предыдущей прикровенной рѣчи о томъ, чтобы не обращать вниманія, когда слышишь поношеніе и злословіе отъ раба своего (7, 20—22). Что эта рѣчь о рабѣ (עבד) имѣетъ какое-то близкое отношеніе къ Соломону, видно изъ того, что послѣ наставленія, какъ надлежитъ поступать въ подобномъ случаѣ, Соломонъ тотчасъ обращается съ замѣчаніемъ къ самому себѣ: *все это испыталъ я со вниманіемъ и сказалъ себѣ: буду я мудрымъ; но мудрость удалилась отъ меня* (ст. 23). Соломонъ имѣетъ въ виду здѣсь собственный опытъ жизни, когда егоже рабъ (עבד) Іеровоамъ (3 Цар. 11, 26 :*рабъ Соломоновъ*; עבד לשלמה), возбуждая противъ него народъ, позволялъ себѣ говорить о немъ много худаго, чѣмъ, конечно, вызывалъ въ Соломонѣ раздраженіе и не предусмотрительное повелѣніе умертвить его.

Можно полагать, что также прикровенно Соломонъ, съ собственнаго опыта, говоритъ о себѣ въ 9, 18—10, 1, что одинъ погрѣшившій, разумѣется обладающій внѣшнею силою (слч. 10, 1), погубитъ много добраго, легко и вмигъ разрушаетъ то, что мудрость пріобрѣтала съ трудомъ и долго. Съ собственнаго опыта также Соломонъ высказываетъ въ 8, 11—13 убѣжденіе, что сколько бы грѣшнику ни удавалось дѣлать зло и наконецъ закоснѣть въ немъ, рано или поздо Божіе наказаніе постигнетъ его: *хотя грѣшникъ сто разъ дѣлаетъ*

зло, и коснѣтъ въ немъ; но я знаю—גַּם־יוֹדֵעַ אֲנִי (не прошедшая форма, какъ въ другихъ мѣстахъ—יָדַעְתִּי 3, 12. 14., а настоящая), *что благо будетъ боящимся Бога, которые благоговѣютъ предъ лицемъ Его; а нечестивому не будетъ добра, и, подобно тѣни, не долго продержится тотъ, кто не благоговѣетъ предъ Богомъ.* Соломонъ могъ говорить съ такимъ твердымъ убѣжденіемъ о судѣ Божіемъ на праведныхъ и нечестивыхъ, имѣя въ виду опредѣленіе Божіе, какое постигло его самого за нечестіе, за отступленіе отъ Бога (3 Цар. 11, 9—13).

Указываютъ еще нѣсколько мѣстъ въ книгѣ Екклезіастъ, заключающихъ намеки на историческіе факты, которыхъ экзегеты не находятъ въ исторіи Соломона, а только въ позднѣйшей еврейской исторіи. Таковы: 7, 19. 9, 14. 15. 10, 16. 17.

7, 19: *Мудрость дѣлаетъ мудраго сильнѣе (*עֲשָׂרָה *десяти властителей, которые въ городѣ.* Гретцъ видитъ въ этомъ мѣстѣ указаніе на декуріальное управленіе въ римскихъ муниципіяхъ и колоніяхъ, гдѣ городской сенатъ состоялъ изъ десяти членовъ. Подобнаго правительства въ городахъ не представляетъ время Соломоново. Такъ. По крайней мѣрѣ, изъ дошедшихъ свѣдѣній объ устройствѣ городской администраціи въ вѣкъ Соломона и прежде его мы не знаемъ примѣра, гдѣ бы городомъ правили десять властителей. Не сомнѣнно однакожь, что въ настоящемъ мѣстѣ указывается на какой-то особенный случай изъ времени Соломона. Что это такъ, доказательство находимъ въ книгѣ Притчей 21, 22, гдѣ также, какъ и у Екклезіаста, для изображенія превосходства мудрости указывается на тотъ же самый случай: *Мудрый входитъ въ городъ сильныхъ, и ниспровергаетъ крѣпость (*עֹז*), на которую они надѣялись.* Разность между этимъ стихомъ Притчей и приведеннымъ изъ Екклезіаста заключается только въ томъ,

что тамъ означено число властителей—10, въ Притчахъ число *сильныхъ* не показано. Что и въ Еккл. 7, 19 говорится о воинской силѣ мудраго, видно изъ значенія глаг. עזר здѣсь употребленнаго (עזר *былъ силенъ противъ непріятелей* Суд. 3, 10. 6, 2. Дан. 11, 12. Пс. 9, 20 и др.; עזר—*сильный*—о воинахъ, Исаі. 43, 17.; עז *крѣпкій*—о предѣлахъ страны, Числ. 21. 24, עז *крѣпость, укрѣпленное мѣсто*, Притч. 21, 22. Исаі. 26, 1. Пс. 28, 8; עז *герой*, Пар. 5, 8);—видно и изъ того еще, что мудрый представляется здѣсь, какъ и въ Притчахъ, дѣйствующимъ внѣ города противъ властителей, которые въ городѣ. *Властители* эти, или по Притч. *сильные*, суть ли постоянные правители города или только вожди, начальники войска при защитѣ его? Аналогія обоихъ мѣстъ заставляетъ предположить скорѣе послѣднее, чѣмъ первое. И число *десять* употреблено не какъ точное означеніе дѣйствительнаго количества сильныхъ или властителей, а какъ круглое число, употребляемое и въ другихъ мѣстахъ свящ. Писанія для означенія вообще множества, слч. Быт. 31, 7. Числ. 14, 22. Іов. 19, 3. Неем. 5, 12.

Подобнаго характера и другое мѣсто: 9, 14. 15. *Вотъ еще какую мудрость видѣлъ я подъ солнцемъ*, говоритъ Екклезіастъ. *и она показалась мнѣ важною: городъ небольшой, и людей въ немъ не много; къ нему подступилъ великій царь, и обложилъ его, и произвелъ противъ него большія осадныя работы. Но въ немъ нашелся мудрый бѣднякъ, и онъ спасъ своею мудростію этотъ городъ.* Гитцигъ думаетъ, что въ этомъ примѣрѣ осажденнаго великимъ царемъ не значительнаго города Екклезіастъ имѣлъ въ виду малый приморскій городъ *Дору*, безуспѣшно осаждаемый Антіохомъ великимъ въ 218 году до Р. Хр. (Der Pred. Solom., Vorbemerk. 4. s. 123. Leipz. 1847). Но изъ исторіи не извѣстно, чтобы этотъ городъ спасенъ былъ *бѣднымъ, мудрымъ человѣкомъ*. Генгстенбергъ, по примѣру Лютера и Мерцера

считаетъ этотъ фактъ вымышленнымъ, и въ бѣдномъ, но мудромъ человѣкѣ видитъ образъ Израиля въ послѣплѣнномъ политическомъ положеніи его (Der Prediger Salomo, s. 222. 223). Но примѣненіе факта къ Израилю совершенно произвольное, ни на чемъ не основанное, равно какъ произвольно и самое предположеніе, что фактъ этотъ имѣетъ значеніе только параболическое. Приступая къ разсказу о немъ, Екклезіастъ говоритъ: *вотъ еще какую мудрость видѣлъ я подъ солнцемъ, и она показалась мнѣ важною* (9, 13); къ параболическому разсказу такой приступъ не идетъ. Если экзегеты не могутъ указать намъ подобнаго случая въ послѣ-Соломоновской исторіи еврейскаго народа; то нѣтъ основанія отрицать, что такой могъ быть во время Соломона. Если былъ такой случай, какой предъ симъ представленъ, что мудрый своимъ искусствомъ пробрался въ крѣпость, защищаемую сильными вождями, то могъ быть и обратный случай, что мудрый спасъ городъ, осажденный сильнымъ царемъ. Такой случай могъ быть во время войнъ, веденныхъ Давидомъ съ окрестными народами, и Соломонъ могъ его знать, проживши двадцать лѣтъ въ правленіе отца своего.

10, 16. 17. *Горе тебѣ, земля, когда царь твой мальчикъ, и когда князья твои пьютъ рано! Благо тебѣ, земля, когда царь у тебя мужъ благородный, и князья твои пьютъ во время для подкрѣпленія, а не для пресыщенія.* Гретцъ въ первомъ царѣ, названномъ здѣсь נַעַר видитъ указаніе на Ирода великаго, который въ Талмудѣ называется рабомъ Асмонейскаго Дома. Такъ какъ предположеніе Гретца основывается на филологическихъ соображеніяхъ, то разборъ его не подлежитъ настоящей части изслѣдованія. По ходу нашего дѣла, мы считаемъ достаточнымъ въ настоящемъ случаѣ ограничиться только указаніемъ на смыслъ этого мѣста, какой оно имѣетъ въ рѣчи Соломоновой. Это мѣсто не указываетъ на

то или другое царское лицо въ исторіи еврейской; здѣсь Соломонъ, какъ самъ царь, сознающій свои слабости, доведшія его правленіе до бѣдствія народнаго, и проникнутый благожеланіемъ своему народу, высказываетъ только замѣчаніе, при какого свойства правителяхъ страна можетъ быть счастливою и несчастливою. Слѣдовательно, это мѣсто и не можетъ итти въ разсужденіе при вопросѣ о сообразности или несообразности историческаго содержанія нашей книги съ исторіею Соломона и его времени.

Итакъ, историческое содержаніе книги Екклезіастъ стоитъ въ совершенномъ согласіи съ исторіею Соломона и его времени; ни въ общихъ, ни въ частныхъ чертахъ, предполагающихъ современное ей положеніе вещей, нѣтъ ничего не сообразнаго съ характеромъ этого государя и послѣдней эпохи его царствованія.

III.

Не только историческое содержаніе книги Екклезіастъ не заключаетъ въ себѣ ничего не согласнаго съ исторіею Соломона и его царствованія, но и *содержаніе книги вообще* представляетъ такое разсужденіе, которое, и по предмету своему, и по направленію мыслей, въ немъ излагаемыхъ, имѣетъ прямое и живое отношеніе къ народу еврейскому въ послѣдніе годы правленія Соломонова.

Мы не можемъ согласиться съ тѣми изслѣдователями, которые утверждаютъ, что книга Екклезіастъ не назначалась для читателей, для публики, [1]) что она содержитъ въ себѣ со-

---

[1]) *Шмидтъ* выражается о книгѣ Екклезіастъ, что она kein völlig fur's Pulbicum ausgearbeitetes Werk sei (Salomo's Prediger, oder Koheleths Lehren,

браніе отдѣльныхъ краткихъ замѣтокъ, дѣланныхъ Соломономъ въ разное время для себя, и, не смотря на все стараніе поздняго редактора объединить и округлить ихъ, представляетъ такое не стройное произведеніе, въ которомъ ни одному еще экзегету не удалось доселѣ открыть логическое расположеніе мыслей, составленное по напередъ обдуманному плану 1). Есть ли связь между мыслями, содержащимися въ нашей книгѣ, представляютъ ли онѣ что либо похожее на стройное, систематически составленное разсужденіе объ одномъ какомъ либо предметѣ, пока не будемъ говорить. Но что эти мысли,— назовемъ ихъ замѣтками Соломона, эти разсужденія,—представимъ ихъ безсвязными, не были только замѣтками для себя, а назначались для публики, видно 1) изъ многократно встрѣчающихся въ книгѣ обращеній Еклезіаста къ читателю или слушателю, которыхъ нельзя не замѣтить по частому измѣненію дикціи, переходящей изъ третьяго лица во второе единственнаго числа. Таковы, напримѣръ, обращенія: *если видишь въ какой области притѣсненія бѣдному, то не слущайся этимъ* (5, 7); *не спѣши въ духѣ твоемъ раздражаться* (7, 9); *во дни благополучія пользуйся благомъ* (7, 14); *иди, пшь съ веселіемъ хлѣбъ твой, и пей въ радости сердца вино твое* (9, 7); *веселися, юноша, въ юности твоей* (11, 9) и мн. друг. Обращенія къ читателю составляютъ цѣльные отдѣлы въ нашей книгѣ (4, 17—5, 7; 7, 9—8, 4; 9, 7—10; 10, 4. 16. 17. 20; 11, 1—12, 7), идущіе вслѣдъ за разсужденіями, и столь характерны, что не оставляютъ мѣста сомнѣнію, что Екклезіастъ писалъ ее для публики, а не для своего кабинета.—

1794); *Нахтигаль*—что она не назначалась zй einem allgemeinen Lehrbuche (Koheteth, oder Versammlung der Weisen, gewöhnlich der Prediger Salomo's, p. 6. Halle 1798.

1) *Бэхъ*. Ursprung und Entstehungszeit d. B Koheleth. s. 169. 170.

2) Екклезіастъ прямо заявляетъ, что изслѣдованіе своего предмета велъ онъ не для себя, а для другихъ: *доколѣ не увижу*, говоритъ, *что хорошо для сыновъ человѣческихъ, что должны были бы они дѣлать подъ небомъ въ продолженіе жизни своей* (2, 3). Такимъ образомъ не сомнѣнно, что книга наша написана для читателей или, какъ выражаются у насъ, для публики.

Не можемъ согласиться и съ тою мыслію изслѣдователей, что писатель книги Екклезіастъ совершенно отрѣшается въ ней отъ партикуляризма своего племени. Это, говорятъ, видно 1) изъ того, что, упоминая неоднократно о Богѣ, ниразу не употребилъ онъ имени Iehowa, выражающаго особенное отношеніе Божества къ избранному народу; онъ говоритъ только о Богѣ Elohim, великомъ Творцѣ, Вседержителѣ и строгомъ Судіи всѣхъ людей. б) Ниразу также не употребилъ наименованія избраннаго народа: יִשְׂרָאֵל или בְּנֵי יִשְׂרָאֵל и בֵּית יַעֲקֹב; онъ знаетъ только человѣка вообще אָדָם, говоритъ о сынахъ человѣческихъ בְּנֵי הָאָדָם (1, 13. 2, 3. 8. 3, 10. 18. 21. 8, 11. и др), а не о сынахъ Израиля. в) Не судьба Израиля, а судьба человѣка вообще глубоко лежитъ у него на сердцѣ, и всѣ разсужденія его направляются къ тому, чтобъ изслѣдовать, взвѣсить, опредѣлить вообще положеніе человѣка подъ солнцемъ, а не положеніе Израиля въ данное какое-либо время; говоря о человѣкѣ, вездѣ онъ смогритъ на него во свѣтѣ всеобщаго, великаго цѣлаго (человѣчества), а не въ представленіи человѣка, принадлежащаго извѣстному времени и племени и находящагося притомъ въ особомъ какомъ либо историческомъ положеніи (Блохъ, § 170. 171. Стало быть, заключаютъ изслѣдователи, нѣтъ основанія думать, что произведеніе свое писатель назначалъ спеціально для евреевъ, чтобы произвести на нихъ какое либо дѣйствіе, по требованію современныхъ ему обстоятельствъ. Вопреки этому, мы рѣшительно

утверждаемъ, что книга наша написана спеціально для евреевъ съ особенною цѣлью. Но такъ какъ содержаніе книги и смыслъ ея составляютъ для насъ еще искомое, *x;* то для подтвержденія своей мысли считаемъ пока достаточнымъ указать только на не многія мѣста, изъ которыхъ, при поверхностномъ даже вниманіи, можно видѣть, что Екклезіастъ направлялъ свои разсужденія къ сынамъ Израиля. Въ 4, 17 онъ обращается къ читателю съ наставленіемъ слѣдующаго содержанія: *наблюдай за ногою твоею, когда идешь въ домъ Божій*— בֵּית הָאֱלֹהִים.—בֵּית הָאֱלֹהִים или יְהוָה употребляется только о скиніи (Исх. 23, 19. Іис. 6, 24. Суд. 18, 31. и друг.) и о храмѣ іерусалимскомъ (3 Цар. 6, 37. 7, 12. Исаі. 66, 1 и мног. друг.). Стало быть, наставленіе это можетъ относиться не къ кому другому, какъ только къ евреямъ.—Въ 5, 3 говоритъ: *когда даешь обѣтъ Богу; то не медли исполнить его....;* ст. 5: *не дозволяй устамъ твоимъ вводить въ грѣхъ плоть твою, и не говори предъ священникомъ: это ошибка.* Въ 9, 2 говоритъ: *исходъ одинъ праведному и нечестивому, чистому и нечистому, приносящему жертву и не приносящему жертвы; какъ добродѣтельному такъ и грѣшнику; какъ клянущемуся, такъ и боящемуся клятвы.* Эти мѣста ясно показываютъ, что Екклезіастъ даетъ здѣсь наставленіе евреямъ, у коихъ были закономъ установленные священники и жертвы,—коими давались Богу обѣты, произносились клятвы и пр. Что эти читатели—евреи находились въ то время въ особомъ какомъ-то историческомъ положеніи и что, пиша свое разсужденіе, Екклезіастъ хотѣлъ произвесть на нихъ дѣйствіе, видно, напримѣръ, изъ слѣдующихъ наставленій: *если ты видишь въ какой области притѣсненіе бѣдному и нарушеніе суда и правды, то не смущайся такимъ своеволіемъ; потому что* и проч. (5, 7); *не говори: отчего это прежніе дни были лучше настоящихъ* (7, 10); *слово царское храни, хотя*

бы только ради клятвы предъ Богомъ; не спѣши уходить отъ лица его, и не стой въ дурномъ замыслѣ противъ него, потому что онъ, что захочетъ, все сдѣлаетъ (8, 2. 3); *если гнѣвъ начальника вспыхнетъ на тебя, не выходи изъ себя; потому что кротость предотвращаетъ большіе проступки* (10, 4); *даже и въ мысляхъ твоихъ не злословь царя и въ спальной комнатѣ твоей не порицай знатнаго, потому что птица небесная перенесетъ слово твое и крылатая перескажетъ рѣчь твою* (10, 20). Въ этихъ наставленіяхъ заключаются черты, которыми, какъ мы уже видѣли, рисуется положеніе еврейскаго народа въ концѣ правленія Соломонова. Если, говоря не однократно о Богѣ, Екклезіастъ ни разу не употребилъ имени Божія Iehowa, это не можетъ служить признакомъ, что произведеніе его не назначалось спеціально для евреевъ. Какъ Iehowa, такъ и Elohim въ равной мѣрѣ употреблялись у евреевъ для означенія Высочайшаго Существа, хотя тому и другому названію усвоялось особое знаменованіе. Въ свящ. кодексѣ еврейскомъ есть и другія произведенія, въ которыхъ не встрѣчается имени Божія Iehowa, а употребляется только Elohim; напр. Пс 42. 43. 44. 48. 50. 51. 52. 56. 59. и др. На это у св. писателей могли быть особыя частныя причины, состоящія въ связи съ значеніемъ именъ Божіихъ. Что въ цѣлой книгѣ Екклезіастъ ни разу не назвалъ своихъ читателей или слушателей יִשְׂרָאֵל, בְּנֵי יִשְׂרָאֵל, בֵּית יַעֲקֹב и др.,—это также не можетъ служить доказательствомъ, что рѣчь Екклезіаста относится не къ сынамъ Израиля. Названія эти не встрѣчаются и въ книгѣ Притчей; однакожъ не сомнѣнно, что притчи говорились Соломономъ въ назиданіе сынамъ Израиля. Какъ въ Притчахъ, такъ и въ нашей книгѣ, не было надобности писателю прибѣгать къ коллективнымъ наименованіямъ цѣлаго народа, когда онъ вездѣ обращается къ читателю или слушателю непосредственно (во

второмъ лицѣ единственнаго числа), желая, чтобъ его наставленія и совѣты произвели дѣйствіе на каждаго.

Такимъ образомъ признаемъ не сомнѣннымъ, что книга наша написана для чатателей и притомъ для читателей—евреевъ.

Чтожъ такое Екклезіастъ хотѣлъ сказать въ ней своимъ современникамъ—евреямъ?

Присматриваясь къ содержанію книги, замѣчаемъ, что разсужденія Екклезіаста сосредоточиваются по преимуществу на двухъ мысляхъ (идеяхъ): о *суетѣ* (הבל) и о *благѣ* (טוב) человѣка. Мысли эти чаще другихъ встрѣчаются въ нашей книгѣ, и притомъ не рѣдко въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ. Такъ—о *суетѣ*. Рѣчью о *суетѣ* начинается и оканчивается книга: *суета суетъ, все суета* (1, 2. 12, 8). Въ 1, 14. 2, 11. 17. 3, 19. 6, 9. 9, 1 (по чтенію LXX), 11, 8 встрѣчается выраженіе: *и вотъ все суета,* הַכֹּל הבל. Затѣмъ, много разъ, при указаніи разныхъ предметовъ суеты, повторяется выраженіе: *и это суета,* גַּם־הוּא הֶבֶל, или גַּם־זֶה הֶבֶל (2, 1. 15. 19. 21. 23. 26. 4, 4. 8. 16. 5, 9. 6, 2. 9. 7, 6. 8, 10. 14). Еще встрѣчаются такія выраженія: *видѣлъ я суету* הבל *подъ солнцемъ* (4, 7), *бываетъ такая суета* הבל (8, 14). Самое же слово הבל встрѣчается въ нашей книгѣ 37 разъ, тогда какъ во всѣхъ прочихъ книгахъ ветхаго Завѣта только 33 раза.—Мысль о *благѣ* (טוב) человѣка въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ повторяется нѣсколько разъ. 2, 24: *нѣтъ блага* (אין־טוב) *человѣку, какъ*.... 3, 12: *позналъ я, что нѣтъ лучшаго* (אין־טוב) *для сыновъ человѣческихъ, какъ*.... 3, 22: *и увидѣлъ я, что нѣтъ лучшаго* (אין־טוב) *для нихъ, какъ*.... 5, 17: *и вотъ въ чемъ вижу я благо* (טוב).... 8, 15: *нѣтъ блага* (אין־טוב) *человѣку подъ солнцемъ, какъ*.... Кромѣ того, встрѣчается часто такой оборотъ рѣчи: *то-то лучше того-то* (טוב съ частицею сравненія מ сокращ. изъ מִן); напр:

лучше горсть съ покоемъ, нежели пригоршни полныя труда и пустыхъ затый (4, 6); *луше ходить въ домъ плача объ умершемъ нежели ходить въ домъ пира* (7, 2); *мудрость лучше силы* (9, 16) и мн. др. (4, 9. 13. 5, 4. 6, 9. 7, 1. 3. 5. 8. 10. 9, 4. 18. и др.). Слово же טוב встрѣчается въ нашей книгѣ 40 разъ и однозначущее съ нимъ существ. טוֹבָה 9 разъ. Изъ этого можемъ заключить, что мысли *о суетѣ и благѣ* человѣка, около которыхъ группируются другія мысли писателя, служатъ главными элементами содержанія нашей книги, и что онѣ находятся въ какомъ-то между собою соотношеніи.

Что такое суета, הבל ? и что называетъ Екклезіастъ суетою?—Еврейское слово הבל, переведенное въ греческой (LXX) библіи ματαιότης, въ латинской (Vulg)—vanitas, въ нашей славянской и русской—*суета,* по мнѣнію *Фюрста,* образовалось изъ הָ—בַל (בַּל nihilum, nihil); въ такомъ случаѣ оно въ собственномъ или основномъ своемъ значеніи заключаетъ понятіе *ничтожества.* Но изъ этого понятія нельзя вывесть всѣхъ значеній, съ какими слово הבל встрѣчается въ древней и новой еврейской литературѣ. Скорѣе можно согласиться съ *Мейеромъ* (Hebraisches Wurzelwörterbuch, s. 265), который производитъ его отъ הב, сроднаго съ חב, אב, או, выражающими силу дыханія (potestas spirandi). *Гезеніусъ* этому корню и происходящему отъ него הֶבֶל находитъ аналогію въ индогерманскихъ языкахъ: въ греч. αὔ—ω *дую,* откуда αὐλὸς *свирѣль, флейта, дудка* αὐλὴ *всякое открытое мѣсто, гдѣ проходитъ воздухъ или вѣтерокъ,* αὔρα *дыханіе, духъ, сквозной вѣтеръ;*—въ латинск. halo *дышу;*—въ германск. haw—en spirare и съ прибавленіемъ придыханія Hauch, Hauch. Переставивши буквы, говоритъ Гезеніусъ, получимъ санскритск. wâ, откуда нѣмецк. weh—en, *дуть, вѣять* (Thesaur. philolog. crit. p. 363). Соотвѣтственно этому, הֶבֶל значитъ *дыханіе* (Athemzug, halitus) потомъ—*дохновеніе, дуновеніе,* далѣе — *вѣтерокъ.* Съ

этими основными значеніями הֶבֶל встрѣчается нѣсколько разъ въ священ. книгахъ. У Исаіи (57, 13) оно отождествляется съ רוּחַ, представляя только болѣе тонкое, болѣе летучее и болѣе слабое движеніе воздуха: *всѣхъ ихъ* т. е. идоловъ, на которыхъ почитатели ихъ возлагали свою надежду, *унесетъ вѣтеръ* (רוּחַ), *развѣетъ дуновеніе* (הֶבֶל). Такое же отождествленіе встрѣчается у Іова. Іовъ говоритъ къ Богу (7, 16): *не вѣчно жить мнѣ; отступи отъ меня, ибо дни мои дуновеніе*) הֶבֶל); а нѣсколько выше (ст. 7) сказалъ онъ: *вспомни, что жизнь моя* רוּחַ. Іовъ говоритъ словами пс. 144 (слч. ст 3 съ Іов. 7, 17). А въ псалмѣ этомъ (ст. 4) говорится: *человѣкъ подобенъ дуновенію* (לַהֶבֶל), *дни его какъ преходящая тѣнь*. Пс. 62, 10: *одно дохновеніе* (הֶבֶל) *сыны человѣческіе; одинъ обманъ* (כָּזָב употребляется о тщетномъ ожиданіи чего либо, о тщетной надеждѣ на что либо, Исаі. 58, 11; Пс. 40, 5; Ам. 2, 4) *сыны знатныхъ; если положить ихъ на вѣсы, то всѣ они легче дуновенія* (הֶבֶל). Притч. 21, 6: *богатство, собранное лживымъ языкомъ, тоже, что испускаемое дыханіе* (הֶבֶל נִדָּף) *умирающихъ*. Отсюда въ новоеврейскомъ הֶבֶל получило значеніе halitus oris, vapor oris и вообще vapor, exhalatio, halitus calidus (*Buxtorf.* Lexic. p. 302. ed. 1869; *J. Levy* chaldäisches Wörterbuch über die Targumim, B. 1. s. 192. ed. 1867.). Акила перевелъ: ἀρμίς (ἀτμίς ἀτμίδων, Eccl. 1, 2), Симмахъ ἀτμὸς (собств. *испареніе, паръ, дымъ*). Съ понятіемъ *о дохновеніи и дыханіи* соединяется представленіе а) чего-то не существеннаго, не твердаго, не прочнаго, зыбкаго, призрачнаго, потомъ б) легкаго, текучаго, удобоподвижнаго, скоропреходящаго, далѣе в) изчезающаго, уничтожающагося, ничтожнаго, наконецъ г) ускользающаго отъ нашей мысли, уходящаго въ неизвѣстность, о чемъ теряется всякое представленіе. Отсюда въ переносномъ смыслѣ הֶבֶל прилагается ко всему, что имѣетъ въ означенныхъ отношеніяхъ сходство съ дунове-

ніемъ. Прилагаясь къ *предметамъ*, оно а) значитъ: *непрочный, нетвердый, тлѣнный*. Еккл. 3, 19. 20: *все*—הבל *непрочно, тлѣнно*; *все произошло изъ праха и все возвратится въ прахъ*.—б) Значитъ также: *легкій, скоропреходящій, обманчивый, призрачный*. Притч. 31, 30: *миловидность обманчива, красота скоропреходяща* (הבל). Еккл. 11, 10: *юность и заря жизни скоропреходящи*—הבל (какъ *дуновеніе устъ*). Въ Еккл. 6, 12, Пс. 39, 6. 7 הבל ставится въ параллель съ убѣгающею тѣнью (צֵל) и движущимся призракомъ (צלם), которымъ уподобляется жизнь человѣка, называемая ימי הבל или ימי חַיַּי הבל —в) Значитъ: *пустой, ничтожный*. Идолы называются часто הַבְלִים (Второз. 32, 21. 1 Цар. 16, 26; 2 Цар. 17, 15. Іерем. 2, 5. 10, 15. 14, 22. 44, 22) въ смыслѣ совершенной пустоты и ничтожества ихъ (слч. 1 Коринѳ. 8, 4). Въ этомъ значеніи הַבְלִים противополагается אל и יהוה какъ совершенное ничто Бытію дѣйствительному, полному силы и жизни (Второз. 32, 31. Пс. 31, 7).—г) Значитъ: *не проницаемый, не разгаданный, не извѣстный, темный, покрытый мракомъ*. Въ этомъ значеніи הבל отождествляется съ חשך. Такъ говорится о выкидышѣ 6, 4 ст: *во мглѣ* (בהבל) *пришелъ и во мракъ* (בַּחשֶׁךְ) *отошелъ, никѣмъ не видѣнный*;—о темныхъ дняхъ (ימי הַחשך) въ шеолѣ 11, 8: *все, что будетъ*, הבל—*мгла непроницаемая, покрыто мракомъ* (слч. 9, 9); также о не постижимости судьбы праведныхъ для нихъ самихъ 9, 1: *все предъ ними* הבל *покрыто мракомъ* (LXX: τὰ πάντα πρὸ προσώπου αὐτῶν ματαιότης).—Прилагаясь къ *стремленіямъ и дѣламъ* человѣка, הבל значитъ: *тщетный, напрасный, безполезный*. *Дѣла* (מַעֲשַׂי) и *труды* (עָמָל) человѣка называются הבל *напрасными* (синон. אין יתרון *безполезными*, Еккл. 2, 11); въ этомъ значеніи הֶבֶל въ нашей книгѣ часто соединяется съ רְעוּת רוּחַ

погоня за вѣтромъ (1, 14. 2, 11. 17. 26. 4, 4. 6, 9.) [1]). Помощь отъ людей называется безполезною הֶבֶל синоним. съ רִיק; Исаі. 30, 7: *Египетъ попусту* (הבל) *и напрасно* (ריק) *будетъ помогать.* Надежда на что-либо, кромѣ Бога, на богатство, на людей и проч. называется הבל *тщетною, напрасною* (Пс. 62, 10. 11. Плач. 4, 17). Въ этомъ значеніи הבל употребляется иногда въ видѣ нарѣчія и значитъ: *попусту, напрасно, тщетно* (Іов. 9, 29. Исаі. 30, 7. Пс. 39, 7 и др.).— Прилагаясь къ *мыслямъ* и *рѣчамъ* людей, הֶבֶל означаетъ: *неосновательность, ложь, обманъ, пустословіе, легкомысліе, безсмысліе, неразуміе* и просто *глупость*. Пс. 94, 11: *Господь знаетъ мысли людей, что онѣ* הֶבֶל *не основательны, безразсудны* (слч. ст. 7—10). Іер. 23, 16: *не слушайте словъ пророковъ сихъ* (ложныхъ), *обманывающихъ* (מַהְבִּלִים) *васъ видѣніями своего сердца, а не отъ Господа.* Іов. 21, 24: *какъ же вы хотите утѣшать меня* הֶבֶל—*лживыми словами? и остается въ отвѣтахъ вашихъ одна ложь.* Зах. 10, 2: *утѣшаютъ обманомъ* (הבל). Іов. 27, 12: *вотъ всѣ вы и сами видѣли: для чего же вы столько пустословите* (הבל תֶּהְבָּלוּ)?— 2 Цар. 17, 15: *что худаго нашли во Мнѣ отцы ваши, что они удалились отъ Меня и пошли вслѣдъ пустоты* אַחֲרֵי הַהֶבֶל (т. е. оставивъ Іегову и Его заповѣди, послѣдовали примѣру другихъ народовъ и покланялись идоламъ, сн. ст. 16. 17), *и стали пустыми,* וַיֶּהְבָּלוּ т. е. потеряли смыслъ, обезумѣли. Тоже у Іерем. 2, 5.—Въ значеніи *безсмыслія, неразумія, глупости,* הֶבֶל употребляется нѣсколько разъ и въ нашай книгѣ: 4, 7. 8. 5, 6. 6, 11. 7, 6. 8, 10.—Такъ какъ непостоянство, тлѣнность, скоротечность вещей земныхъ, напрасный трудъ, тщетныя надежды и проч., производятъ разочарованіе въ нашихъ дѣлахъ и мысляхъ; то הֶבֶל встрѣчается

[1]) Сн. Осі. 12, 2. *Ефремъ гоняется за вѣтромъ* (רֹעֶה רוּחַ) *и ловитъ восточный.*

еще въ нашей книгѣ въ значеніе *скорби, непріятности, бѣдствія* (2, 23) и является иногда синонимомъ רָעָה *зло, бѣдствіе, несчастіе* (6, 1), עִנְיַן רַע *тяжкое мученіе* (4, 8), חוֹלָה רָעָה *тяжкій недугъ* (6, 2. 5, 12. 15).—Всѣ эти значенія слова הבל мы нарочито выставляемъ, чтобы при чтеніи книги могъ быть яснѣе видѣнъ смыслъ многихъ мѣстъ, въ которыхъ наше русское слово *суета*, также какъ и греческое ματαιότης и латинск. vanitas, не передаетъ въ точности мысли писателя, такъ какъ оно не исчерпываетъ собою всѣхъ понятій, содержащихся въ еврейскомъ הבל, какъ это обыкновенно бываетъ при подборѣ слова въ одномъ языкѣ, соотвѣтствующаго значенію слова въ другомъ. Наше слово *суета* выражаетъ только переносныя значенія еврейскаго הבל. Корень его въ древне-славянскомъ *суе, всуе* тщетно, напрасно, безъ надобности, по-пусту (Корнесловъ русскаго языка, составл. *Шимкевичемъ*, ч. II. стр. 74); отсюда *суета*, по коренному своему значенію, относится ко всему тщетному, напрасному, безполезному, пустому, не основательному, безсмысленному и проч.; происходящій отъ этого слова глаголъ *суетиться* означаетъ дѣятельность напрасную, безъ надобности, безполезную, пустую, къ цѣли не приводящую, не имѣющую смысла, легкомысленную, необдуманную и прямо безсмысленную. Но, какъ обыкновенно бываетъ въ языкахъ человѣческихъ, производныя слова, отдаляясь отъ своихъ корней, съ теченіемъ времени, въ употребленіи живою народною рѣчью, измѣняютъ коренное свое значеніе и получаютъ новыя, въ корнѣ не заключающіяся, и эти значенія передаютъ отъ себя словамъ кореннымъ или ближе ихъ стоящимъ къ корню; такъ и нашъ глаголъ *суетиться* въ настоящемъ употребленіи имѣетъ значенія, хотя сродныя съ корнемъ, но значительно отъ него отдаляющіяся. По теперешнему народному употребленію, глаголъ *суетиться* не столько выражаетъ основаніе и результатъ дѣя-

тельности, безполезной и не осмысленной, сколько характеръ самой дѣятельности, безпокойной, хлопотливой, разбрасывающейся въ разныя стороны, на многіе предметы; при чемъ основаніе и цѣль дѣятельности могутъ быть и не пустыя, и не безсмысленныя. Отсюда *суета* въ просторѣчіи означаетъ часто только *хлопоты*, *заботы* (Общій церковно-славано-россійскій Словарь, составленный П. С. 1834. ч. II стр. 1413)) *безмѣрные хлопоты*, *большіе заботы*. Наприм. говорятъ: *у него суета въ домѣ*, т. е. большія хлопоты по случаю какого либо новаго обстоятельства въ домашней жизни, смерти, сватьбы и проч.; говорятъ также: *теперь суета въ городѣ*, по случаю, напримѣръ, ярмарки, пріѣзда высокаго государственнаго сановника и проч. *Суетливый человѣкъ* не всегда означаетъ пустаго человѣка, но обыкновенно это названіе прилагается къ такому человѣку, который не можетъ спокойно и съ мѣрнымъ тактомъ вести свое дѣло, но ведетъ его съ тревогой, бросаясь разомъ въ разные стороны его. *Суетливая должность*—та, которая соединена съ разнообразными, часто мелочными, занятіями, съ постоянными развлеченіями дѣятельности въ разныя стороны и на различные предметы. Поэтому, слово *суета*, отдалившись въ теперешнемъ употребленіи своемъ отъ первоначальнаго корня *(суе, всуе)*, не тотчасъ передаетъ сознанію смыслъ тѣхъ значеній, которыя имѣетъ еврейск. הבל въ нашей книгѣ, а въ иныхъ мѣстахъ совсѣмъ не передаетъ; наприм. 6, 4. 11, 8. 9, 1. 2, 19. 23. 8, 14 и друг. При чтеніи нашей книги, гдѣ это слово часто встрѣчается, надобно имѣть въ виду по преимуществу его коренное, древне-славянское значеніе.

Что же Екклезіастъ называетъ *суетою*?—1) Все видимое теченіе вещей въ существующемъ мірѣ, поколику все въ немъ не устойчиво, скоропреходяще, тлѣнно (1, 2. слч. стт. 4—11; 12, 8. 3, 9.), въ противоположность вѣчному и неизмѣнному

порядку, какой держитъ во вселенной самъ Богъ, ею правящій по своему божественному разуму (сн. 3, 14).—2) Всѣ дѣла, (הַמַּעֲשִׂים), какія дѣлаются людьми для своего блага и счастія (1, 14. 2, 17); также частныя проявленія этой дѣятельности: заботу собирать и копить (2, 26), привязанность къ сребру и богатству (5, 9), безполезное обладаніе богатствомъ, имуществомъ и славою (6, 2. 9), зависть къ успѣхамъ другаго въ своихъ дѣлахъ (4, 4.), жадность въ обладаніи богатствомъ (4, 7. 8), заискиваніе народнаго вниманія и самое это вниманіе (4, 16), и проч.; за тѣмъ—и результаты, получаемые людьми отъ своихъ трудовъ и безсонныхъ заботъ (2, 23).—3) Свои собственныя дѣла (מַעֲשִׂים) и труды (עָמָל), какіе предпринималъ онъ для того, чтобы жизнь свою сдѣлать пріятною и счастливою (2, 11), и разные виды благъ и удовольствій, въ которыхъ воображалъ найти наслажденіе и счастіе (1, 16—2, 16).—Наконецъ 4) самыя разсужденія и толки (דְּבָרִים) людскіе о счастіи (6, 11).—Такимъ образомъ, въ выраженіяхъ Екклезіаста о *суетѣ* высказывается та мысль, что все, что ни дѣлалъ онъ самъ, и все, что дѣлаютъ другіе, ища въ мірѣ блага и счастія, не доставляетъ этого блага и счастія,—все только *суета и погоня за вѣтромъ*, а иное—даже *зло* и *зло мучительное*, и что самые толки людскіе о счастіи—*толки не основательные*.

Мысль о *благѣ* (טוֹב), выраженная Екклезіастомъ категорически: *нѣтъ блага, какъ*...., очевидно, относится къ мысли *о суетѣ* (הֶבֶל) какъ положеніе къ отрицанію. Можемъ прямо сказать, что Екклезіастъ чрезъ отрицаніе того, въ чемъ онъ самъ и другіе искали блага, хочетъ опредѣлить, въ чемъ состоитъ это благо. Стало быть, *благо* или *счастіе* есть главный предметъ разсужденія Екклезіастова. Предметъ этотъ обозначенъ въ книгѣ весьма ясно и формулируется такъ: *что хо-*

рошо (אֵי—זֶה טוֹב, τοῖον τὸ ἀγαθὸν) *для сыновъ человѣческихъ, что должны бы они дѣлать подъ небомъ въ продолженіе всей своей жизни* (2, 3.)?—или, еще такъ: *что хорошо* (מַה—טּוֹב τί ἀγαθὸν) *для человѣка въ жизни, во всѣ дни суетной жизни его, которые, какъ тѣнь, проходятъ у него* (6, 12)?—טוֹב, ἀγαθὸς (LXX), въ смыслѣ эвдемоническомъ прилагается ко всему, что намъ нравится, доставляетъ удовольствіе, пріятность,—что намъ полезно, пригодно, здорово,—дѣлаетъ насъ счастливыми, блаженными. Отсюда, употребляясь какъ существительное, טוֹב, подобно טוֹבָה, означаетъ всякаго рода благо, τὸ ἀγαθὸν и τὰ ἀγαθὰ: здоровье, благодѣяніе, получаемое отъ другихъ, успѣхъ въ дѣлахъ, возможные роды и виды вещественныхъ сокровищъ, также духовныхъ и чувственныхъ удовольствій, и вообще—спокойствіе, счастіе, блаженство и пр. (см. *Гезен.* Thesaur. philol. crit. p. 544—545; *Штокія* Clavis linguae sanctae p. 337). Выраженія: *въ продолженіе всей своей жизни* (2, 3), *и во всѣ дни суетной жизни, которые какъ тѣнь проходятъ* (6, 12) [1]) означаютъ, что задача Екклезіаста не въ томъ состоитъ, чтобы отличить въ своемъ разсужденіи всѣ тѣ разнообразные виды предметовъ изъ окружающаго насъ міра, которые доставляютъ намъ пріятность, удовольствіе, пользу, когда ими обладаемъ, такъ какъ не всегда можемъ обладать ими, и, обладая ими, не всегда получаемъ отъ нихъ удовольствіе и пользу (слч. 5, 9—6, 9),—или тѣ многоразличныя душевныя состоянія, въ минуты которыхъ человѣкъ чувствуетъ себя довольнымъ, счастливымъ, такъ какъ

---

[1]) מִסְפַּר יְמֵי חַיֵּיהֶם (2, 3. 6. 12.), numero dierum vitae suae (Vulg.), ἀριθμὸν ἡμερῶν ζωῆς αὐτῶν (LXX); per totum vitae suae tempus (*Rosenmüller* Scholia ad h. l.; *Hedigstedt* Comment. ad. h. l.).

эти состоянія бываютъ только временными и случайными (слч. 7, 2. 3. 5 и др.),—а въ томъ, чтобы показать, что именно въ суетной жизни человѣка есть такое, что можетъ быть благомъ для него всегда, во всѣ дни жизни его,—благомъ такимъ, которое можетъ оставаться при немъ и которымъ можетъ пользоваться при самыхъ даже неблагопріятныхъ обстоятельствахъ жизни (слч. 8, 15 съ 14). Такое благо обыкновенно называется *благомъ* или *счастіемъ истиннымъ, дѣйствительнымъ, абсолютнымъ*, въ отличіе отъ всякаго частнаго блага, имѣющаго значеніе только случайное, условное и относительное. Такимъ образомъ, Екклезіастъ въ разсматриваемой нами книгѣ разсуждаетъ о томъ, *въ чемъ состоитъ истинное, дѣйствительное благо или счастіе человѣка?*

Какое отношеніе этотъ вопросъ имѣлъ къ современникамъ Соломона, еврейскому народу, въ послѣдніе годы правленія этого государя?

Время Соломонова царствованія въ исторіи еврейской націи представляетъ такую пору, когда народъ, послѣ умиротворенія со всѣми окрестными народами, подъ руководствомъ своего государя, обратилъ свою дѣятельность на всестороннее развитіе внутренняго благосостоянія, чтобы достигнуть полнаго благоденствія и счастія. Царь, полный жизни, мудрости и силы, съ вступленія на престолъ поставилъ своею задачею возвести свою страну на степень высшаго, цвѣтущаго состоянія и даровать народу полное благоденствіе (слч. 3 Цар. 3, 9). И никто изъ царей земныхъ не имѣлъ столько силъ и средствъ для достиженія этой цѣли, какъ Соломонъ, надѣленный рѣдкими дарами природы и особенною чрезвычайною мудростію отъ Бога. И по видимому, никто не имѣлъ столько успѣха въ этомъ, какъ Соломонъ. Самъ онъ, какъ мы видѣли, обладалъ неслыханнымъ въ то время богатствомъ, былъ окруженъ чрезвычайною пышностію и роскошью, и пользовался уваже

ніемъ отъ всѣхъ царей и народовъ и славою на всемъ востокѣ. Народъ во дни его долго наслаждался такимъ благоденствіемъ, о которомъ послѣ всегда вспоминалъ, какъ о золотомъ вѣкѣ въ своей исторіи. И однакожъ, что оказалось въ послѣдніе годы царствованія Соломона? Народъ, которому въ началѣ видѣлись золотые дни счастія, очутился на краю страшнаго бѣдствія, терпя жестокія притѣсненія и обиды со стороны своихъ правителей, грубое и дерзкое обращеніе съ нимъ начальниковъ, всякаго рода насилія и угнетенія со стороны богачей,—не находя въ судахъ никакой справедливости и защиты,—встрѣчая всюду за собою тайный полицейскій надзоръ, и видя во всѣхъ слояхъ общества глубокое нравственное, соціальное и политическое разложеніе. Вслѣдствіе этого, какъ мы видѣли, всюду слышался ропотъ противъ царя, высказывалось общее недовольство его правленіемъ, разразившееся открытымъ возмущеніемъ едва ли не бо́льшей половины подданныхъ противъ царя, съ намѣреніемъ отложиться отъ него. Хотя это возмущеніе было подавлено удаленіемъ главнаго виновника его въ Египетъ; но раздраженіе противъ областныхъ и всякихъ другихъ правителей не утихало въ народѣ; между народомъ ходили разные толки о царѣ, пересуды на счетъ его жизни: были еще агитаторы, поддерживавшіе въ народѣ мятежный духъ противъ царя, и совѣтники съ разными планами о лучшемъ порядкѣ вещей въ государствѣ. Политику, при подобномъ положеніи дѣлъ, представлялось бы, что, для прекращенія народнаго бѣдствія и возвращенія странѣ спокойствія и благоденствія, достаточно, вникнувъ въ причины оказавшагося нестроенія, исправить ошибки въ государственномъ управленіи и дать новый строй политической жизни народа, вообще говоря, произвесть реформу въ государствѣ. Но Соломону, послѣ глубокаго саморазмышленія, на которые вызванъ онъ былъ возмущеніемъ своихъ подданныхъ, послѣ внимательно-

*

наго осмотра всѣхъ дѣлъ своихъ и всего, что дѣлалось въ народѣ и дѣлается на свѣтѣ всѣми живущими подъ солнцемъ, какъ мудрому, видѣлось, что никакая государственная реформа не можетъ дать людямъ счастія, никакія правительственныя мѣры не могутъ упрочить народнаго благосостоянія, если каждый, желающій себѣ блага, не пойметъ, въ чемъ оно состоитъ и не будетъ итти къ нему правильнымъ путемъ. Вина происходившаго въ народѣ нестроенія падала, конечно, на Соломона, какъ высшаго народнаго правителя, но не всею своею тяжестію. Соломонъ видѣлъ, что всѣ люди въ мірѣ *давно* потеряли ту истинную мудрость, которая руководитъ къ счастію, и потому всѣ идутъ *издавна* ложнымъ путемъ къ нему, и—что, слѣдуя общему теченію, какъ самъ онъ, такъ и весь народъ его, стояли доселѣ на этомъ ложномъ пути, и потому пожинаютъ горькіе плоды общаго заблужденія. Постигнувъ теперь главный корень зла въ мірѣ, Соломонъ, на основаніи собственнаго опыта и наблюденія, хочетъ указать своимъ подданнымъ: 1) въ чемъ состоитъ истинное, дѣйствительное благо человѣка (1—4, 16), и 2) какъ этого блага достигнуть при существующемъ порядкѣ вещей (4, 17—12, 8). Разрѣшеніе этихъ двухъ вопросовъ и составляетъ содержаніе нашей книги.

Главный корень зла, во всѣхъ его видахъ и проявленіяхъ, выросшаго на почвѣ народной жизни въ послѣдніе годы своего правленія, Соломонъ видитъ въ общемъ, свойственномъ всѣмъ людямъ, и столько же ему самому, сколько и его подданнымъ, не нормальномъ направленіи мыслей, а за ними и дѣйствій, начавшемся въ человѣческомъ родѣ почти съ первыхъ дней бытія его. *Богъ*, говоритъ Соломонъ (Екклез. 7, 29), *создалъ человѣка правымъ* (יָשָׁר), а они, т. е. люди, стали умничать, *пошли на многіе вымыслы* (חִשְׁבֹּנוֹת רַבִּים), и вслѣдствіе этого потеряли ту мудрость, которая

прежде руководила ихъ къ истинному счастію. Что это значитъ? Такъ какъ это замѣчаніе Соломона указываетъ на извѣстный въ исторіи человѣческой фактъ, именно—на печальное событіе потери людьми райскаго счастія, то смыслъ его всего лучше можетъ быть выясненъ изъ самаго этаго событія. Первобытное состояніе человѣка, коимъ условливалось обладаніе райскимъ счастіемъ, Соломонъ означаетъ словомъ יָשָׁר.—יָשָׁר значитъ *прямой, ровный*; въ собственномъ смыслѣ употребляется о пути (*Мейеръ*, Hebräisches Wurzelwörterbuch s. 436): *дорога прямая* (1 Цар. 12, 23. Исаі. 26, 7), *ровная* (Іер. 31, 9. Ездр. 8, 21), самымъ коротким и удобнымъ способомъ ведущая къ назначенному мѣсту. Въ переносномъ смыслѣ יָשָׁר употребляется о человѣкѣ и значитъ: *прямо смотрящій на что, прямо идущій къ цѣли* (Притч. 4, 25—27) [1]), *поступающій согласно съ волею Божіею* (Іов. 1, 8. 2, 3. сн. Пс. 33, 1. 112, 2. 4), *разумный* (Притч. 15, 21), *мудрый* (Пр. 23, 19). Когда говорится, что Богъ создалъ человѣка *правымъ*, симъ означается, что человѣкъ въ первобытномъ состояніи своемъ прямо смотрѣлъ на вещи, видѣлъ ихъ какъ онѣ есть, по не посредственному ихъ значенію, понималъ свое положеніе въ мірѣ и свои отношенія правильно, просто и естественно;—симъ означается такое направленіе мыслей, желаній и дѣйствій первозданнаго человѣка, какое согласовалось съ существующимъ порядкомъ бытія, устроеннымъ самимъ Творцомъ;—симъ означается, что человѣкъ поставленъ

---

[1]) Это значеніе יָשָׁר образно выражено въ Притч. 4, 25—27. *глаза твои пусть прямо смотрятъ, и рѣсницы твои да направлены будутъ прямо предъ тобою* (וישרו נגדך); *обдумывай стезю для ноги твоей, и всѣ пути твои да будутъ тверды. Не уклоняйся ни на право, ни налѣво, удали ногу твою отъ зла.*

былъ на прямомъ пути къ счастію. И доколѣ человѣкъ оставался въ этомъ состояніи, доколѣ былъ יָשָׁר, онъ 1) ясно понималъ, что этотъ міръ, въ которомъ назначено обитать ему, не имъ созданъ и не имъ управляется, и потому самъ собою онъ не можетъ устроить своего благобытія; 2) представляя же, что Богъ есть Творецъ всего существующаго и все существующее находится подъ Его управленіемъ и въ Его власти, онъ сознавалъ, что благо и счастіе свое можетъ получить только отъ Бога; 3) сознавая же зависимость свою и всего существующаго отъ Бога, онъ видѣлъ, что такое благо можетъ получить отъ руки Божіей не иначе, какъ пребывая въ союзѣ съ Богомъ, благоугождая Ему и исполняя заповѣдь Его; 4) пребывая въ такомъ настроеніи мыслей, человѣкъ не многаго требовалъ для того, чтобы находить себя счастливымъ,—удовлетворенія существенныхъ потребностей природы своей. Воздѣлывать и хранить рай (Быт. 2, 15), и за трудъ свой вкушать отъ всякаго дерева, которое насадилъ Господь въ раю, кромѣ древа познанія добра и зла (Быт. 2, 16. 17),—наслаждаться жизнію съ женою, которую далъ ему Господь, увидѣвъ, что не благо (לֹא־טוֹב) быть человѣку одному (Быт. 2, 18),—вотъ все, что составляло объективное содержаніе блага первыхъ людей въ раю. И смотря на вещи прямо (בְּיָשְׁרוֹ in rectitudine sua), человѣкъ при этомъ, по видимому, ограниченномъ благѣ не видѣлъ, чего бы не доставало у него; трудясь по силамъ (сл. Быт. 3, 9), онъ получалъ столько, сколько нужно ему было; будущее не озабочивало и не тревожило его, потому что живя въ союзѣ съ Богомъ, былъ увѣренъ, что не будетъ лишенъ благопотребнаго въ свое время; отъ Бога получалъ онъ потребное руководство въ жизни, мудрость и знаніе—для него необходимыя въ мірѣ, гдѣ все закрыто отъ его вѣдѣнія; общеніе съ Богомъ веселило и радовало его. Но люди, обольщенные ложною надеждою, что

съ нарушеніемъ заповѣди Божіей у нихъ откроются глаза, что они какъ Боги будутъ обладать всевѣдѣніемъ и узнаютъ, въ чемъ благо и зло (Быт. 3, 5), рѣшились сами безъ Бога создать себѣ счастіе по своимъ мечтамъ и соображеніямъ, пустились на разные вымыслы и, потерявъ истинную мудрость, вдались въ безконечное мудрованіе и умничанье. חשבנות רבים[1]) прекрасно выражаетъ эти мечты, идеалы, стремленія, мудрованія, разные виды умничанія, такъ называемыя теоріи счастія, всякіе вымыслы, затѣи, какимъ предались люди послѣ потери райскаго счастія, не дающіе имъ покоя ни днемъ, ни ночью,—эти дѣла, труды, работы, въ которыхъ проводятъ всю жизнь, желая устроить себѣ счастіе по своимъ мечтамъ и соображеніямъ,—эту неугомонную суетливость, бросающуюся сюда и туда, чтобы овладѣть желаемымъ сокровищемъ или воспользоваться воображаемымъ наслажденіемъ,—эту тяжкую муку (עִנְיַן רָע), называемую заботою, въ которой упражняются люди (Еккл. 1, 13. 3, 10), стремясь къ достиженію разныхъ своихъ цѣлей и видовъ, рѣдко достигаемыхъ и всегда порождающихъ новыя затѣи и нескончаемыя хлопоты и безпокойства.—חשבנות רבים прекрасно, въ тоже время, выражаетъ и тѣ не нормальныя, искривленныя, часто хитросплетенныя отношенія, въ которыхъ люди живутъ между собою, стремясь къ самоизобрѣтаемому счастію, другъ у друга его перехватывая, и другъ другу поставляя препятствія. Однимъ словомъ חשבנות רבים означаетъ эту הֶבֶל הֲבָלִים *суету суетъ*, которой предалъ Богъ сыновъ Адамовыхъ, мечтающихъ, помимо своего Создателя, одною своею думою устроить подъ солнцемъ свое счастіе.

---

[1]) חָשַׁב *измышлять, выдумывать*, Амос. 6, 5, Исх. 31, 4; חשׁב artifex, חשׁבנות machinae bellicae 2 Пар. 26, 15,—artes, machinationes, Еккл. 7, 29.

1, 2—4, 16.

Направляя свое разсужденіе противъ этаго общаго заблужденія сыновъ Адамовыхъ, Соломонъ доказываетъ, что человѣку никогда не удается достигнуть истиннаго счастія, устроивая его по своимъ мечтамъ и соображеніямъ. Осуществленію такого стремленія не благопріятствуютъ ни 1) обычное теченіе вещей въ мірѣ, въ которомъ онъ живетъ и думаетъ обосновать свое счастіе, такъ какъ въ этомъ теченіи нѣтъ ничего постояннаго и прочнаго, на чемъ бы можно было утвердиться и успокоиться (гл. 1. 2),—ни 2) тотъ вѣчный и не измѣнный законъ Божественнаго міроправленія, по коему всякому дѣйствію свойственно свое время и все сдѣлано пригоднымъ только въ свое время, а человѣку, который не можетъ постигать ни начала ни конца дѣйствій Божіихъ, не дано знать этого времени (3, 1—15),—ни 3) самое общество, которому человѣкъ принадлежитъ какъ членъ его, представляющее только борьбу сталкивающихся и другъ друга запинающихъ стремленій къ самоизмышляемому счастію (3, 16—4, 16). Представляя положеніе человѣка въ этихъ трехъ отношеніяхъ, Соломонъ выводитъ изъ него заключеніе, что истинное, дѣйствительное благо человѣкъ можетъ получить только отъ руки Божіей, и—Богъ даетъ его, вмѣстѣ съ мудростію, знаніемъ и радостію, тому, кто благоугождаетъ предъ Нимъ, и—это благо состоитъ не въ чемъ другомъ, какъ въ спокойномъ, соединенномъ съ благоговѣніемъ и преданностію Богу наслажденіи человѣка тою долею, какую пріобрѣтаетъ онъ трудомъ своимъ, благословляемымъ отъ Бога (2, 24—26. 3, 12—13. 22. 4, 6).

1. Міръ внѣшній, видимый, служитъ для человѣка поприщемъ его жизни и дѣятельности. Оставивъ прямой путь (יָשָׁר) къ истинному благу, человѣкъ хочетъ въ этомъ мірѣ

создать себѣ счастіе по своимъ мечтамъ и соображеніямъ, и здѣсь онъ трудится, работаетъ день и ночь изъ-за счастія. Но всѣ его труды напрасны. *Нѣтъ*, говоритъ Соломонъ, *никакой пользы (יִתְרוֹן) человѣку отъ всего труда (עָמָל), какимъ онъ трудится подъ солнцемъ* (1, 3). Почему-жъ такъ?—потому, что *во вселенной во всемъ видѣнъ только круговоротъ однихъ и тѣхъ же явленій, которыя въ безконечномъ разнообразіи своемъ приходятъ и отходятъ, уступая мѣсто другимъ, чтобы потомъ снова прійти и уйти* (4—7). Эта смѣна однихъ и тѣхъ же явленій столь быстротечна, что *человѣкъ не въ состояніи даже пересказать всего, что бываетъ*; и она постоянно раздражаетъ въ человѣкѣ чувство жажды, но никогда ничѣмъ не удовлетворяетъ, такъ что *глазъ никогда не насыщается зрѣніемъ, ухо не наполняется тѣмъ, что слышитъ* (8). Въ этой непрестанной смѣнѣ однихъ и тѣхъ же явленій, не удовлетворяясь настоящимъ, *человѣкъ всегда ожидаетъ чего-то новаго; но новаго никогда ничего не бываетъ*, и—человѣкъ постоянно только обманывается, воображая увидѣть что-либо новое, а *встрѣчаетъ то, что было уже въ вѣкахъ прошедшихъ* (9. 10). Какъ не бываетъ ничего новаго, такъ нѣтъ ничего и постояннаго, прочнаго: *приходитъ въ забвеніе то, что было, какъ и въ свою очередь не вспомнятъ о томъ, что будетъ послѣ* (11).

Въ этомъ изображеніи суеты заключается глубокое основаніе для психологическаго объясненія, почему человѣкъ, отдаваясь міру, не можетъ найти въ немъ покоя и удовлетворенія своему духу. Вращаясь въ непрестанномъ круговоротѣ міра, онъ самъ втягивается своими мыслями и чувствами въ этотъ круговоротъ. Постоянная смѣна явленій пріучаетъ его искать постоянно новыхъ впечатлѣній. Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ сего бываетъ то, что мысль и чувство не находятъ, на чемъ бы могли онѣ утвердиться; въ душѣ остается вѣчная

жажда новаго и тяжелое чувство недовольства ничѣмъ, хотя бы міръ открылъ предъ ними всѣ свои сокровища и удовольствія. Доколѣ эта жажда питается новыми впечатлѣніями, чувство недовольства не высказывается еще во всей силѣ. Среди постояннаго развлеченія новыми впечатлѣніями человѣкъ находитъ возможность *забываться*, отстранять отъ себя представленіе духовнаго своего убожества. За то, если въ это время послѣдуетъ не ожиданный какой ударъ судьбы; тогда открывается вся пустота духа, за которою слѣдуетъ совершеннѣйшее разочарованіе всѣмъ, въ чемъ прежде искалъ наслажденія и что ради его дѣлалъ, не жалѣя никакихъ средствъ.

Что въ этомъ круговоротѣ явленій человѣкъ дѣйствительно не находитъ покоя и удовлетворенія своему духу, гоняясь за счастіемъ, въ этомъ убѣдился Соломонъ, наблюдая надъ другими, а еще больше собственнымъ опытомъ (12—2, 23).

Наблюдая надъ другими, Соломонъ нашелъ, что *всѣ дѣла, какія дѣлаются подъ солнцемъ* (разумѣется—изъ за блага и счастія), *суть ни что иное, какъ пустота* (הבל) *и погоня за вѣтромъ* (רעות רוח). *Кривое не можетъ сдѣлаться прямымъ и чего нѣтъ, того нельзя считать* (14. 15) [1]). Приточныя эти выраженія заключаютъ ту мысль, что кривыми пу-

---

[1]) רעות רוח *погоня за вѣтромъ* прекрасно выражаетъ это стремленіе человѣка въ вѣчномъ круговоротѣ явленій, изображенномъ въ стт. 4—11, создать себѣ счастіе по своимъ мечтамъ и соображеніямъ. מעוּת *кривое* LXX διεστραμμένον, curvatum, perversum (ст. 15) указываетъ на извращенное направленіе способностей и дѣйствій человѣка въ падшемъ состояніи, обращенное Богомъ (слич. 7, 13. 2, 26. сн. Быт. 3, 19) въ наказаніе ему, какъ порча, вошедшая въ природу человѣка, направленіе это можетъ быть исправлено только самимъ Богомъ чрезъ возрожденіе естества человѣческаго. *Чего нѣтъ, того нельзя считать*—относится къ изображенному свойствующей, не дающихъ человѣку напрасно искомаго въ нихъ счастія.

тями, какими идутъ люди къ своему счастію, уклонившись отъ прямаго райскаго пути, никогда не достигнутъ его,—и тамъ, гдѣ его нѣтъ, не найдутъ его.

Собственный опытъ Соломона привелъ его также къ убѣжденію, что все, что ни предпринималъ онъ для того, стобы въ этомъ порядкѣ жизни найти себѣ истинное благо, осталось трудомъ напраснымъ.

Какъ одаренный великимъ разумомъ, которымъ прославился больше всѣхъ жившихъ прежде въ Іерусалимѣ, Соломонъ старался развить свой умъ, обогатить его самыми разнообразными свѣдѣніями, изслѣдовать и познать самое существо мудрости, но потомъ *увидѣлъ, что и это* стремленіе—*погоня за вѣтромъ,* не даетъ покоя духу; *потому что во многой мудрости много и безпокойства* отъ излишнихъ затѣй, съ нею возникающихъ; *съ приращеніемъ знанія прибавляется и скорбь* при видѣ больше и больше открывающейся области не познаннаго и не постижимаго (16—18).

Не находя въ этихъ духовнаго свойства занятіяхъ искомаго Бога, Соломонъ обратилъ свое сердце въ другую совершенно сторону. Чтобы сдѣлать жизнь свою веселою и пріятною, онъ сталъ искать удовольствія въ чувственныхъ наслажденіяхъ. Для этой цѣли *онъ построилъ себѣ дворцы; насадилъ виноградники; устроилъ сады и парки съ плодовитыми деревьями, съ водоемами для орошенія ихъ; окружилъ себя множествомъ слугъ и служанокъ; развелъ большія стада мелкаго и крупнаго скота; собралъ отъ царей и съ областей множество серебра, золота и всякихъ драгоцѣнностей; завелъ у себя пѣвцовъ и пѣвицъ и самое пріятное наслажденіе сыновъ человѣческихъ—большой гаремъ женщинъ* [1]). Все это

---

1) שִׁדָּה и мн. שִׁדּוֹת встрѣчается только въ Еккл. 2, 8. Лексикографы затрудняются опредѣлить корень и значеніе этого слова. Изъ толковате-

было у Соломона въ такомъ обиліи и роскоши, что *величіемъ и богатствомъ своимъ превзошелъ онъ всѣхъ бывшихъ прежде него въ Іерусалимѣ*. Въ то время *и мудрость еще не оставляла его* (сн. 7, 23). *Онъ предавался удовольствіямъ до такой степени, что не отказывалъ себѣ ни въ чемъ, чего бы не пожелали глаза; не возбранялъ сердцу своему никакого веселія.* Но за тѣмъ, *когда оглянулся на всѣ дѣла свои и на весь трудъ, какимъ трудился, дѣлая ихъ, то увидѣлъ, что отъ всего этого нѣтъ никакой пользы* (יתרון) ,—*одна пустота и погоня за вѣтромъ* (2,—11).

Это было послѣ печальной катастрофы, произшедшей въ его царствѣ,—возмущенія противъ него подданныхъ, произведеннаго Іеровоамомъ и обнаружившаго расположеніе умовъ народа въ пользу сего послѣдняго. Обстоятельство это, от-

---

лей, изъяснявшихъ это слово, наибольшаго вѣроятія заслуживаютъ тѣ, которые разумѣли его о женщинахъ, полагая, что Соломонъ говоритъ здѣсь о сладострастныхъ наслажденіяхъ. Быть не можетъ, чтобы Соломонъ, перечисливши всѣ виды испытанныхъ имъ удовольствій, не упомянулъ о самомъ главномъ, которому въ особенности былъ преданъ. И предшествующее выраженіе: *услажденія* תַּעֲנוּגֹת *сыновъ человѣческихъ*, коимъ хочетъ означить самый верхъ человѣческаго удовольствія, наводитъ на это изъясненіе. אַהֲבָה בַּתַּעֲנוּגוֹת, LXX ἀγάπη ἐν τρυφαῖς σοῦ, Vulg. charissima in deliciis *возлюбленная въ прелестяхъ*, говорится о невѣстѣ, Пѣсн. 7, 7. בֵּית תַּעֲנוּגִים покой гдѣ ложе жены, *спальня*, (Мих. 2, 9), οἰκίον τρυφῆς (LXX), domus deliciarum mulierum (Vulg); בְּנֵי תַּעֲנוּגִים называется τέκνα τροφερα, felii deliciarum женщины (1, 16). Такимъ образомъ תַּעֲנוּגֹת относится собственно къ сладострастнымъ наслажденіемъ сыновъ человѣческихъ. Поэтому, весьма правдоподобно нѣкоторые изъ филологовъ שַׁדָּה производятъ שַׁד mamma, uber (*Мейеръ*, Hebr. Wurzelwörterbuch, s. 604; *Гезен.* Thesaur phil. crit. p. 1365. Heiligst. Comment. in Ecclesiast, ad 2, 8); שַׁדָּה וּשְׁדוֹת переводятъ: mammosam et mammosas, то есть, лучшихъ, красивѣйшихъ женщинъ (Rosenmuller ad h. l), или uxorem et, concubinas, *жену и наложницъ*, согласно съ 3 Цар. 3, 1. 3. 7, 8.

крывшее Соломону въ возмутителѣ своего преемника надъ десятью колѣнами Израиля (сн. 3 цар. 11, 11—13), тѣмъ больше производило въ немъ разочарованія своими дѣлами, чѣмъ менѣе видѣлъ онъ какъ въ этомъ преемникѣ, такъ и въ другомъ, своемъ сынѣ, тѣхъ качествъ, какія требовались отъ народнаго правителя.

И обратился я, говоритъ Соломонъ, *чтобы посмотрѣть, есть ли какое различіе между мудростію, безумiемъ и глупостію; ибо, что за человѣкъ, который придетъ послѣ меня,—тотъ самый, котораго уже поставили?...*[1]) *И хотя увидѣлъ я, что мудрость без-*

---

[1]) מָה הָאָדָם, не מִי הָ׳, слѣдовательно—*не кто, а что за человѣкъ*; говорится въ тонѣ, подобномъ Пс. 8, 5. 144, 3, въ тонѣ уничиженія, пѣкоего презрѣнія;— שֶׁיָּבוֹא אַחֲרֵי הַמֶּלֶךְ *который придетъ послѣ царя*. т. е. который заступитъ мѣсто царя,—будетъ царствовать послѣ его смерти: другаго перевода не можетъ быть. הַמֶּלֶךְ nomen substantivum loco pronominis, подобн. Исх. 30, 16. Пс. 132, 1. אֶת אֲשֶׁר כְּבָר עֲשׂוּהוּ слово въ слово: *котораго уже поставили его* т. е. *тотъ самый, котораго уже поставили*. Подоб. оборотъ въ 6, 10. אֵת אֲשֶׁר accusativus relativi; под. 1 Цар. 31, 11 4 Цар. 7, 12. Зах. 12, 10. См. Ewald, Lehrbuch der hebraischen Sprache des A. T. (8 Ausg.), § 333. 2; Glaire, Gram. hebr. § 451 — כְּבָר не значитъ *давно*, а просто *уже*, говоритъ только о совершившемся фактѣ, не означая, давно или не давно онъ совершился, сн. Еккл. 2, 16. 4, 2. 6, 10. 9, 6. греч. ἤδη (LXX).—עָשָׂה *дѣлать кого чѣмъ, назначать кого въ какое либо званіе*, 1 Цар. 12, 6. 3 Цар. 12, 31. 2 Пар. 13, 9. 33, 6. Мысль 12 стиха повторяется въ стт. 18 и 19. Вторую половину этого ст. *Гейеръ* перифразируетъ такимъ образомъ: quem mihi successurum jam tacite fecerunt suâ propensione mei subditi, spe sublevandi oneris, 3 Цар. 12, 4. (Commentar. in Ecclesiast. ad h. l. p. 61). То, что здѣсь Соломонъ говоритъ о своемъ преемникѣ съ выраженіемъ нѣкотораго уничиженія, въ стт. 18 и 19 (гдѣ можно разумѣть и другаго преемника) только съ сомнѣніемъ на счетъ его способностей, а въ 4, 13 называетъ его *умнымъ юношей*, объясняется общимъ тономъ этихъ выраженій, въ которомъ слышится иронія.

спорно имѣетъ прéимущество предъ глупостію, какъ свѣтъ предъ тьмою; но тутъ же *позналъ я, что она не освобождаетъ обладающаго ею отъ общей участи съ глупымъ: и мудраго также люди не будутъ помнить вѣчно, какъ и глупаго. Тогда подумалъ я самъ про себя: и меня постигнетъ таже участь, какая и глупаго; къ чемужъ мнѣ было доселѣ такъ много умничать,* такъ много мудрить, *чтобы дѣлать всѣ тѣ дѣла, какія сдѣлалъ я?* [1]). *Вотъ это-то и было напрасно* (הֶבֶל),—*сказалъ я въ душѣ своей* (12—16).

Но каковы бы ни были дѣла и какихъ бы безпокойствъ ни стоили они для трудившагося, все же онѣ такія дѣла, какими могутъ въ такой или другой мѣрѣ воспользоваться другіе, и, слѣдовательно, другіе должны быть признательны къ дѣлавшему ихъ, должны сохранить въ потомствѣ благодарную память о немъ. Но человѣкъ, потрудившійся въ своей жизни для блага своего и другихъ, не можетъ разсчитывать на благодарность потомства, ни даже на то, что этими дѣлами воспользуются какъ слѣдуетъ; потому что люди слишкомъ легкомысленны, слишкомъ гонятся за суетою, что бы дѣла другихъ оцѣнивать по достоинству и умѣть извлекать изъ нихъ дѣйствительную пользу. Для великаго труженника, который всю жизнь свою провелъ въ заботахъ и занятіяхъ, отказывалъ себѣ въ покоѣ и снѣ, это крайне грустно и тяжело.—

---

[1]) חָכַם יוֹתֵר *мудрствовать слишкомъ*, т. е. мудрить, умничать. יוֹתֵר magis, amplius. Выраженіе тоже, что и въ 7, 16: אַל—תִּתְחַכַּם יוֹתֵר *не представляй себя слишкомъ мудрымъ*, слав. *не мудрися излише*. Это надобно имѣть въ виду, чтобы не видѣть противорѣчія въ разсужденіи Соломона о мудрости. Соломонъ хвалитъ мудрость, какъ необходимое условіе счастливой жизни, но порицаетъ мудрованіе, умничанье, напрасныя мечты и затѣи, какимъ предаются люди, гоняясь за счастіемъ. Не умничая, а идя прямою дорогою (יָשָׁר), мудрый, конечно, не избѣгнетъ общей участи съ глупымъ (т. е. смерти), но устраняясь отъ излишнихъ затѣй и заботъ, онъ будетъ имѣть тогда по крайней мѣрѣ возможность насладиться въ жизни покоемъ и самодовольствіемъ.

Тогда, говоритъ Соломонъ, *грустна мнѣ стала жизнь, потому что горько было смотрѣть на все, что дѣлается подъ солнцемъ; ибо во всемъ этомъ* видѣлась только *пустота и погоня за вѣтромъ* (17). *Грустно мнѣ стало и за весь трудъ мой, какимъ трудился я подъ солнцемъ, потому что все, что я сдѣлалъ, долженъ оставить человѣку, который будетъ послѣ меня,* т. е. своему преемнику. *А никому не извѣстно, мудрый или глупый онъ будетъ,* способенъ ли будетъ изъ моихъ дѣлъ сдѣлать пользу; *между тѣмъ какъ онъ станетъ распоряжаться всѣмъ, что пріобрѣтено трудомъ моимъ и чѣмъ показалъ я себя мудрымъ подъ солнцемъ* (18. 19). *Тогда отчаяніе овладѣло сердцемъ моимъ за весь трудъ, какимъ трудился всю жизнь,* особенно—когда увидѣлъ, что *иной человѣкъ трудится мудро, съ знаніемъ и успѣхомъ, и потомъ долженъ оставить все человѣку, который не принималъ въ томъ никакого труда, а будетъ только пользоваться всѣмъ, какъ бы своею частію. И это печально* (חֶבֶל) *и весьма прискорбно! Чтожъ* въ такомъ случаѣ *остается на долю самаго трудившагося отъ всѣхъ трудовъ и заботъ его?— Скорби,* которыми полны были *всѣ дни его,—безпокойства,* которыми сопровождался *всякій трудъ его,—даже ночью сердце его не знало покоя,*—остается *одна* (הֶבֶל) *пустота* (20—23).

Сравнивая различныя состоянія, въ какихъ находятся люди, ища своего счастія, какія и самъ испыталъ въ жизни своей, Соломонъ нашелъ, что между ними *нѣтъ лучше состоянія человѣка, который ѣстъ и пьетъ и видитъ душу свою довольною тѣмъ благомъ, какое получаетъ отъ труда своего. Но,* прибавляетъ Соломонъ, *по его наблюденію такое счастіе,* если кто имъ пользуется, *получается не иначе, какъ отъ руки Божіей. Ибо,* говоритъ, *кто можетъ ѣсть и кто можетъ наслаждаться безъ Бога?...* [1]). *Только человѣку, ко-*

[1]) Вм. ממני, какъ теперь стоитъ въ еврейскомъ текстѣ, LXX, сирскій Пешито и бл. Іеронимъ читали ממנו παρεξ αὐτοῦ, *безъ Него,* считая этотъ стихъ дополненіемъ къ послѣдней мысли предыдущаго стиха. Ст. 24: *и я увѣ-*

торый угоденъ предъ лицемъ Его, Онъ даетъ мудрость—умѣнье правильно вести свой трудъ, *знаніе*—потребное для руководства къ жизни, и *веселіе*—то пріятное и спокойное душевное настроеніе, какое чувствуется отъ посильнаго труда и ниспосланнаго на него благословенія Божія; *а грѣшнику* (לחוֹטֵא [1]), тому, кто отступаетъ отъ Него, *даетъ* только *заботу* (עִנְיָן муку) *собирать и копить, чтобы отдать* потомъ *угодному предъ лицемъ Его* (24—26).

Такимъ образомъ истинное, дѣйствительное благо человѣка состоитъ въ удовлетвореніи первыхъ потребностей жизни и въ спокойномъ, благодушномъ, соединенномъ съ преданностію Богу, наслажденіи плодами посильныхъ трудовъ своихъ. А воображая создать себѣ счастіе въ мірѣ, одни безъ Бога, помимо Бога (חוּץ מִמֶּנּוּ παρεξ Αὐτοῦ), по своимъ мѣчтамъ и соображеніямъ, мы никогда не достигнетъ того блага, какое даетъ успокоеніе духу, мы только вѣчно будемъ гоняться за вѣтромъ.

2. Иначе и быть не можетъ. Вселенная, среди которой живетъ и работаетъ человѣкъ, находится подъ управленіемъ всевышняго Міроправителя. Богъ же, правящій міромъ, устроилъ такой въ немъ порядокъ, что *всему* должна быть *череда* и *всякому дѣйствію* (חֵפֶץ) *свое время*: *время, когда родиться, и время—когда умирать,—время, когда садить, и время—вырывать посаженное,—время убивать и время врачевать,*

дѣлъ, что это происходитъ отъ руки Божіей; ст. 25: *ибо кто можетъ пѣсть и наслаждаться безъ Него*, т. е. безъ Бога? По теперешнему чтенію еврейскаго текста ст 25 переводятъ такъ: *ибо кто пировалъ, и кто наслаждался болѣе нежели я?* (Пер. Макарія, алт. миссіонера). Но חוּץ מִן, тоже что халдейск. בַּר מִן значитъ. *внѣ чего, помимо кого или чего, безъ кого или чего.* Кромѣ того, будущая ф. глаголовъ болѣе благопріятствуетъ первому переводу, чѣмъ второму.

[1]) חָטָא отъ חָטָא знач. собственно *отдѣляться, отступать* (Мейеръ, Herb. Wurzelwörtb. s. 125). חוֹטֵא отступающій, отдѣляющійся отъ Бога.

—время быть печальнымъ и время плясать,—время разбрасывать камни и собирать камни,—время обниматься и время уклоняться отъ объятій,—время искать и время терять,—время сберегать и время бросать,—время раздирать и время сшивать,—время молчать и время говорить,—время любить и время ненавидѣть,—время для войны и время для мира (3, 1—8). *Все сдѣлалъ Богъ пригоднымъ* (יָפֶה) *въ свое время* (11); стало быть, не въ свое время каждое изъ этихъ дѣйствій будетъ выходить изъ общаго установленнаго порядка и не послужитъ къ благу и пользѣ. Спрашивается: *чтожъ тутъ могутъ успѣть люди съ своими трудами и заботами, какими мучатъ себя*, если они не знаютъ этого времени (9. 10)? *Богъ положилъ покровъ* (הָעֹלָם) [1]) *на* (ב *въ*) *сердце ихъ, такъ что* [2]) *человѣкъ не можемъ постигнуть никакого дѣла, какое дѣлаетъ Богъ, отъ начала до конца* (11). Стало быть (יָדַעְתִּי *позналъ я*,—выводъ изъ предыдущаго), *нѣтъ для нихъ ничего лучше, какъ*, не муча себя напрасными заботами, *сохранять спокойное и свѣтлое расположеніе духа и дѣлать доброе*, благоугождать Богу (слч. 7, 20. 2, 26. Пс. 33, 15. 36, 27) *въ жизни своей;* потому что все потребное для своего блага они могутъ получить только отъ Бога. *И если какой человѣкъ ѣстъ и пьетъ и наслаждается благомъ отъ всякаго труда своего, то это-даръ Божій* (12. 13).

---

[1]) את־העלם נתן בלבם. Под обор. Исх. 36, 2. חכמה נתן בלבו *мудрость вложилъ въ сердце его.* הָעֹלָם или можетъ быть הָעֲלָמ, отъ עָלַם *скрывать, таить,—скрытіе, утаеніе, невѣдѣніе, незнаніе.* Для выраженія этого понятія въ положительной формѣ въ нашемъ языкѣ нѣтъ слова, ближайшія къ нему—*мракъ, покровъ* נעלם въ 12, 14 значитъ *тайное*, сокровенное. הָעֹלָם LXX перевели τὸν αἰῶνα *вѣчность*. Но тамъ, гдѣ это слово употребляется въ значеніи *вѣчности*, всюдѣ пишется въ нашей книгѣ чрезъ *вав. хол.* עוֹלָם 1, 4. 2, 16. 9, 16. 12, 6, даже въ третьей главѣ чрезъ два стиха ниже разсматриваемаго нами пишется לְעוֹלָם (ст. 14)

[2]) מבלי eo quod non, ita ut non, LXX ὅπως μή:—לא—плеоназмъ

Тотъ порядокъ, какой устроилъ Богъ, останется навсегда неизмѣннымъ: къ тому, что̀ дѣлаетъ Богъ, нельзя ничего прибавить, равно какъ и нельзя что либо отъ того убавить. И Богъ дѣлаетъ такъ, чтобы благоговѣли предъ Нимъ, т. е. оставаясь въ неизвѣстности относительно дѣйствованія Божія, признавали безусловную зависимость свою отъ Всевышняго Міроправителя. *Что̀ было, то есть и теперь, то будетъ и послѣ: у Бога ничто не проходитъ* (14. 15).

Стало быть, нечего и мечтать, чтобы намъ когда-нибудь удалось съ нашимъ мудрованіемъ, затѣями и заботами, создать свое какое-то счатье безъ Бога и покорности Его правящей всѣмъ воли.

3. Осуществленію такой мечты не благопріятствуетъ и тотъ міръ подобныхъ намъ существъ, которому принадлежимъ мы по своей природѣ и съ которымъ тѣсно связаны гражданскими, соціальными и нравственными отношеніями. Общество подобныхъ намъ существъ, по своей идеѣ, должно бы всего болѣе споспѣшествовать достиженію общей у всѣхъ членовъ его цѣли—стремленію къ счастію. *Двоимъ*, говоритъ Соломонъ, *лучше, нежели одному, потому что̀ большій успѣхъ они могутъ имѣть въ трудѣ своемъ. Если упадетъ одинъ, то другой поднимете товарища своего. Но горе одному, когда упадетъ, а другаго нѣтъ, который поднялъ бы его. Также, если лежатъ два, то тепло имъ; а одному какъ согрѣться?* [1]). *И если станетъ преодолѣвать кто-либо одного, то двое устоятъ противъ него. И нитка, втрое скручекная, не скоро порвется* (4, 9—12). Но если въ обществѣ каждый будетъ преслѣдовать свои личныя цѣли, каждый будетъ искать сча-

[1]) Соломонъ имѣетъ въ виду путешественниковъ, которымъ приходится проводить ночь подъ открытымъ небомъ. Покрываломъ для нихъ служитъ только верхняя одежда ихъ, такъ что согрѣваніе ихъ зависитъ почти отъ одной животной теплоты. На это отчасти намекаютъ Исх. 22, 26. Ис. 28, 20.

стія по своимъ личнымъ желаніямъ и соображеніямъ; то, понятно, общество, состоящее изъ подобныхъ существъ, вмѣсто того, чтобы споспѣшествовать ихъ благу, само въ себѣ будетъ заключать противодѣйствіе къ достиженію его; ибо каждый, преслѣдуя свои виды и желанія, будетъ сталкиваться съ видами и желаніями другихъ, и, ища своего, будетъ посягать на чужое. Обращая вниманія на современное общество, Соломонъ видитъ въ немъ такія явленія, которыя наглядно показываютъ, что стремленіе создать себѣ счастіе по своимъ мечтамъ есть одна мечта. Именно видитъ въ немъ: а) беззаконіе на мѣстѣ суда, несправедливость на мѣстѣ охраненія правды (3, 16—22); б) насилія, угнетенія и всякаго рода притѣсненія при отсутствіи всякой защиты (4, 1—3); в) взаимную между людьми зависть при всякомъ трудѣ и всякомъ успѣхѣ въ дѣлахъ (4—6); г) ненасытную жадность къ стяжанію, когда бы оно и самому стяжателю и другимъ могло послужить во благо (7—12); и наконецъ д) непрочность общественнаго вниманія, оказываемаго иногда людямъ самымъ торжественнымъ образомъ (13—16).

а) *Видѣлъ я,* говоритъ Соломонъ, *подъ солнцемъ: мѣсто суда, а тамъ беззаконіе; мѣсто правды, а тамъ несправедливость* (3, 16). Такимъ образомъ, въ самомъ источникѣ благополучія общественнаго и частнаго—источникъ несчастія какъ для частныхъ лицъ, такъ и для цѣлаго общества. Судъ, по понятію древнихъ, составлялъ самую первую функцію въ государственномъ управленіи, которою условливались спокойствіе и благоденствіе народа. Соломонъ, по вступленіи на престолъ, молитъ Іегову не о чемъ другомъ, а о томъ, чтобы *Онъ далъ рабу своему сердце разумное, чтобы судить народъ и различать, что добро и что зло, ибо,* говоритъ, *кто можетъ управлять этимъ многочисленнымъ народомъ* (3 Цар. 3, 9)? Понятно, что если нѣтъ справедливаго суда въ народѣ, если тамъ, гдѣ долженъ онъ производиться, живетъ беззаконіе и

несправедливость: то никто не можетъ съ вѣрностію разсчитывать на успѣхъ своихъ предпріятій и трудовъ и на обезпеченіе своего личнаго благополучія.

Это явленіе, крайне прискорбное въ обществахъ человѣческихъ, вызываетъ Соломона на саморазмышленіе. Здѣсь онъ дѣлаетъ какъ бы отступленіе отъ непрерывнаго теченія рѣчи, что̀ даетъ самъ замѣтить выраженіемъ: *сказалъ я въ сердцѣ своемъ* (подумалъ я самъ въ себѣ) въ ст. 17 и 18,—отступленіе однакожъ такое, которое приводитъ къ выводу изъ него доказываемаго положенія о счастіи (22). Дѣло въ томъ, что при несправедливомъ судѣ приходится обыкновенно страдать невинному, праведному, а торжествовать нечестивому, тѣмъ, которые вездѣ ищутъ личнаго интереса, думаютъ только о стяжаніи и захватѣ, какъ бы больше другихъ имѣть и пожить насчетъ другихъ. Сіи послѣдніе преимущественно называются *сынами человѣческими* (Еккл. 1, 13. 2, 3. 8. 3, 10. 18. 21. 8, 11. Пс. 10, 4. 11, 2. 9. 14, 2. 20, 11. 48, 3 и др.). Относительно перваго, т. е. праведнаго, Соломонъ *внутренно успокаиваетъ себя тою мыслію*, вытекающею изъ предшествующаго разсужденія, *что у Бога опредѣлено время, когда быть всякому дѣйствію подъ небомъ* (слч. 3, 1), стало быть—и время для суда надъ всякимъ дѣломъ; потому не сомнѣнно, *что праведный и нечестивый будутъ судимы Богомъ* и получатъ заслуженное возмездіе (17). *Относительно же сыновъ человѣческихъ*, говоритъ Соломонъ, *сказалъ я въ сердцѣ своемъ: о если бы* [1]) *Богъ просвѣтлилъ ихъ, и они увидѣли, что сами для себя* (חַמָּה לָהֶם) *они животныя!* Т. е. живя такъ, какъ они живутъ, не помышляя о Богѣ, не уважая правъ своихъ ближнихъ, а думая только о захватѣ и умно-

[1]) ל съ неокончат. значитъ иногда ut, ita ut (taceret). Ges. Lex.

женіи корысти, они ничѣмъ не отличаются отъ животныхъ [1]) (בהמות слч. Пс. 48, 13. 21); *потому что исходъ какъ тѣхъ, такъ и этихъ—одинъ,—и тѣ умираютъ, и эти умираютъ; и дыханіе у нихъ одно; и какъ все произшедшее изъ праха возвращается въ прахъ, такъ и они вмѣстѣ съ животными идутъ въ одно мѣсто* (18—20). *Даже о самомъ духѣ кто изъ нихъ знаетъ,* [2]) *восходитъ ли духъ сыновъ человѣческихъ вверхъ, а духъ животныхъ сходитъ ли внизъ, въ землю* (21).

Если бы сыны человѣческіе сами это выразумѣли, то поняли бы, что они, какъ овцы, назначены для могилы (Пс. 48, 15), что при смерти своей ничего съ собою не возмутъ (18), и послѣ смерти никто не приведетъ ихъ посмотрѣть на то, что будетъ послѣ нихъ (Еккл. 3, 22),—поняли бы, значитъ, что совершенно напрасны всѣ ихъ дѣйствія къ обогащенію себя, соединяемыя съ неправдою и обидою для другихъ, и что для счастія ихъ совершенно достаточно той доли, какую они могли бы получить честнымъ трудомъ своимъ.

---

[1]) Не по природѣ животныя, отъ которыхъ они отличаются нравственнымъ институтомъ, но по образу своей жизни и дѣйствіямъ, теряя этотъ институтъ. Мысль Соломона прекрасно выражена въ Пс. 48 Нечестивые и надменные богачи называютъ скотами (בהמות) людей честныхъ, по бѣдныхъ и незнатныхъ (ст. 13). Псалмопѣвецъ, изобразивъ ничтожество этихъ надменныхъ богачей, въ заключеніе говоритъ. *человѣкъ, который въ чести, но ничего не смыслитъ, онъ-то и похожъ на скотъ* (בהמות) *закалываемый* (ст. 21)

[2]) מי יודע... Въ 12, 7 Соломонъ утвердительно говоритъ: *и возвратится прахъ въ землю, чѣмъ онъ и былъ; а духъ возвратится къ Богу, который далъ его.* Вопросною формою рѣчи въ настоящемъ мѣстѣ столько же не отрицается безсмертіе человѣческаго духа, сколько не утверждается и безсмертіе души животныхъ, а выражается только, какъ этотъ предметъ, не извѣданный еще опытомъ, стоитъ въ живомъ (практическомъ) сознаніи людей, особенно тѣхъ, коихъ Соломонъ изображаетъ (матеріалистовъ въ жизни). Вопросная форма употреблена здѣсь въ томъ же смыслѣ, въ какомъ она встрѣчается въ Пс 89, 11. *кто знаетъ* (מי יודע) *силу гнѣва Твоего и Твою ярость, чтобы достойно благоговѣть предъ Тобою?*—Под. обор. въ Притч. 31, 10. Исаіи 58, 1. 8.

И такъ, нахожу я, заключаетъ Соломонъ, *что нѣтъ для человѣка ничего лучше, какъ наслаждаться тѣмъ, что пріобрѣтаетъ онъ трудомъ своимъ: это его доля въ жизни.* Желать большаго человѣку не для чего; *ибо никто не приведетъ его посмотрѣть на то, что будетъ послѣ него* (22), т. е. на то, что останется отъ собраннаго имъ всякою неправдою и беззаконіемъ.

б) *Видѣлъ я,* говоритъ Соломонъ, *всякія угнетенія подъ солнцемъ,*—разумѣются—притѣсненія, чинимыя въ областяхъ чиновниками и людьми богатыми бѣднымъ (слч. 5, 7); *и вотъ,* говоритъ, *слезы угнетенныхъ, и въ рукѣ угнетающихъ ихъ сила* (потому что и судъ на ихъ сторонѣ), *а защитника нѣтъ.* Не много отраднаго въ жизни среди такого общества; одно зрѣлище это отправляетъ уже спокойствіе живущихъ. *И почелъ я,* говоритъ Соломонъ, *умершихъ, которые уже умерли, счастливѣе тѣхъ, которые еще живутъ; а блаженнѣе тѣхъ и другихъ тотъ, кто еще не жилъ и не видалъ злыхъ дѣлъ, какія дѣлаются подъ солнцемъ* (4, 1—3).

в) *Видѣлъ я также,* говоритъ Соломонъ, *что всякій успѣхъ въ дѣлахъ производитъ взаимную между людьми зависть.* Завистливый не оставляетъ въ покоѣ другаго, стараясь поставить ему препятствіе къ достиженію блага; но зависть и для самаго завистливаго служитъ самою горькою отравою его спокойствія. *Глупый онъ,* говоритъ Соломонъ, *сидитъ сложивъ руки и пожираетъ плоть свою.* Картинное изображеніе мучительнаго состоянія, въ какомъ находится одержимый завистью. Отсюда Соломонъ дѣлаетъ выводъ, что *лучше горсть съ покоемъ, нежели пригоршни полныя труда и пустыхъ безпокойствъ* (4—6).

г) *И обратился я,* говоритъ Соломонъ, *и увидѣлъ еще такое безсмыслiе* (הבל) *подъ солнцемъ: человѣкъ одинокій; ни*

сына, ни брата нѣтъ у него; а всѣмъ трудамъ его конца нѣтъ; и при этомъ *глазъ его не насыщается богатствомъ.* Подумалъ бы онъ: *для кого я тружусь и лишаю удовольствія душу мою?* А между тѣмъ всякому понятно, что *вдвоемъ лучше во всякомъ случаѣ, чѣмъ одному* (7—12). Это жадность или скупость (называется въ просторѣчіи *скаредностію*), которая изъ за страсти къ стяжанію отказывается отъ всякихъ соціальныхъ отношеній къ людямъ, отъ брака, отъ родства, отъ дружбы, даже отъ помощи другихъ и проч., лишь бы только избѣгнуть необходимости изъ пріобрѣтаемаго удѣлять что либо другому. Это называетъ Соломонъ не только *пустотою*, безсмысліемъ (הבל), но и עִנְיַן רָע *тяжкою мукою.*

д) Но и то, чѣмъ бы человѣкъ могъ утѣшаться, какъ особеннымъ счастіемъ, не прочно между людьми. Иногда общество, цѣлый народъ съ фанатическимъ увлеченіемъ оказываютъ вниманіе къ достоинству человѣка; но пройдетъ поколѣніе, и—потомки современниковъ болѣе уже не восхищаются этимъ человѣкомъ. *На что лучше, какъ тотъ бѣдный, но умный юноша, котораго предпочли старому, но неразумному царю, сдѣлавшемуся не способнымъ принимать совѣты? Ибо онъ изъ страны бѣлецовъ выйдетъ на царство, хотя въ царствѣ своемъ родился бѣднымъ. Видѣлъ я всѣхъ живущихъ подъ солнцемъ съ этимъ юношею, который заступитъ мѣсто того царя. Нѣтъ числа всему народу, который шелъ за нимъ, какъ своимъ предводителемъ; но потомки не будутъ восхищаться имъ. Подлинно* (גַּם), *и это* т. е. вниманіе народа и запскиваніе его—*пустота и погоня за вѣтромъ* (13—16).

4, 17—12, 8.

Опредѣливши, въ чемъ состоитъ истинное благо человѣка, Соломонъ даетъ наставленія, какъ этого блага достигнуть при существующемъ порядкѣ вещей.

Достиженіе указаннаго блага, повидимому, не представляетъ особенныхъ недоумѣній. Такъ какъ истинное благо подается отъ руки Божіей и подается только угодному предъ лицемъ Божіимъ (2, 24—26); то для достиженія этого блага прежде всего требуется благоугождать Богу, чтобы заслужить Его благоволеніе и получить отъ Него благословеніе на дѣла свои (сп. 4, 17—5, 6). Дальнѣйшее, что̀ зависитъ отъ самаго человѣка для достиженія истиннаго блага, указывается самымъ существомъ этого блага: »трудись и наслаждайся тою долею, какую даетъ тебѣ Богъ по трудамъ твоимъ, не муча себя заботами о будущемъ, которое никому не извѣстно,—вотъ все, что требуется для достиженія спокойной и счастливой жизни. Но человѣкъ на свѣтѣ не одинъ, какъ было нѣкогда въ періодъ райскаго счастія; онъ живетъ въ обществѣ съ подобными себѣ, отъ которыхъ отдѣлиться не можетъ, какъ членъ

народной и государственной семьи. Такое или иное состояніе этого общества не можетъ быть безразличнымъ для него, не можетъ не вліять и на внѣшнее благосостояніе и на психическое настроеніе внутренней жизни его (сн. 5, 7—6, 9); и самъ онъ, какъ живой членъ общества, не можетъ безучастно относиться къ его положенію, къ тѣмъ дѣламъ, какія совершаются въ немъ, не можетъ не сорадоваться его благоденствію и не сострадать его скорбямъ и бѣдствіямъ (сн. 6, 10—8, 8). Слѣдовательно, благо или счастіе каждаго человѣка стоитъ такимъ образомъ въ близкомъ соприкосновеніи съ существующимъ положеніемъ общества, народа, государства. Съ другой стороны, провиденціальныя отношенія Бога къ людямъ, простираясь на цѣлыя массы общественныя, на народы и государства, не представляются въ такой непосредственности къ судьбѣ каждаго человѣка, чтобы всякому ясно видѣлось строгое соотвѣтсвіе между воздаяніемъ и заслугою, добродѣтелію и счастіемъ; отсюда указываемое Соломономъ благо или счастіе возбуждаетъ иногда нѣкоторыя тревожныя недоумѣнія относительно самаго главнаго источника своего (сн. 8, 9—9, 10). Затѣмъ, при существующемъ строѣ общества, состоящаго изъ людей съ самыми разнообразными симпатіями и антипатіями, стремленіями и дѣйствіями, и при непостижимости Божественнаго міроправленія, образуется такое положеніе для человѣка, что успѣхъ его въ дѣлахъ и отношеніяхъ къ людямъ, зависитъ не столько отъ его труда и старанія, отъ его способностей и достоинствъ, сколько отъ времени и случая, которыхъ онъ предусмотрѣть не можетъ; и потому часто не только не достигаетъ желаемаго успѣха, но, дѣйствуя не впопадъ, вмѣсто блага навлекаетъ на себя несчастіе (сн. 9, 11—12, 8). Имѣя въ виду эти обстоятельства поставленнаго на практическую почву вопроса объ истинномъ счастіи, Соломонъ вызванный на размышленіе о немъ извѣстнымъ разстроеннымъ

положеніемъ дѣлъ въ государствѣ, во второй части разсужденія (4, 17—12, 8) даетъ подданнымъ своимъ практическія наставленія, какъ вести себя въ жизни и особенно при современномъ состояніи общества, чтобы достигнуть указываемаго имъ блага.

1. Такъ какъ истинное благо подается отъ руки Божіей, и подается только тому, кто пріятенъ предъ лицемъ Божіимъ (сн. 2, 24—26); то человѣкъ долженъ благоугождать Богу, что бы получить отъ Него это благо. Общимъ выраженіемъ благоугожденія Богу у евреевъ служило Богопочтеніе, совершаемое въ храмѣ съ жертвоприношеніемъ, молитвословіемъ и обѣтами. Имѣя въ виду распространившуюся въ обществѣ пустую набожность, лицемѣрную и легкомысленную, чуждую благоговѣнія и страха Божія, Соломонъ внушаетъ своимъ подданнымъ имѣть особенное вниманіе съ самимъ себѣ, къ своимъ дѣйствіямъ и словамъ, когда приступаютъ къ Богу съ молитвою, чтобы самою молитвою, которая также можетъ быть пустою (הֶבֶל 5, 6), какъ и дѣла наши, не отвратить отъ себя лица Божія, чтобы Богъ, прогнѣвавшись на насъ, не разрушилъ дѣло рукъ нашихъ (4, 17—5, 6). а) *Наблюдай за ногою твоею, когда идешь въ домъ Божій.* б) *Расположи свою душу болѣе къ послушанію* волѣ Божіей, къ соблюденію заповѣдей Его (слч. 3 Цар. 8, 58), *чѣмъ къ жертвоприношенію* безъ этого внутренняго расположенія,—*какъ свойственно легкомысленнымъ, которые сами не знаютъ, что дѣлаютъ худое* (4, 17),—то, что называется мерзостію предъ Богомъ (сн. Притч. 15, 8. 21, 27). в) *Въ молитвѣ, которую произносишь предъ Богомъ, не будь торопливъ*, обдумывай каждое слово, чтобы сказать не много, но отъ сердца; *такъ какъ Богъ на небѣ, а ты на землѣ, то нѣтъ надобности распространяться въ словахъ, чтобъ не были они пустыми, какъ сонныя грёзы* (5, 1. 2). г) Съ молитвою или съ жела-

ніемъ получить отъ Бога просимое у евреевъ соединялись часто обѣты (Числ. 30, 3. Второз. 23, 21—23), за исполненіемъ которыхъ обязаны были наблюдать священники (Лев. 27, 8); поэтому Соломонъ далѣе говоритъ: *если даешь обѣтъ Богу, старайся тотчасъ же исполнить его, потому что Богъ не благоволитъ къ легкомысленнымъ; что обѣщалъ, исполни. Лучше тебѣ не давать обѣта, нежели обѣщать и не исполнить* (3. 4). Въ случаѣ не исполненія обѣта, *не изыскивайся въ самооправданіи предъ священникомъ, чтобы Богъ не прогнѣвался твоими пустыми рѣчами и не сдѣлалъ безуспѣшнымъ дѣло рукъ твоихъ. Бойся Бога* (5. 6)! יְרָא הָאֱלֹהִים- это основа и исходное начало ветхозавѣтнаго служенія Богу.

2. Подданныхъ Соломона глубоко смущали притѣсненія бѣдному народу и всякія несправедливости, производимыя въ областяхъ правительственными чиновниками, такъ какъ благоденствіе цѣлой страны всегда зависитъ отъ спокойствія въ провинціяхъ, обезпечивающаго свободный трудъ поселянъ. Успокоивая своихъ подданныхъ, Соломонъ увѣряетъ, что приняты административныя мѣры противъ своеволія чиновниковъ. *Если увидишь*, говоритъ, *въ какой области притѣсненіе бѣдному и нарушеніе суда и правды, то не смущайся* (תְּמַהּ starr, grausig verstummt sein, timore et terrore perculsus est, Пс. 47, 6. Іер. 4, 9) *такимъ своеволіемъ* (הַחֵפֶץ), *потому что за высокимъ наблюдаетъ высшій, за всѣми же ими еще высшіе* (5, 7). [1]). За общее же благоденствіе страны, продолжаетъ Соломонъ, ручается то, что она имѣетъ *царя, покровительствующаго земледѣлію*, такъ какъ *земледѣліе есть*

---

[1]) גְּבֹהִים LXX ὑψηλοί, вѣроятно, верховный совѣтъ, состоявшій изъ высшихъ начальниковъ отдѣльныхъ частей государственной администраціи, 3 Цар. 4, 2—6.

источникъ преспѣянія ея во всемъ [1]); а благо каждаго вчастности не въ томъ состоитъ, чтобъ имѣть какъ можно больше, а въ томъ, чтобы въ радости сердца пользоваться тѣмъ, что имѣемъ отъ честнаго труда своего, не муча себя заботами о будущемъ (5, 9—6, 9). На послѣдней мысли Соломонъ особенно останавливаетъ вниманіе своихъ подданныхъ, такъ какъ, съ одной стороны, постигшая страну бѣдность, чрезъ сравненіе съ прежнимъ богатымъ ея состояніемъ, возбуждала въ народѣ чувство недовольства настоящимъ своимъ положеніемъ (ср. 7, 10), съ другой—усилившаяся въ тоже время жадность корыстолюбивыхъ чиновниковъ и богачей тяжело чувствовалась бѣдному рабочему классу, занимавшемуся обработкою полей въ провинціяхъ. Соломонъ наглядно и въ живыхъ картинахъ изображаетъ пустоту и ничтожество того счастія, которое полагаютъ въ богатствѣ.

---

[1]) Перифразомъ передаемъ мысль 8 стиха, весьма сжато выраженную въ еврейскомъ текстѣ. Буквальный переводъ его такой *преспѣяніе же страны во всемъ—это* (или *есть*) *царь для обработываемаго поля* יתרון съ מן означаетъ *превосходство, преимущество надъ чѣмъ* или *предъ чѣмъ* (Екк. 2, 13. 3, 19 6, 8),—съ ב означаетъ *прибыль, выоду, пользу, успѣхъ* (1, 3. 3, 9). *Іегова, Богъ твой, съ избыткомъ дастъ тебѣ успѣхъ* (והותירך) *во всякомъ дѣлѣ* (בכל מעשה) *рукъ твоихъ, въ* (ב) *плодѣ чрева твоего, въ* (ב) *плодѣ скота твоего* и пр. (Второз 30, 9) יתרון ארץ בכל *успѣхъ, преспѣяніе страны во всемъ.* הוא вм. существ. глагола *(Ewald,* Lehrb. d. hebr Sprache § 297. Ausg. 8) *Царь для обработываемаго поля*—לשדה, какъ бы принадлежащій обработываемому полю, или, для того—чтобъ обработывалось поле, т. е. *покровительствующій земледѣлію.* Этотъ же смыслъ еврейскаго выраженія заключается въ греч. переводѣ LXX: καὶ περίσσεια γῆς ἐπὶ παντὶ ἐστι βασιλεὺς τοῦ ἀγροῦ ᾽ειργασμένου. Шлейснеръ переводитъ это. magna est terrae felicitas, cujus rex agriculturae favet *(*Nov. Thesaur. phil. crit. V. T. P. IV. p. 312.)

а) *Кто любитъ серебро* [1]*), тотъ не насытится серебромъ;* потому что всякое стяжаніе только усиливаетъ страсть къ стяжанію. *И кто любитъ, чтобъ у него было какъ можно больше* (הָמוֹן multitudo opum, divitiae, Пс. 36, 16. Исаі. 60, 4), *тому нѣтъ отъ того никакой пользы,—одна пустота*; потому что богатство и имущество только средства для счастія, а не самое счастіе (5, 9).

б) Правда, онъ можетъ обратить ихъ и въ средство къ наслажденію, предавшись расточительности и роскошной жизни. Въ такомъ случаѣ обыкновенно бываетъ такъ, что, *съ умноженіемъ предметовъ наслажденія* (טוֹבָה блага, удовольствія), *умножаются и потребители ихъ*,—друзья богача, сотрапезники, соучастники пировъ его и проч. *Но какое удовольствіе обладателю тѣхъ благъ изъ того, что онъ будетъ смотрѣть, какъ другіе наслаждаются его добромъ?* Правда, и самъ онъ тутъ же наслаждается до пресыщенія, дѣлающаго его ни къ чему не способнымъ; но *это наслажденіе* не доставляетъ истиннаго удовольствія, потому что никогда *не даетъ покойнаго сна тому, кто предается пресыщенію. Сонъ пріятенъ бываетъ только тому, кто трудится, не зависимо отъ того, мало ли много ли съѣстъ онъ* (10. 11). Стало быть, бѣдняку, который своимъ трудомъ добываетъ себѣ кусокъ хлѣба, гораздо спокойнѣе и веселѣе, чѣмъ роскошному богачу, который, не трудясь самъ, въ праздности предается наслажденіямъ.

в) Но *видѣлъ я*, говоритъ Соломонъ, *другаго рода зло подъ солнцемъ*, и его нельзя иначе назвать, какъ *зломъ тяжкимъ* (רָעָה חוֹלָה). Это—*богатство, сберегаемое обладателемъ его на несчастіе себѣ*. Видѣлъ я, какъ *это богатство сдругъ погибаетъ все среди самыхъ рачительныхъ заботъ, такъ что*

---

1) כֶּסֶף *серебро;* употребляется и въ значеніи *монеты, денегъ* (Быт. 23, 9. 43, 15. 21).

у владѣвшаго имъ не остается ничего для сына, который только что родился, и самъ онъ, лишившись всего, *остается нагимъ, и такимъ долженъ отойти въ могилу, какимъ вышелъ изъ утробы матери. Подлинно, это несчастіе тяжелое. Какая жъ,* спрашивается, *польза отъ того, что онъ трудился на вѣтеръ и,* стараясь скопить какъ можно больше, *всю жизнь свою ѣлъ въ потьмахъ, въ большомъ раздраженіи и досадѣ* (12—16)?

Изъ этихъ разсужденій Соломонъ наглядно выводитъ заключеніе, въ чемъ состоитъ дѣйствительное благо человѣка. *Вотъ и вижу я,* говоритъ онъ, *что хорошо и что пригодно человѣку: пить и пить и наслаждаться добромъ, получаемымъ отъ всего труда своего, какимъ кто трудится, во всѣ дни жизни своей, которые далъ ему Богъ. Это его доля. И если какому человѣку далъ Богъ богатство* (עֹשֶׁר) *и имущество* (נְכָסִים) *и далъ власть пользоваться отъ нихъ и брать свою долю и наслаждаться трудами своими; то это даръ Божій. Такой не много думаетъ о дняхъ этой жизни; потому Богъ исполняетъ веселіемъ сердце его,* т. е. даетъ ему свѣтлое и спокойное настроеніе души (17—19).

г) *Видѣлъ я,* продолжаетъ Соломонъ, еще *несчастіе подъ солнцемъ,—и оно часто бываетъ между людьми,*—несчастіе не меньше предыдущаго, хотя человѣкъ остается до самой смерти обладателемъ того, что Богъ даетъ ему. *Богъ даетъ человѣку богатство* (עֹשֶׁר) *и имущество* (נְכָסִים) *и славу* (כָּבוֹד) [1] *и притомъ въ такомъ обиліи, что*

---

1) Тремя этими терминами въ вѣкъ Соломона опредѣлялось объективное содержаніе человѣческаго счастія. *И сказалъ Богъ Соломону: за то, что это было на сердцѣ твоемъ, и ты не просилъ богатства* (עֹשֶׁר), *имѣнія* (נְכָסִים) *и славы* (כָּבוֹד), *а просилъ себѣ мудрости и знанія, чтобы управлять народомъ Моимъ, премудрость и знаніе дается тебѣ; а богатство* (עשר) *и имѣніе* (נְכָסִים) *и славу* (כָּבוֹד) *Я дамъ тебѣ такія, подобныхъ которымъ не бы-*

для души его ничтъ недостатка ни въ чемъ, чего бы ни пожелалъ онъ, но не освобождаетъ его отъ страсти собирать и копить (сл. 2, 26), *такъ что самъ онъ не пользуется этимъ, а пользоваться будетъ другой. Это пустота и большое несчастіе!* Положимъ, онъ думаетъ, что собираетъ для дѣтей; но *хотя бы народилъ онъ сто душъ дѣтей и прожилъ самую долгую жизнь, и—если душа его не насладилась добромъ, и если еще при этомъ не оказано ему приличнаго погребенія,* какъ дѣлаютъ часто наслѣдники скупыхъ богачей: *то я скажу, что выкидышъ счастливѣе его.* Тотъ и другой равно не вкусили блага жизни и отошли туда, куда всѣ отходятъ. Но *послѣднему лучше тѣмъ, что онъ и солнца не видѣлъ, отошелъ въ общее для всѣхъ мѣсто, не зная, что есть на свѣтѣ благо.* Такое отношеніе къ собираемому богатству (скупость) крайне не разумно, свойственно глупому. *Весь трудъ человѣка не для чего другаго, какъ для поддержанія жизни, для наслажденія жизнію* [1]), *а у того, при всемъ богатствѣ, какое благо, когда душа останется не насыщенною? Лучше ужъ быть бѣднымъ, но умѣть обращаться между живыми, чѣмъ богатымъ, но не умѣть пользоваться тѣмъ, что дано Богомъ. Лучше пользоваться тѣмъ, что видишь предъ глазами,* что предлагается въ настоящемъ, *чѣмъ бродить душею,* развлекаться желаніями, безпокойно стремиться къ чему-то вдаль, строить воздушные замки, и проч. *Это пустота и погоня за вѣтромъ* (6, 1—9).

3. Обѣщаніе Соломономъ строгаго надзора за дѣйствія-

вало у царей прежде тебя, и не будетъ послѣ тебя (2 Пар 1, 11. 12). Подъ *богатствомъ* (слч. Еккл. 5, 9) разумѣлись деньги и драгоцѣнности, какъ серебро, золото, камни и под.; подъ *имѣніемъ* (слч. Еккл. 5, 10) все прочее, чѣмъ могъ обладать человѣкъ изъ вещественнаго міра: земля, домъ, скотъ крупный и мелкій и под, подъ *славою*—уваженіе, почетъ, высшія должности въ обществѣ, богатое погребеніе и доброе имя по смерти (Еккл. 6, 3. 8, 10. 7, 1).

1) Собств. *для рта своего* (7, 7). Подобн. выраженіе Притч. 16, 26 *трудящійся трудится для себя, потому что понуждаетъ его ротъ его.*

ми чиновниковъ въ провинціяхъ (5, 7), также указаніе на свое покровительство земледѣлію (5, 8), имѣли, конечно, успокоивающую силу для будущаго. Но настоящее положеніе страны, представлявшее предъ глазами всѣхъ печальные результаты прежнихъ злоупотребленій администраціи и погрѣшностей самаго царя, не могло скоро забыться народомъ, сравнивавшимъ его съ прежнимъ счастливымъ состояніемъ, тѣмъ болѣе, что среди народа продолжали еще дѣйствовать не спокойные ажитаторы, распространявшіе дурные толки о царѣ, предлагавшіе свои совѣты къ исправленію настоящаго бѣдствія и подстрекавшіе народъ къ отложенію отъ царя. Чтобы успокоить происходившее отсюда волненіе, Соломонъ представляетъ своимъ подданнымъ, что все происшедшее въ судьбѣ ихъ совершилось по волѣ Божіей. И такъ какъ противъ воли Божіей никто итти не можетъ, то самое лучшее для нихъ при настоящихъ обстоятельствахъ—не увлекаться разными толками, разсѣеваемыми въ народѣ людьми легкомысленными, а съ терпѣливостію выжидая конца тому, что случилось, присматриваться къ дѣйствованію Бога, который одинъ можетъ исправить то, что сдѣлалъ кривымъ, и во всемъ поведеніи своемъ руководствоваться свойственнымъ мудрому благоразуміемъ, покоряясь царю и установленному порядку (6, 10—8, 8).

а) *Что существуетъ*, какъ совершившійся фактъ, *на томъ положено уже опредѣленіе Божіе.* [1]) Всѣ событія, происхо-

---

[1]) מַה־שֶּׁהָיָה illud quod est,—*то, что есть* .... LXX: τὸ εἰ τι ἐγένετο, *аще что бысть, если что произошло.. тому уже наречено имя*, тому уже назначено чѣмъ быть и къ чему служить. Имя нарекается вещи, когда она является на свѣтъ. Свободныя дѣйствія людей (напр. разныя злоупотребленія, безпорядки и проч.) не предопредѣляются Богомъ; но за то, какъ скоро онѣ являются въ обществѣ, въ народѣ, Провидѣніе назначаетъ имъ служить средствомъ для достиженія нравственныхъ цѣлей, наприм. для вразумленія людей, для наказанія зла и проч. נִקְרָא שֵׁם въ значеніи опредѣленія см. Быт. 27, 36. Втор. 28, 10. Исаі. 40, 26. 43, 1. 45, 3. 4.

дящія въ исторіи народа, какъ благопріятныя, такъ и неблагопріятныя, совершаются по волѣ Бога Промыслителя. Хотя нѣкоторыя явленія въ жизни народовъ представляются исходящими изъ свободнаго произвола сильныхъ земли, изъ злоупотребленія властію правителей народныхъ, но они не могли бы существовать, если бы не были допущены божественнымъ Промыслѣніемъ, направляющимъ самыя народныя страданія и бѣдствія ко благу обществъ и частныхъ лицъ. Богъ искривляетъ пути людей (слч. 7, 13), оставляющихъ путь Господень и живущихъ по своей волѣ, для того, что бы ихъ вразумить и наставить на путь правый. Противъ такого опредѣленія человѣкъ, какъ ограниченное и слабое существо, какъ тварь итти не можетъ: *и извѣстно, что такое* (אֲשֶׁר הָיָה, LXX: καὶ ἐγνώσθη ὃ ἐστιν ἄνθρωπος) *человѣкъ, и что онъ не можетъ препираться съ Тѣмъ, кто сильнѣе его*, т. е. итти противъ Бога и Его опредѣленій (6, 10).

б) Хотя *много есть толковъ*[1]) *и только умножающихъ пустоту*,—разумѣются разные толки, распространяемые въ народѣ легкомысленными совѣтниками (слч. 10, 12—15), о настоящемъ положеніи вещей и о мѣрахъ къ улучшенію его (сн. ст. 12): но *какая отъ того выгода человѣку? Ибо кто знаетъ, что хорошо* (טוֹב) *для человѣка въ жизни*,—хорошо не на одинъ день, *а на всѣ дни суетной жизни его, которые, какъ тѣнь, проходятъ у него?* Не легко знать, что именно полезно для человѣка. Положимъ, кое-что по-нашему своей дѣй-

1) דְּבָרִים переводятъ res, разумѣя разные предметы, за которыми человѣкъ гонится, ища себѣ блага; но въ такомъ значеніи слово это (во множ. ч.) въ нашей книгѣ ни разу не встрѣчается. LXX переведутъ ст: ὅτι εἰσὶ λόγοι πολλοὶ πληθύνοντες ματαιότητα. דְּבָרִים לוֹגוֹת πολλοί означаетъ разные совѣты, предложенія; consilia, sententiae profusiae. Сравн. Іер 17, 6.

ствіямъ, или по первому взгляду, кажется полезнымъ для насъ; но будутъ ли эти дѣйствія таковыми во всю жизнь? Отъ ихъ пріятности, ощущаемой на первыхъ порахъ, не останется ли горечь на всѣ послѣдующіе дни? И чѣмъ, потомъ, всякое дѣйствіе человѣка отзовется въ памяти потомства послѣ него? А въ дѣлахъ общественныхъ надобно всегда разчитывать на то, какія послѣдствія могутъ произойти для будущихъ поколѣній изъ дѣйствій, нами совершаемыхъ. *Ктожъ скажетъ человѣку, что будетъ послѣ него подъ солнцемъ* (6, 11. 12)?

Много есть такого въ жизни, что по виду кажется намъ менѣе пріятнымъ или вовсе не пріятнымъ сравнительно съ другимъ ему противоположнымъ, и однакожъ это другое непріятное для насъ гораздо полезнѣе въ жизни того пріятнаго. Хорошо, напримѣръ, видѣть человѣка знатнаго и богатаго, умащающаго себя дорогими мастями; но гораздо лучше, когда человѣкъ пользуется добрымъ именемъ въ обществѣ, почетомъ и уваженіемъ, хотя бы и не показывалъ себя богатымъ. *Доброе имя лучше дорогой масти.* Радуются, когда родится человѣкъ; но еще не извѣстно, что изъ него будетъ въ жизни. Только въ день смерти открывается его истинное достоинство, когда безъ лести и лицепріятія произносятъ его имя съ уваженіемъ. Въ этомъ отношеніи *и день смерти лучше дня рожденія* (7, 1). Пріятно, конечно, бывать тамъ, гдѣ веселятся; но *полезнѣе ходить въ домъ, гдѣ плачутъ объ умершемъ, нежели въ тотъ домъ, гдѣ пируютъ; потому что тамъ увидишь, какой конецъ всякому человѣку и что каждый живущій долженъ имѣть въ своихъ мысляхъ* (7, 2). Пріятно, конечно, имѣть веселое расположеніе духа; но *унынiе полезнѣе, чѣмъ смѣхъ; потому что въ скорби сердце дѣлается лучше. Поэтому-то сердце мудрыхъ любитъ бывать въ домѣ, гдѣ плачутъ, а сердце глупыхъ—тамъ, гдѣ веселятся. Полезнѣе,* также, *слышать обличеніе отъ мудраго, нежели услаждать слухъ пѣснію глупыхъ; потому что смѣхъ глупыхъ*

тоже, что трескъ тернового хвороста подъ котломъ: такъ же онъ пустъ, какъ и этотъ (7, 3—6).—Такимъ образомъ, есть вещи, непріятныя по первому впечатлѣнію, которыя по своимъ послѣдствіямъ, по своему концу, бываютъ гораздо полезнѣе для нашей жизни пріятнѣйшихъ по своему виду. Такъ надобно судить и о неблагопріятныхъ обстоятельствахъ въ судьбѣ народа, какъ и каждаго человѣка, допускаемыхъ Богомъ съ особенною, полезною для насъ цѣлью.

в) *Конечно* (כִּי sane, profecto, ja, 4, 16. Iов. 8, 5. Ew. Gram. § 330, Ausg. 8), *притѣсненіе отъиметъ смыслъ и у мудраго и можетъ истощить терпѣніе* (7, 7) [1]). Разумѣется притѣсненіе, о которомъ говорено было выше (4, 1. 5, 7),—чинимое въ областяхъ народу его правителями. Но надобно думать, что это

---

[1]) הַעֹשֶׁק יְהוֹלֵל חָכָם וַיְאַבֵּר אֵת לֵב מַתָּנָה LXX перевели: ἡ συκοφαντία *(ябеда, ложный доводъ, оговоръ)* περιφέρει σοφὸν, καὶ ἀπολλύει τὴν καρδίαν εὐτονίας αὐτοῦ; Вульгата: Calumnia conturbat sapientem et perdet robur cordis ejus· *Оговоръ возмущаетъ мудраго и погубитъ силу сердца его.*—עשק встрѣчается въ 4, 1 и 5, 7 гдѣ говорится о *притѣсненіи* бѣднаго народа, чинившемся въ областяхъ. О немъ и здѣсь говорится. הלל въ ф. Poël знач. wankend machen, beirren, irre machen, съ долку, сбивать, отнимать смыслъ, stultum reddere (Исх 23, 8. Iов 12, 17 Исаі. 44, 25). אבר, въ ф. Piel, verloren geben, perire fecit, occidit, exstirpavit (v. Lexic).—מתנה εὐτονία, tolerantia, patientia; по замѣчанію *Шлейснера*, LXX производили это слово не отъ נתן (откуда въ русск. перев. вышелъ *подарокъ*), а отъ מתן, которое въ арабск. значитъ firmus, validus fuit (Nov. Thesaur. philolog. crit. V. T. P. II, p. 575). Отъ מתן встрѣч. производное מתנים (только въ двойств. מתנים) чресла (3 Цар. 12, 10. Iов. 40, 16. Iезек. 47, 4), какъ мѣсто дѣлесной крѣпости (Втор. 33, 11. Iез. 21, 11), какъ мѣсто, гдѣ полагается поясъ (Ис. 45, 1. 4 Ц. 4, 29), вооруженіе (3 Ц. 18, 46), по метоним значитъ *сила* (Пс. 69, 24). Близко къ этому корню Вульгата переводитъ: et perdet *robur* cordis ejus.—Так. обр. цѣлый стихъ можетъ быть переведенъ такъ. *притѣсненіе отниметъ смыслъ и у мудраго и можетъ истощить терпѣніе.* Этотъ переводъ 7 ст., приближающійся къ LXX и Вульгатѣ, согласенъ и съ контекстомъ рѣчи

*

бѣдствіе допущено Богомъ съ особенною цѣлію; а потому надобно съ терпѣніемъ выжидать конца, къ которому приведутъ совершившіяся печальныя событія. *Послѣдствія лучше покажутъ дѣло, чѣмъ начало его; терпѣливый лучше надменнаго. Поэтому, не спѣши въ духѣ твоемъ раздражаться*, когда видишь происходящія въ обществѣ злоупотребленія и безпорядки, *потому что раздражительность свойственна только глупымъ* — не благоразумнымъ (7, 8. 9).

Сравнивая настоящее положеніе вещей съ минувшимъ, когда Іуда и Израиль жили спокойно, каждый подъ виноградникомъ своимъ и подъ смоковницею своею, въ народѣ говорили, что прежніе дни были лучше (טוֹבִים) нынѣшнихъ, и недоумѣвали, какъ все измѣнилось. Такой мысли не скажетъ, конечно, мудрый, понимающій, въ чемъ состоитъ истинное благо (טוֹב), знающій, что хорошо для человѣка во всѣ дни жизни его. *Не говори*, продолжаетъ Соломонъ, *что значитъ, что прежніе дни* (יָמִים) *были лучше нынѣшнихъ* (אֵלֶּה hisce)? *Подлинно* (כִּי *Ewald* Lehrbuch d. hebräisch. Sprache § 330), *не отъ мудрости спрашиваешь ты объ этомъ* (10). Чтобы жить счастливо, требуется не обиліе серебра, вообще всякаго богатства и имущества, которыми Израиль обладалъ въ прежніе дни, но требуется *мудрость, которая также есть благо для живущихъ подъ солнцемъ, какъ и*[1]) *родовое наслѣдіе*

---

1) Ст. 11: *Хороша* (טוֹבָה благо) *мудрость какъ и* (עִם) *родовое наслѣдіе* (נַחֲלָה). עִם здѣсь частица сравненія, уподобленія, sicut, aeque ac,—*такъ же, какъ*. Ср. 2, 16· *мудраго не будутъ помнить, какъ и* (עִם) *глупаго, и—увы! мудрый умираетъ такъ же, какъ и* (עִם) *глупый*. Іов. 40, 15: *вотъ гипоппотамъ, котораго я создалъ какъ и* (עִמָּךְ) *тебя*. Под. Іов. 9, 26. Пс. 73, 25. 143, 7.— נַחֲלָה употребляется о *полѣ*, назначенномъ для каждаго колѣна въ св. землѣ, Числ. 18, 23. 26, 62 27, 7. Іис. 13, 23., и о *цѣлой землѣ*, данной Израилю, Второз. 4, 24; также о наслѣдствѣ полученномъ отъ родителей, 3 Цар. 21, 3. 4, Притч. 19, 24.

(נְחֻלָּה), служащее средствомъ къ обезпеченію каждаго; *потому что подъ сѣнію ея тоже, что подъ сѣнію серебра; знаніе даже полезнѣе* (יִתְרוֹן); *потому что мудрость оживляетъ* (LXX ζωοποιήσει [1]) *обладающихъ ею*, доставляя имъ умѣнье довольствоваться своимъ жребіемъ,—въ самомъ маломъ находить все потребное для жизни,—примиряться со всѣми внѣшними непріятностями,—видѣть во всѣхъ событіяхъ, общественныхъ и частныхъ, благопріятныхъ и неблагопріятныхъ, дѣйствія одного и того же верховнаго Промыслителя, направляющаго все къ благой цѣли своей (11. 12). Итакъ, не увлекайся своими умствованіями, *а всматривайся въ дѣйствованіе Бога; ибо кто можетъ выпрямить то, что Онъ искривилъ?* т. е. кто можетъ восполнить и исправить несовершенства и недостатки, которые Онъ допустилъ въ человѣческой жизни (сравн. 1, 15)? *Во дни благополучія*, въ счастливыя времена, *пользуйся благомъ, а въ дни бѣдствія будь осмотрителенъ; и эти, какъ и тѣ, посылаетъ Богъ для того, чтобы человѣкъ не постигалъ ничего послѣ себя* [1], т. е. оставаясь въ неизвѣстности относительно будущаго, признавалъ безусловную зависимость свою отъ Бога (13. 14). Стало быть, надобно безмолвно покориться неблагопріятно сложившимся обстоятельствамъ и спокойно, руководясь благоразуміемъ, выжидать исхода изъ нихъ, какой будетъ показанъ наблюдаю-

---

[1]) Сравн. Притч. 3, 18: *мудрость—древо жизни для тѣхъ, которые пріобрѣтаютъ ее,—и блаженны, которые сохраняютъ ее.*

[1]) Ст. 14: לֹא יִמְצָא הָאָדָם אַחֲרָיו מְאוּמָה... Слово въ слово: *чтобы не постигалъ* (מָצָא cogitando invenit, assecutus est 3, 11. 7, 24. 8, 17) *человѣкъ послѣ себя* (אַחֲרָיו) *ничего* (מְאוּמָה=מָה וּמָה quidquid). Сходн. по мысли и построенію рѣчи 6, 12. *кто покажетъ человѣку* (לָאָדָם), *что будетъ послѣ него* (אַחֲרָיו) *подъ солнцемъ?* Съ буквальною точностію перевели LXX: ἵνα μὴ εὕρῃ ἄνθρωπος ὀπίσω αὐτοῦ μηδέν. Русскій переводъ держался Вульгаты.

щимъ надъ дѣлами человѣческими божественнымъ Провидѣніемъ.

г) Между тѣмъ, были въ то время, какъ бываютъ часто въ обществахъ человѣческихъ при подобныхъ обстоятельствахъ, строгіе ревнители правды, которые по благочестивому настроенію своему, не вынося видимыхъ злоупотребленій и усилившагося нечестія, выступали съ суровымъ обличеніемъ противъ всѣхъ, кого считали виновниками общаго нестроенія, думая тѣмъ исправить общественное зло [1]). Простирая свою ревность до безщаднаго ригоризма, до забвенія свойственныхъ человѣческой природѣ несовершенствъ и недостатковъ, эти люди способны только раздражать народныя страсти, не успокоивая общественнаго волненія, а въ концѣ концовъ возбуждаютъ противъ себя ненависть, презрѣніе и часто преслѣдованія, не исправляя зла, которое въ суровыхъ и чуждыхъ всякой снисходительности обличеніяхъ получаетъ только энергію стоять за себя и ожесточаться. Строгіе и неумѣренные ревнители правды, поэтому, бываютъ часто несчастными жертвами своей излишней правдивости. Это самое имѣетъ въ виду Соломонъ, когда говоритъ: *Всего навидѣлся я въ суетные дни мои: бываетъ праведникъ, который гибнетъ чрезъ правдивость свою; и бываетъ нечестивый, который закоснѣваетъ* [2]) *въ нечестіи своемъ* (15). *Не будь чрезъ-мѣру прав-*

---

[1]) На это Соломонъ намѣкаетъ въ 13 ст: *ибо кто можетъ выпрямить то, что Онъ сдѣлалъ кривымъ?*

[2]) מַאֲרִיךְ переводятъ: *живетъ долго.* Но такое значеніе этотъ глаголъ имѣетъ тогда, когда при немъ стоитъ ימי (3 Цар. 3, 14. Второз. 4, 26. 40. 5, 30. 17, 20. 22, 7. Ис. 53, 10. Исх. 20, 12. Второз. 5, 16. 6, 2. 25, 15). Здѣсь это значеніе не примѣнимо потому уже, что далѣе говорится нечестивому: *зачѣмъ тебѣ умирать не въ свое время?* Точно также въ 8, 12: מַאֲרִיךְ לוֹ разумѣется не о продолженіи жизни нечестиваго, ибо въ 13 ст. прямо говорится,

дивъ [1]), чтобы забывать человѣческія слабости и несовершенства, *и не воображай себя слишкомъ мудрымъ*, чтобы разсчитывать на вѣрный успѣхъ своихъ строгихъ требованій и обличеній: *зачѣмъ тебѣ губить себя* (16)? [2]) Но и *не закосньвай въ нечестіи, и не будь безуменъ*, чтобы до самоистощанія предаваться своимъ страстямъ, ради удовлетворенія имъ позволяя себѣ всякія несправедливости, обиды и притѣсненія другихъ: *зачѣмъ тебѣ доводить себя до преждевременной смерти* (17)? *Благо тебѣ, если будешь держаться по-*

что *не долго продержится тотъ, кто не благоволитъ предъ Богомъ*. Послѣднее выраженіе (8, 12) хорошо переведено въ русскомъ *косньетъ въ немъ*, т. е. злѣ. Это же значеніе מַאֲרִיךְ имѣетъ и здѣсь: אֹרֶךְ знач. вообще longitudinem rei или temporis; въ первомъ случаѣ, прилагаясь къ нравствен. предметамъ, означаетъ durationem mogalem, нравственное *отверденіе, окрьпленіе, ожестньніе, закоснѣлое*. Это значеніе выражаетъ и греческій переводъ (LXX): καὶ ἔστιν ἀσεβὴς μένων ἐν κακίᾳ αὐτοῦ. *Праведникъ гибнетъ* (терпитъ ненависть, презрѣніе, гоненія, бѣдствія, даже смерть) *чрезъ праведность свою; жестьвый ожестьваетъ, закосньвать въ нечестіи своемъ.*

[1]) צַדִּיק, также какъ δίκαιος и justus, значитъ—*праведный, справедливый, правдивый, правдолюбивый* (v. Lexic.)

[2]) שָׁמֵם (תִּשְׁתּוֹמֵם Hithp. вм. תִּשְׁתֹּמֵם) *изумляться, оцьпенѣвать отъ изумленія, приходить въ ужасъ, опустѣвать*,—означаетъ, по изъясненію *Штокія*, вообще mutationem aliquam insignem sive animi, sive alius rei, et carentia ejus, quod ornatui, decori et bono est; въ ф. Hithp. знач. *доводить себя до изумленія, до изступленія, приходить въ отчаяніе, унывать*. Греческ. (LXX): μήποτε ἐκπλαγῇς (ὅτε ἐκπλήσσω, perculio, obstupefatio, admiror) Шлейснеръ переводитъ: ne forte obstupescas,—весьма близко къ еврейскому.—Всѣ эти выраженія,—и подлиннаго текста и переводовъ,—въ разсматриваемомъ нами мѣстѣ означаютъ состояніе (болѣе психическое, чѣмъ физическое) строгаго до фанатизма ревнителя правды, не только не достигшаго своей цѣли, но и навлекшаго противъ себя непріязнь, преслѣдованіе и проч.—לָמָּה תִּשּׁוֹמֵם *зачѣмъ тебѣ доводить себя до этого состоянія?* Въ русскомъ трудно подобрать слово, которымъ бы можно было означить это состояніе. Потому, остаемся при общемъ выраженіи русск. перевода: *зачѣмъ тебѣ губить себя?*

слѣдняго совѣта и не оставишь перваго: кто боится Бога, т. е. истинно мудрый (ср. Притч. 1, 7), *тотъ избѣжитъ всего того*, т. е. онъ не будетъ самъ предаваться нечестію и не будетъ чрезъ мѣру строгъ къ другимъ, предающимся ему (18). Такой хорошо знаетъ, что если можно имѣть какой успѣхъ въ исправленіи другихъ, особенно такихъ лицъ, которые заправляютъ обществомъ; то не иначе, какъ относясь къ нимъ съ должнымъ благоразуміемъ, мудростію. *Мудрость* только *даетъ такое искуство*, что обладающій ею—*мудрый бываетъ сильнѣе десяти властителей, которые въ городѣ* (19).

Вмѣстѣ съ обличеніями людей правдивыхъ, ходили въ народѣ разсѣваемые людьми легкомысленными разные толки и пересуды касательно жизни и поведенія какъ самаго Соломона, такъ и народныхъ правителей, и, при общемъ недовольствѣ правленіемъ, подрывали въ народѣ уваженіе къ царю и возбуждали его противъ него. Противъ людскихъ пересудовъ самымъ лучшимъ средствомъ, ослабляющимъ ихъ дѣйствіе, считается приведеніе на память, что нѣтъ на свѣтѣ человѣка безгрѣшнаго и что, поэтому, всякій, и тотъ, кто пересуждаетъ другаго, можетъ самъ прежде всего отъ своего же раба подвергнуться злорѣчію. *Нѣтъ*, говоритъ Соломонъ, *такого праведника на землѣ, который дѣлалъ бы добро и не грѣшилъ бы. Поэтому, не на все, что говорятъ* (о другомъ), *обращай вниманіе чтобъ не услышать тебѣ когда нибудь, что твой рабъ злословитъ тебя; ибо совѣсть твоя помнитъ много случаевъ, когда и самъ ты злословилъ другихъ* (20—22). Подобное злорѣчіе пришлось Соломону испытать особенно отъ своего раба—Іеровоама.

д) Вотъ совѣты, какъ смотрѣть на настоящее положеніе вещей и какъ вести себя среди броженія умовъ въ современномъ обществѣ. Сущность ихъ заключается въ простомъ пра-

вилѣ: *будь мудръ, руководствуйся мудростію*, чтобы найтись, какъ держать себя и какъ поступать при настоящемъ положеніи общественныхъ дѣлъ. Но почему жъ самъ Соломонъ не руководствовался этимъ правиломъ, когда онъ, какъ царь, могъ бы мудростію своею предотвратить открывшіеся въ его царствѣ безпорядки и не допустить своихъ подданныхъ до настоящаго бѣдственнаго положенія? Этотъ вопросъ могъ быть предложенъ теперь царю, на котораго главнымъ образомъ слагали отвѣтственность за всѣ бѣдствія, испытываемыя народомъ. Въ виду такого возраженія, Соломонъ даетъ на него объясненіе, открыто исповѣдуя предъ народомъ то, что съ нимъ случилось. *Все это*, говоритъ, т. е. все, что высказалъ выше, *было извѣстно мнѣ. Я говорилъ себѣ: буду мудрымъ, буду руководствоваться мудростію, но мудрость оставила меня. Далеко стало то, что было, и глубоко-глубоко: кто можетъ постигнуть его* (23. 24)?

Какая жъ тому причина? почему мудрость оставила Соломона, мудрость, которой онъ просилъ отъ Бога, чтобы судить народъ и различать, что добро и что зло (3 Цар. 3, 9), и которая дана была ему въ такой степени, въ какой ничто не имѣлъ ее ни прежде, ни послѣ него (ст. 12)? На этотъ вопросъ Соломонъ даетъ отвѣтъ не прямой, но косвенный, указывая общій источникъ (הַסִּבָּה причину) неразумія, существующаго между людьми. *Обратилъ я*, говоритъ Соломонъ, *свое вниманіе на то, что бы познать, изслѣдовать и понять мудрость и разумъ*, также и на то, *чтобы познать нечестіе глупости и безразсудство безумія*, т. е. выяснить себѣ, какъ эти качества являются въ человѣческой жизни и дѣятельности, въ какомъ отношеніи они находятся между собою, что ихъ поддерживаетъ и ослабляетъ и проч. И что-же нашелъ?—*Нашелъ, что горче смерти женщина, потому что она сѣть, и сердце ея—силки, руки ея—оковы; добрый*

предъ Богомъ спасется отъ нея, а грѣшникъ уловленъ будетъ ею. Замѣть (ראה), прибавляетъ Соломонъ, *это я нашелъ, сообразивъ одно съ другимъ, чтобы постигнуть причину* (למצא חשבון)—разумѣется—того нравственнаго строя въ обществахъ человѣческихъ, въ которомъ видимо отличаются дѣйствія людей мудрыя и глупыя, разумныя и безчестныя. Въ этомъ объясненіи своемъ Соломонъ намекомъ указываетъ на то, что видѣли и осуждали въ немъ всѣ,—на безумную страсть свою къ женщинамъ, которая была главною причиною удаленія отъ него мудрости и допущенія безпорядковъ въ управленіи, отъ коихъ страдали его подданные. Но выраженіемъ—*замѣть* (ראה) Соломонъ хочетъ обратить вниманіе своихъ слушателей на то, что не онъ одинъ подвергся пагубному вліянію женскаго пола, произведшему столько зла въ его правленіи. Онъ хочетъ сказать, что женщина есть первая виновница всѣхъ бѣдствій въ человѣческомъ родѣ, склонившая своего мужа къ отступленію отъ заповѣди Божіей,—первая виновница человѣческаго безумія. Онъ хочетъ, далѣе, сказать, что и теперь въ современномъ обществѣ она имѣетъ пагубное вліяніе на мущинъ. Изъ многихъ мѣстъ книги Притчей (2, 16. 17. 5, 3. 6, 24. 25. 7, 5—22. 12, 4. 22, 14. 23, 27. 7, 7. 22. также 31, 10—31) должно заключать, что женщина во время Соломона была общественною язвою, производившею безчисленныя нравственныя и политическія болѣзни въ народѣ. Поэтому, далѣе говоритъ Соломонъ: *чего еще искала душа моя и я не нашелъ? Мущину одного изъ тысячи я нашелъ, а женщины между всѣми ими я не нашелъ*, т. е. такой женщины, которая шла бы прямою своею дорогою, назначенною Творцемъ, и, чуждаясь суетности, руководилась бы въ своей жизни благоразуміемъ. *Одно* (לבד solus, a, um, Быт. 2, 18. Числ., 11, 14), *замѣть это* (ראה—זה), *нашелъ я, что Богъ сотворилъ человѣка правымъ, а они пустились на многіе вы-*

мыслы (23—29). Женщина первая вняла безумному совѣту искусителя и, будучи очарована обольстительными представленіями его, вдалась въ разныя мечты и сошла съ прямаго пути благоразумія, на которомъ поставилъ ее Творецъ; она увлекла за собою мужа; за ними потомъ идутъ всѣ люди, предавшись разнымъ помысламъ и пустившись на всякія выдумки. Въ этомъ и причина, почему отъ людей и отъ меня отступила мудрость, почему въ жизни своей, въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ и общественныхъ дѣлахъ, люди руководствуются не мудростію, а своими страстями и разными мудрованіями. Въ этомъ же и корень всего зла и всѣхъ бѣдствій подъ солнцемъ, въ обществахъ человѣческихъ. *Замѣть это*: дважды повторивъ это выраженіе (ст. 27 и 29), Соломонъ хотѣлъ указать на особенное значеніе въ его разсужденіи высказанныхъ здѣсь замѣчаній. Видно, что Соломонъ хотѣлъ этими замѣчаніями ослабить тяжелый укоръ въ общественныхъ безпорядкахъ, дѣлаемый ему поддапными его, и сказать имъ, что вина происходящаго въ народѣ нестроенія столько же падаетъ на него, сколько и на всѣхъ, такъ какъ всѣ причастны общему поврежденію человѣческой природы, наслѣдованному отъ прародителей, и всѣ живутъ и дѣйствуютъ не по внушенію мудрости, а по влеченію своихъ страстей, *помысловъ многихъ*.

е) Однакожъ, исповѣдь Соломона въ погрѣшностяхъ прошлой жизни (въ страсти къ женщинамъ), хотя и намекомъ только высказанная, могла возбуждать въ подданныхъ неуваженіе къ царю и пренебреженіе къ царскимъ его повелѣніямъ. Соломонъ обращаетъ читателя къ той же мудрости, руководство которой въ практической жизни рекомендовалъ выше. *Кто сравнится съ мудрымъ?*—говоритъ онъ. *Мудрый понимаетъ значеніе слова*, смыслъ того, что говорилъ Соломонъ о себѣ и о всѣхъ людяхъ. *Мудрость человѣка просвѣт-*

ляетъ лицо его, и суровый видъ его измѣняется. Я... повелѣніе царское исполняй, по крайней мѣрѣ ради клятвы Божіей [1]) (хотя бы видѣлъ слабости и пороки его). *Не отказывай ему въ вѣрности и повиновеніи,* [2]), *и не стой въ дурномъ замыслѣ противъ него* [3]), *потому что онъ, что захочетъ, все можетъ сдѣлать: Гдѣ слово царя, тамъ власть, и кто скажетъ ему: что ты дѣлаешь?* т. е. никто не вправѣ указывать ему или требовать отъ него отчета (8, 1—4). *Кто помнитъ* [4]) *заповѣдь*—разумѣется о повиновеніи царской власти,—*тотъ не знаетъ дурнаго замысла*, т. е. не будетъ участвовать въ какомъ-либо заговорѣ противъ царя, не пойдетъ на дурное дѣло; *мудрый знаетъ, что всякому дѣйствію есть свое время и* надъ всякимъ дѣй-

---

1) שְׁבוּעַת אֱלֹהִים тоже что: שְׁבוּעַת יְהוָה *клятва предъ Богомъ, клятва именемъ Божіимъ, съ призываніемъ Бога, во свидѣтели*, 3 Цар. 2, 43. 2 Цар. 21, 7 Исх. 22, 10 Изъ 4 Цар. 11, 17 можно заключать, что у евреевъ при воцареніи совершалось нѣчто въ родѣ присяги *и заключилъ Іодай* (священникъ) *завѣтъ между Господомъ и между царемъ* (вновь поставленнымъ Іоасомъ) *и народомъ*... О заключеніи завѣта предъ Господомъ между Давидомъ и старѣйшинами Израиля въ Хевронѣ говорится въ 2 Ц. 5, 3 Здѣсь подъ *клятвою Божіею* можно разумѣть также клятву, которою *клялся Господь Давиду* (נִשְׁבַּע יְהוָה לְדָוִיד) сохранить за его родомъ наслѣдіе престола (Пс 131, 11) Соломонъ молитъ своихъ подданныхъ быть вѣрными ему ради этого обѣтованія Божія.

2) אַל־תִּבָּהֵל מִפָּנָיו תֵּלֵךְ ne praecipites te, a facie ejus abeas, i e. ne temere te ejus imperio subtrahas, ne fidem et obsequium ei praestitum debitumque deferras (Rosenmuller ad h l).

3) אַל־תַּעֲמֹד בְּדָבָר רָע. LXX. μὴ σῇς ἐν λόγῳ πονηρῷ. דָּבָר въ значеніи *тайнаго замысла, заговора противъ кого*, встрѣчается въ 2 Цар. 17 6, сл. 1 и 7. Изъ настоящаго мѣста видно, что заговоръ противъ Соломона еще продолжался и по удаленіи Іеровоама въ Египетъ. עָמַד *стоять* (упорно) въ чемъ,—in fide 2 Пар. 10, 9. in peccato—съ ב Пс 1, 1. Еккл. 8, 3. Ос. 10, 9.

4) שֹׁמֵר מִצְוָה ὁ φυλάσσων ἐντολήν,—не просто исполнять заповѣдь, но имѣть уваженіе къ заповѣди. שָׁמַר *хранить, сохранять, содержать въ памяти, соблюдать, почитать*;

ствіемъ есть *судъ*. То есть: если есть что въ царѣ и его правленіи требующее исправленія, то въ свое время и будетъ исправлено; но возмущеніе противъ царя, какъ дѣйствіе не благовременное и не благоразумное, подвергнется суду и его послѣдствіямъ—наказанію. *Подлинно* (2), *великое зло человѣку*, разумѣется—неблагоразумному, *отъ того, что онъ не знаетъ, что будетъ, и какъ будетъ—никто не можетъ сказать ему*, т. е. не знаетъ, къ чему приведетъ то или другое предпріятіе, имъ затѣваемое, особенно такое, какъ возмущеніе противъ царя. Но должно быть всякому извѣстно, что какъ *никто не силенъ надъ вѣтромъ, чтобы удержать его*, какъ *никто не властенъ надъ днемъ смерти, чтобъ отсрочить его*, какъ *нѣтъ никому отпуска съ поля сраженія*, такъ *нечестіе* (разумѣется, участности, нечестивое дѣло противъ царя) *не спасетъ того, кто предался ему*, т. е. виновниковъ возмущенія противъ царя, не покорныхъ ему постигнетъ казнь, закономъ опредѣленная (5—8).

4. Мысль предшествующаго отдѣла та, что на происшедшее въ государствѣ разстройство надобно смотрѣть какъ на дѣло, исходящее отъ самаго Бога или допущенное Богомъ (*дѣйствованіе Божіе* 7, 13). Поэтому, руководствуясь благоразуміемъ въ дѣлахъ общественныхъ, должно покоряться безусловно царю и установленному порядку. При такомъ взглядѣ на положеніе вещей, читателю или слушателю, естественно, приходитъ на мысль: какъ же согласить съ Божественнымъ міроправленіемъ то, что Богъ допускаетъ человѣку властвовать надъ человѣкомъ во вредъ ему? Съ допущеніемъ такого владычества, не избѣжно долженъ извратиться въ обществѣ нравственный порядокъ: нечестіе, видя торжество свое, усилится; а люди честные и праведные будутъ страдать отъ него. Въ такомъ случаѣ счастіе, обѣщаемое людямъ добрымъ, угоднымъ предъ лицемъ Божіимъ (2, 26), едвали возможно для нихъ. Разрѣшая эти недоумѣнія, Соломонъ въ 8, 9—9,

10 представляетъ, что торжество нечестивыхъ допускается только на время, что рано или поздо праведные и нечестивые получатъ заслуженное возмездіе (8, 9—13); а если праведныхъ постигаетъ иногда участь, какой заслуживали бы нечестивые по своимъ дѣламъ, то такого явленія никто объяснить не можетъ, какъ и вообще всякаго дѣйствія въ Божественномъ мірозправленіи (14—9, 2); но какова бы ни была внѣшняя судьба праведныхъ, находящаяся въ рукѣ Божіей, и, вообще, какъ бы ни казалась прискорбною жизнь людей на свѣтѣ, это обстоятельство, пока человѣкъ живъ, не препятствуетъ ему пользоваться тѣмъ благомъ, какое даетъ Богъ угодному предъ лицемъ Его (3—10).

а) *Разсматривая все, что дѣлается подъ солнцемъ, я*, говоритъ Соломонъ, *видѣлъ, что бываетъ время, когда человѣкъ властвуетъ надъ человѣкомъ во вредъ ему* (לְרַע לוֹ in malum ei). Разумѣются народные правители, которые или безпечно ведутъ дѣла своего правленія или прямо злоупотребляютъ своею властію, дѣлая народу ради своихъ выгодъ всякія притѣсненія, не наблюдая въ судѣ справедливости и пр. Общество, подъ управленіемъ такихъ властей, до того иногда извращается, что теряетъ истинное понятіе о нравственномъ достоинствѣ людей. *И тогда*, продолжаетъ Соломонъ, *видѣлъ я нечестивыхъ съ честію предаваемыхъ погребенію; а поступавшіе честно* (אֲשֶׁר כֵּן־עָשׂוּ qui recte fecerunt) *приходили и отходили отъ святаго мѣста* [1]) *и были забываемы въ городѣ.*

---

1) Ст. 10. מְקוֹם־קָדוֹשׁ locus sanctitatis (מְקוֹם = חַמִּשְׁפָּט locus judicii 3, 16) разумѣется или престолъ царскій или трибуналъ: то и другое считалось священнымъ, поелику цари и начальники заступали мѣсто самаго Бога на землѣ. Ср. Исх. 21, 6. Второз. 29, 17. 2 Пар. 19, 6.—Соломонъ изображаетъ, какое вниманіе правителямъ нечестивымъ и честнымъ оказываютъ сами люди, когда владычествуетъ надъ ними тиранъ,

Но *это ничего не значитъ* (הבל). *Поелику не скоро совершается судъ* (פתגם decretum *опредѣленное*—то, что назначено у Бога) *надъ худымъ дѣломъ; то и не страшится сердце сыновъ человѣческихъ дѣлать зло. Но я знаю, что, хотя бы грѣшникъ сто разъ дѣлалъ зло и закосневалъ въ немъ, благо будетъ боящимся Бога, которые благоговѣютъ предъ лицемъ Его, а нечестивому не будетъ добра, и, подобно тѣни, не долго продержится тотъ, кто не боится Бога* (9—13). Стало быть, если допускается нечестивому тирану властовать надъ людьми во вредъ имъ, и вообще—нечестивымъ торжествовать надъ праведными, то допускается это только на время.

б) Однакожъ, вопреки этому общему порядку божественнаго мироправленія, бываютъ случаи, что праведныхъ и нечестивыхъ постигаетъ въ жизни судьба совершенно не соотвѣтствующая нравственному достоинству ихъ. *Бываетъ*, говоритъ Соломонъ, *и такая странность на землѣ, что праведниковъ постигаетъ то, чего заслуживали бы дѣла нечестивыхъ, а съ нечестивыми происходитъ то, чего заслуживаютъ дѣла праведниковъ* (14). Какъ согласить такія явленія съ правдою Божіею? Какъ согласить ихъ и съ тѣмъ ученіемъ о счастіи, которое проповѣдуетъ, что истиннымъ благомъ пользуется тотъ, кто угоденъ предъ лицемъ Божіимъ (2, 26)? На эти вопросы Соломонъ отвѣчаетъ такъ. То обстоятельство, что праведныхъ иногда постигаетъ въ жизни такая судьба, какой заслуживали бы дѣла нечестивыхъ, нисколько не препятствуетъ имъ пользоваться тѣмъ благомъ, какое онъ проповѣдуетъ, потому что *пить и пить и сохранять благодушіе, спокойное и бодрое настроеніе духа,—есть такое благо, которое можетъ сопровождать человѣка, оставаться при немъ въ трудахъ его, во всѣ даруемые ему отъ Бога дни жизни*, какія бы превратности внѣшней судьбы ни постигали его (15). Что же касается самой этой судьбы, постигающей праведниковъ, то

напрасны были бы всѣ усилія разгадать ее, такъ какъ вообще для человѣка не постижимо всякое дѣйствіе въ Божественномъ міроправленіи. *Когда*, говоритъ Соломонъ, *приложилъ я умъ свой къ тому, что бы познать мудрость и видѣть эту мучительную заботу* (הָעִנְיָן), *отъ которой люди ни днемъ ни ночью не знаютъ сна* (сн. 3, 10. 2, 23); *тогда увидѣлъ я, что человѣкъ не можетъ постигнуть ни одного изъ дѣйствій Божіихъ въ управленіи вселенною* (сн. 3, 11). *Сколько бы ни трудился человѣкъ въ изслѣдованіи, ничего не успѣетъ; и если бы какой мудрецъ сказалъ, что познаетъ, не можетъ постигнуть* (16. 17) *Когда*, продолжаетъ Соломонъ, *все это приложилъ я къ сердцу моему, тогда сердце мое увидѣло* [1]) *все это и*, между прочимъ, то, *что* (אֲשֶׁר) *праведные и мудрые и дѣянія* [2]) *ихъ въ рукѣ Божіей. Никто изъ людей не можетъ объяснить какъ благоволенія Божія, такъ и не благоволенія*, т. е. такой или иной судьбы, посылаемой людямъ отъ Бога. *Все предъ ними сокрыто* [3]); *потому что*

---

[1]) 9, 1. Вмѣсто וְלִבִּי רָאָה כָּל־זֹה LXX читали וְלָבוּר אֶת־כָּל־זֹה (ר вм. ו въ первомъ словѣ, ה вмѣсто ת во второмъ словѣ,—буквы сходныя по начертанію, присоединяя букву ר отъ перваго слова ко второму) и перевели καὶ καρδία μοῦ σύμπαν εἶδε τοῦτο. Послѣднее чтеніе болѣе согласно съ теченіемъ рѣчи, первое представляетъ не преодолимыя затрудненія для экзегетовъ.—אֲשֶׁר, послѣ глаголовъ *видѣть, слышать, знать* (Исх. 11, 7), *находить* (Еккл. 7, 29) и др., значитъ *что* (союзъ).

[2]) עֲבָדֵיהֶם LXX ἐργασίαι αὐτῶν, Vulg opera ipsorum, въ томъ же значеніи у Іова 34, 25 מַעֲבָדֵיהֶם *дѣла ихъ*. Въ рукѣ Божіей בְּיַד הָאֱלֹהִים не только подъ Его покровительствомъ (Второз. 33, 3. Ис. 62, 3), но и въ Его власти (Пс. 31, 16 95, 4. Притч. 21, 1).

[3]) 9, 1 въ евр. оканчивается הַכֹּל לִפְנֵיהֶם *все предъ лицемъ ихъ*, или *все предъ ними*.—Мысль очевидно не окончена. Слѣдующій (2) стихъ начинается словами הַכֹּל כַּאֲשֶׁר לַכֹּל omnia sicut omnibus, *все какъ всему*. Мысль не ясная. LXX соединяли эти выраженія въ одно предложеніе и перевели: τὰ πάντα πρὸ προσώπου αὐτῶν ματαιότης ἐν τοῖς πᾶσι. Очевидно, вмѣсто втораго הַכֹּל LXX читали חֶבֶל (ב вм. כ сходнаго по начертанію) съ присоединеніемъ его къ предыдущему, предложеніе получается полное: *все предъ*

всѣмъ исходъ одинъ (смерть): *праведному и нечестивому, доброму и злому, чистому и нечистому, приносящему жертву и не приносящему жертвы, какъ добродѣтельному, такъ и грѣшнику, какъ клянущемуся, такъ и боящемуся клятвы* (9, 1. 2).

в) Но такая участь, постигающая безъ различія всѣхъ людей, при непостижимости божественныхъ судебъ, препятствуетъ ли человѣку наслаждаться благомъ жизни?—Конечно, *то, что исходъ одинъ для всѣхъ, отравляетъ горечью* (רַע) [1]) *все, что дѣлается подъ солн-*

ними мракъ непроницаемый. Мысль согласная съ контекстомъ рѣчи. Такъ же читалъ это мѣсто Симмахъ. τὰ πάντα ἔμπροσθεν αὐτοῦ ἄδηλα, *все предъ нимъ сокрыто*. Но напрасно LXX присоединили къ этому же предложенію и послѣдующія слова еврейскаго текста כַּאֲשֶׁר לַכֹּל, которыя они перевели: ἐν τοῖς πᾶσι; неправильно также и масореты эти слова соединили съ предшествующимъ הַכֹּל (вм. הֶבֶל) въ одно предложеніе. Неправильность соединенія въ греческ. текстѣ обличается страннымъ плеоназмомъ, изъ него происходящимъ: *все предъ нимъ* ματαιότης *во всемъ* (ἐν τοῖς πᾶσι); очевидно, ἐν τοῖς πᾶσι лишнее въ этомъ предложеніи и сюда нейдетъ. Неправильность масоретской пунктаціи обличается темнотою смысла, какой она даетъ, или правильнѣе сказать, она не даетъ никакого смысла. Такимъ образомъ, въ текстѣ все придетъ въ свой порядокъ и получитъ правильный и ясный смыслъ, если 1) вмѣсто втораго הַכֹּל будемъ читать הֶבֶל согласно съ LXX, Симмахомъ и потомъ сирскимъ Пешито (см. Animadversiones criticae in versionem Peschitthonianam libr. Kohelets et Ruth, *Georg Ianichs*, p. 12), 2) הֶבֶל отнесемъ къ предыдущему, а не къ послѣдующему предложенію, и 3) съ כַּאֲשֶׁר начнемъ слѣдующее предложеніе. Тогда переводъ еврейской рѣчи будетъ такой *все предъ ними мракъ* или *сокрыто, поелику* (כַּאֲשֶׁר quia, quod, v. Thesaur. phil. crit. p. 650) *всѣмъ* (לַכֹּל) *исходъ одинъ*. праведному (לַצַּדִּיק) и нечестивому (לָרָשָׁע) и проч. לַכֹּל, לַצַּדִּיק, לָרָשָׁע и проч. стоятъ въ одной зависимости отъ מִקְרֶה לַכֹּל; какъ общее понятіе, а прочія—частныя. Неразгаданность человѣческой судьбы усиливается тѣмъ, что конецъ жизни одинъ для всѣхъ людей (смерть).

1) רַע *tristis* de animo, Притч. 25, 20,—miser, infelix Исаі. 3, 11. Іер. 7, 6 25, 7,—греч. πονηρὸς, отъ πονέω или πόνος, то, что производитъ трудъ, заботу, горе, кручину, страданіе. Отсюда לֵב־רָע *печальное сердце* (Быт. 40, 7. Неем. 2, 2), יְמֵי רָעִים *дни скорбные, полные горестей* (Быт. 47, 9).

цемъ,—смерть одинаково, безъ всякаго исключенія, постигающая всѣхъ людей, наводитъ мрачную тѣнь на все, что видимъ подъ солнцемъ, и на самыя радости жизни; *и потому сердце сыновъ человѣческихъ полно горести* [1]), *и помраченіе* [2]) *въ сердцѣ ихъ во все время, пока живутъ, а послѣ того отходятъ къ умершимъ Однакожъ, кому лучше*—живому или мертвому? [3]) *У всѣхъ живыхъ есть надежда* (что впереди будетъ лучше, если настоящее не хорошо); *ибо и псу живому лучше, чѣмъ льву мертвому* [4]). *Жи-*

....יה רָע בכל אֲשֶׁר слово въ слово: *это горько во всемъ, что дѣлается подъ солнцемъ*, т. е. это отравляетъ горечью все, что дѣлается подъ солнцемъ.

[1]) 9, 3: לֵב מָלֵא־רָע не тоже значитъ, что въ 8, 11: לֵב מָלֵא עֲשׂוֹת רָע—לַעֲשׂוֹת רָע значитъ *причинять кому скорбь, печаль, несчастіе, дѣлать зло;* מָלֵא־רָע *быть исполнену скорби, печали, несчастія.* Смыслъ этого стиха не тотъ, что, вслѣдствіе одинаковаго конца праведнымъ и нечестивымъ, люди, не видя воздаянія, предаются безумной страсти дѣлать зло. Такой смыслъ былъ бы въ очевидной дисгармоніи съ послѣдующими мыслями ст 4—6. Ходъ мыслей въ отдѣлѣ 3—6 ст. такой: хотя жизнь наша отравляется мыслію, что всѣмъ людямъ конецъ одинъ—смерть; однакожъ, кому лучше—живому или мертвому?—Безъ сомнѣнія—живому, потому что живой, какъ ни много испытываетъ скорбей, все—питается надеждою, что впереди будетъ когда-нибудь лучше; а у мертваго ничего нѣтъ впереди..

[2]) הוֹלֵלוֹת LXX περιφέρεια, circumlatio, it. halucinatio; Шлейснеръ полагаетъ, что въ Еккл. 9, 3 περιφέρεια εν καρδια αὐτῶν употреблено вмѣсто παράφορα. Акила перевелъ πλάνη; Пешито словомъ означающимъ errot malus,—почти сходно съ Акилою.

[3]) Ст. 4. LXX Ὅτι τίς ὃς κοινωνεῖ προς πάντας τοῦς ζῶντας; ἔστιν ἐλπίς. Переводъ этотъ не даетъ ясной мысли и едвали возможно согласить его съ контекстомъ рѣчи. Евр. בָּחַר знач. *испытывать, избирать, предпочитать что чему;* въ страд ф. *быть лучше чѣмъ* (прич. *превосходный*) *быть пріятнымъ кому, предпочтеннымъ, избраннымъ.* מִי אֲשֶׁר יִבָּחֵר *кто тотъ, который предпочитается? кто тотъ, кому лучше?* или просто: *кому лучше?*

[4]) На востокѣ собака считалась самымъ презрѣннымъ животнымъ, левъ—самымъ важнымъ и сильнымъ (Притч. 30, 30. Іов. 28, 8. 41, 26. Plin. H. N. 10, 24). Не смотря на это, трупу мертваго льва меньше оказывается уваженія, чѣмъ живой собакѣ.

вые знаютъ, что умрутъ; а мертвые ничего не знаютъ, и уже нѣтъ имъ воздаянія, потому что и память о нихъ предана забвенію. И тѣ чувства, которыми человѣкъ находитъ удовольствіе или неудовольствіе въ чемъ,—*любовь, ненависть, зависть,—исчезли уже въ нихъ; и нѣтъ имъ болѣе доли во вѣки ни въ чемъ, что дѣлается подъ солнцемъ* (3—6).

Чтожъ изъ этого слѣдуетъ? Если послѣ смерти нѣтъ уже человѣку никакой доли въ жизни; то слѣдуетъ не предаваться тревогамъ въ виду неизвѣстнаго будущаго, а наслаждаться благами жизни, какія Богъ даетъ человѣку за трудъ его. *Иди, ѣшь съ веселіемъ хлѣбъ твой и пей въ радости сердца вино твое, когда Богъ благоволитъ къ дѣламъ твоимъ* [1]). *Во всякое время да будутъ одежды твои бѣлы и да неоскудѣваетъ елей на головѣ твоей. Наслаждайся жизнію съ женою, которую любишь, во всѣ дни суетной жизни твоей, которую далъ Онъ тебѣ на всѣ суетные дни твои. Ибо это часть твоя въ жизни и въ трудѣ твоемъ, какимъ ты трудишься подъ солнцемъ. Все, что рука твоя можетъ дѣлать, по силамъ твоимъ дѣлай; потому что въ шеолѣ, куда ты отойдешь, нѣтъ ни работы, ни размышленія, ни знанія, ни мудрости* (7—10).

5) Какъ ни скромно благо, проповѣдуемое Соломономъ, для того чтобы обладать имъ, чтобы пользоваться *своею долею* въ жизни и въ трудахъ своихъ, необходимо имѣть какой либо успѣхъ и въ дѣлахъ своихъ и въ общественномъ положеніи, въ послѣднемъ—покрайней мѣрѣ на столько, чтобъ оно не

---

1) כִּי כְבָר רָצָה הָאֱלֹהִים אֶת־מַעֲשֶׂיךָ *когда уже* (כְּבָר) *Богу пріятны* (רָצָה) *дѣла твои.* רָצָה *быть хорошо расположену къ кому, принимать благосклонно* (Пс. 48, 14. 146, 10. Ис. 42 1. Іов. 14, 6). Такъ употребляется о Богѣ, милостиво принимающемъ жертву и молитву (Пс. 50, 18. Іов. 33, 26. Іезек. 20, 40). А Богъ благоволитъ только къ доброму предъ лицемъ Его (Екк. 2, 26). Поэтому, рекомендуемое здѣсь наслажденіе благами жизни условливается добродѣтелію, благочестіемъ, праведностію.

*

препятствовало намъ спокойно пользоваться своею долею. Но при существующемъ строѣ общества, управляемаго волею правителей, состоящаго изъ многочисленной массы людей, пользующихся не одинаковымъ вѣсомъ и значеніемъ въ немъ, съ различными симпатіями и антипатіями, съ разнообразными стремленіями и дѣйствіями,—это съ одной стороны, съ другой—при непостижимости дѣйствій божественнаго промышленія, управляющаго дѣлами человѣческими и владычествующаго надъ всѣмъ міромъ, образуется для человѣка такое положеніе, что успѣхъ его въ дѣлахъ и въ общественныхъ отношеніяхъ зависитъ не столько отъ его труда и усилій, отъ его способностей и достоинствъ, сколько отъ времени и случая. *И обратился я,* говоритъ Соломонъ, *и увидѣлъ, что не проворнымъ достается успѣшный бѣгъ; не храбрымъ—побѣда, не мудрымъ—хлѣбъ, и не разумнымъ — богатство, и не искуснымъ — благорасположеніе, но всѣ зависятъ отъ времени и случая* (9, 11). Пришлось ко времени извѣстное предпріятіе или дѣло,—будетъ успѣхъ; не во время предпринято или сдѣлано, успѣха не будетъ. Выпалъ случай, что на дѣло наше обратили вниманіе,—успѣхъ не сомнѣненъ; не выпало такого случая, нашихъ великихъ подвиговъ, нашихъ высокихъ достоинствъ никто не знаетъ. Одному покровительствуетъ начальникъ, и—онъ получаетъ мѣста, должности, отличія; а другой гораздо достойнѣе его, но не пользуется такимъ покровительствомъ, и потому идетъ ниже того или совсѣмъ забывается. Мало этого. *Такъ какъ человѣкъ не знаетъ своего времени,* не знаетъ, когда то или другое его предпріятіе или дѣло, въ частной ли жизни или общественной, можетъ имѣть успѣхъ и пользу, и когда тоже или другое предпріятіе можетъ послужить ему во вредъ и произвесть несчастныя послѣдствія; то не только не достигаетъ ожидаемаго успѣха, но, дѣйствуя не впопадъ, вмѣсто блага, не рѣдко пожинаетъ зло. *Какъ рыбы,* говоритъ Со-

ломонъ, *попадаются въ пагубную сѣть, какъ птицы запутываются въ силкахъ, такъ сыны человѣческіе уловляются въ бѣдственное время* (לְעֵת רָעָה), *постигающее ихъ неожиданно* (9, 12). Въ послѣднемъ отдѣлѣ своего разсужденія (9, 11—12, 8), Соломонъ, представляя общіе примѣры зависимости человѣка отъ времени и случая, даетъ своимъ подданнымъ наставленія: А) какъ избѣгнуть самыхъ опасныхъ случайностей, какія могутъ быть въ политическомъ быту, способныхъ при настоящемъ положеніи дѣлъ въ государствѣ не только повредить успѣху въ жизни, но и навлечь самое тяжелое несчастіе (9, 13—10, 20); и Б) какъ поступать въ частной своей жизни, чтобы обезпечить себя на случай не предвидѣннаго бѣдствія (11, 1—3) и достигнуть потребнаго успѣха въ своихъ дѣлахъ и наслажденіи благомъ жизни (11, 4—12, 8).

А. а) Казалось бы, что въ жизни важнѣе, какъ мудрость, и кому бы въ общежитіи больше пользоваться вниманіемъ и вліяніемъ на другихъ, какъ не мудрому; однако жъ, если мудрый—бѣднякъ, то нуженъ особый случай, чтобъ обратили на него вниманіе. *Видѣлъ я*, говоритъ Соломонъ, *такую мудрость подъ солнцемъ, и она показалась мнѣ важною. Къ одному не большому городу подступилъ сильный царь, обложилъ его и произвелъ большія осадныя работы. Въ городѣ людей находилось не много* и, слѣдовательно, спасенія ему не было. *Но нашелся одинъ мудрый бѣднякъ, и спасъ онъ городъ своею мудростію*; а до того времени *никто не думалъ* [1]) *объ этомъ бѣдномъ человѣкѣ. Я и*

---

[1]) זָכַר у пашего пасателя съ предлогомъ אֵת значитъ *имѣть въ мысляхъ кого, что,—помышлять, думать о комъ, о чемъ Помни* (אֵת) *Создателя твоего* (12, 1); *и пусть помышляетъ о дняхъ* (אֵת יְמֵי) *темныхъ, которыхъ будетъ много* (11, 8). Съ предлог. לְ значитъ *вспоминать о чемъ, помнить прошедшее. Нѣтъ памяти о прежнемъ,* לָרִאשֹׁנִים (1, 11), *не будутъ помнить мудраго* (לְחָכָם) *вѣчно* (2, 16). Поэтому въ 9, 15 וְאָדָם לֹא זָכַר

думаю: мудрость лучше силы; однакожъ мудрость бѣдняка мало цѣнится и на слова его не обращаютъ вниманія [1]), хотя *слова мудрыхъ, спокойно высказываемыя, внушительнѣе, чѣмъ крикъ глупаго властелина* [2]) (13—17).

б) Въ обществѣ гражданскомъ, гдѣ люди управляются одною волею властелина, судьба какъ всѣхъ, такъ и каждаго, зависитъ отъ свойства этого властелина, такъ что и самая мудрость уступаетъ властной силѣ. Но каковъ бы ни былъ этотъ властелинъ, для собственнаго спокойствія и благополучія, въ обращеніи съ нимъ должно избѣгать опасной раздражительности. *Мудрость*, говоритъ Соломонъ, *сильнѣе воинскихъ орудій*, какъ это показываетъ примѣръ мудраго бѣдняка, спасшаго городъ, находившійся въ осадѣ; *но одинъ сбившійся съ истиннаго пути* (חוֹטֵא *грѣшникъ*) начальникъ *можетъ погубить* въ обществѣ *много добраго*, что пріобрѣтено или сдѣлано для него мудрыми (9, 18). *Мертвая муха* (что можетъ быть ничтожнѣе!) *портитъ и дѣлаетъ зловонною благовонную масть мирозарника; такъ точно не большая даже глупость властелина* (сн. 9, 17 и 10, 4) *больше имѣетъ успѣха въ томъ, чтобы сдѣлать зло, чѣмъ люди мудрые и*

אֶת—הָאִישׁ *и* (хотя) *никто не помышлялъ, не имѣлъ въ мысляхъ человѣка того бѣднаго*—выражаетъ не ту мысль, что граждане оказались къ мудрому бѣдняку, спасшему городъ, не благодарными, а ту, что до того времени на него, какъ на бѣднаго, никто не обращалъ вниманія, хотя онъ былъ и мудрый человѣкъ. Слч. ст. 16.

[1]) שָׁמַע первонач. знач. notare, ad notas rei attendere, animum advertere, percipere, потомъ audire, auscultare, exaudire, dicto audientem esse, intelligere (Ср. *Fürst*, L. S. Concord. p. 1169).

[2]) מוֹשֵׁל בַּכְּסִילִים princeps inter stultos i. e. qui inter stultos numerandus est, princeps stultus. Такъ въ Пс. 117, 7: יְהוָה בְּעֹזְרָי *Іегова между помогающими мнѣ, т. е. Іегова помощникъ мой.* Подобн. обор. Суд. 11, 15. 3 Цар. 2, 7. Пс. 53, 6. 98, 6. Іов. 24, 13.

почтенные въ томъ, чтобы сдѣлать добро [1]). *Мудрый всегда держится правой стороны, а глупый—лѣвой. За что бы онъ ни взялся, ни на что не достанетъ у него смысла; а между тѣмъ*, воображая себя одного умнымъ, *всякому готовъ сказать, что онъ глупъ.* Однакожъ, *если* на̀ѣвъ глупаго *властелина* (сн. 9, 17) *вспыхнетъ на тебя, не выходи изъ себя, потому что кротость предотвращаетъ большіе проступки*, могущіе произойти изъ обоюдной раздражительности (10, 1—4).

в) *Отъ своеволія правителей происходитъ* часто *то зло, какое*, говоритъ Соломонъ, *видѣлъ я подъ солнцемъ*, что люди занимаютъ общественныя мѣста и должности не по своему достоинству. *Люди глупые* (סִכְלוּת вм. סָכָל stultus, abstr. pro concreto) *поставляются на высокихъ мѣстахъ* (בַּמְּרוֹמִים רַבִּים in altitudinibus magnis), занимаютъ въ государствѣ почетныя должности, а *люди знатные*, благородные (עֲשִׁירִים) [2]) *сидятъ низко*; *рабы*—люди не достойные, низкіе, *ѣздятъ на коняхъ*, а *князья, подобно рабамъ, ходятъ пѣшкомъ* (5—7). Однакожъ, если бы кто этому не справедливому и извращенному порядку

[1]) 10, 1. זְבוּבֵי съ сказуемымъ въ единств. числѣ יַבְאִישׁ и יָבִיעַ принимается въ смыслѣ раздѣлительномъ: *каждая порознь муха*, одна муха. Подобн. Быт. 27, 29. Исх. 31, 14. Пс. 118, 137. См. еврейск. грамматик. *Штейнберга* § 354. в. Второе полустишіе слово въ слово можетъ быть переведено такъ: *глупость не большая* (סִכְלוּת מְעַט) *имѣетъ силы* (יֵקָר ponderosus, gravis, multum valens, schwer, gewichtig, wichtig, см. *Гейлиштедтъ* Comment. ad Eccles 10, 1) *больше, чѣмъ мудрость* (מֵחָכְמָה) *чѣмъ честь* (מִכָּבוֹד), т. е. больше можетъ имѣть успѣха въ томъ, чтобы сдѣлать вредъ, чѣмъ люди мудрые и почтенные (abstr. pro concr.) въ томъ, чтобы сдѣлать добро. Оба полустишія стоятъ въ параллели: муха=глупость, благовонная мазть мироварника=мудрость и честь или то, что ими производится.

[2]) Отъ עָשַׁר rectum, erectum, отсюда felicem, fortunatum, divitem esse. См. *Furst*, L. S. Concord. p. 878. עָשִׁיר dives in bonam partem, *ingenuus, nobilis*, *Heiligst.* Comment. ad. h. l. p. 361.

вещей захотѣлъ воспротивиться и противодѣйствовать, тотъ только себя подвергнетъ опасности и можетъ испытать несчастіе, но ничего не успѣетъ. *Кто копаетъ яму, можетъ упасть въ нее; и кто разрушаетъ стѣну, того можетъ ужалить змѣй. Кто вырываетъ камни, можетъ надсадить себя, и кто колетъ дрова можетъ занозиться* (8. 9). Вмѣсто того, чтобы поставлять себя въ совершенно излишнѣе затрудненіе и напрасно выбиваться изъ силъ, тамъ—гдѣ благоразуміе представляетъ простое и легкое средство для достиженія цѣли, гораздо лучше воспользоваться тѣмъ, что предлагаетъ благоразуміе. *Если кто притупилъ топоръ и у него не стало острія; тотъ обыкновенно размахиваетъ и напрягаетъ свои силы; но мудрость этому дѣлу лучше поможетъ*, т. е. благоразумный не станетъ понапрасну изнурять себя, онъ отточитъ лезвее топора (10).

г) Во всѣхъ дѣлахъ, тѣмъ болѣе общественныхъ, надобно прежде всего прислушиваться къ голосу людей мудрыхъ, чтобъ избѣгнуть вреда, какой можно получить отъ совѣтниковъ глупыхъ. *Если ужалитъ змѣй прежде заговариванія, то заклинатель не принесетъ никакой пользы* [1]). *Совѣты мудраго—благодать*, пріятны и полезны; *а то, что говоритъ глупый, говоритъ на погибель себѣ самому. То, чѣмъ онъ начинаетъ рѣчь свою*—нелѣпые толки о положеніи вещей, о царѣ, о правителяхъ, о народныхъ бѣдствіяхъ и проч.,—лишено

---

[1]) Ст 11. *Если ужалитъ змѣй прежде заговариванія, то пѣтъ* (יְאִין) *успѣха* (יִתְרוֹן) *заклинателю* (לְבַעַל הַלָּשׁוֹן), тому кто обладаетъ искусствомъ заговариванія змѣй, дѣлающимъ ядъ ихъ безвреднымъ. בַּעַל לָשׁוֹן possessor, dominus linguae, подобно какъ 7, 12 possessor sapientiae, 8, 8 possessor impietatis.

всякой разсудительности—*глупость*; *а то, къ чему сводитъ рѣчь свою* (אַחֲרִית), возбуждая слушающихъ его къ возмущенію, къ возстанію противъ царя и законнаго порядка,—*есть гибельное безуміе* (הוֹלֵלוֹת רָעָה). *Много говоритъ онъ* о всемъ, касающемся существующаго порядка, и того, какъ исправить настоящее положеніе вещей, *хотя ни одному человѣку не извѣстно, что будетъ впереди, и нѣтъ никого, кто бы показалъ ему, что будетъ послѣ него* [1]). Этотъ напрасный *трудъ глупыхъ* совѣтниковъ (ажитаторовъ) *тягостенъ* особенно *для тѣхъ, кто не знаетъ дороги въ городъ* [2]), для людей простыхъ, которые живутъ въ деревняхъ и не могутъ сами удостовѣриться въ дѣйствительномъ положеніи вещей, которое извѣстно въ городѣ, гдѣ живетъ правительство и люди близкіе къ нему (11—15).

д) Надобно всячески быть осторожнымъ въ словахъ на счетъ царя и людей знатныхъ, хотя бы они были самыми худыми правителями. *Горе тебѣ, страна, когда царь у тебя мальчикъ* (נַעַר) *и князья твои пьютъ рано! Счастлива ты, страна, когда царь у тебя мужъ благородный, и князья твои пьютъ во время, для подкрѣпленія себя, а не для упоенія! Но хотя бы отъ лѣности правителей рушилось царство и отъ роскоши ихъ истощилась казна, даже въ мысляхъ тво-*

---

[1]) Что въ изображеніи глупаго въ настоящемъ мѣстѣ (10, 12—15) надобно разумѣть не глупца вообще, а глупыхъ совѣтниковъ, ажитировавшихъ народъ во время нестроенія, происходившаго въ послѣдніе годы правленія Соломона, можно видѣть изъ снесенія ст. 14 съ 8, 7. 6, 11. 12. 7, 14, отчасти и изъ сличенія съ послѣдующими стихами 16—20 настоящей главы.

[2]) Ст. 15 LXX перевели. Μόχθος τῶν ἀφρόνων κοπώσει αὐτόν, ὃς οὐκ ἔγνω τοῦ πορευθῆναι εἰς πόλιν. Вульгата: Labor Stultorum affliget eos, qui nesciunt in urbem pergere. *Гейлигштедтъ.* Labor Stultorum fatigat eum, qui nescit ire ad urbem.

ихъ остерегайся злословить царя и въ спальной комнатѣ твоей порицать знатнаго; потому что птица небесная перенесетъ слово, и крылатая перескажетъ рѣчь твою (16—20).

Б. а) Если не знаешь, какая бѣда (רָעָה слч. 9, 12) будетъ на землѣ, то старайся напередъ какъ можно болѣе своею благотворительностію снискать благосклонность у людей, что бы въ случаѣ бѣды воспользоваться ихъ помощію. *Брось хлѣбъ твой на поверхность воды, потому что, по прошествіи многихъ дней, опять найдешь его. Удѣли отъ своего достоянія семерымъ и даже осмерымъ* [1]) (бѣднымъ), *потому что не знаешь, какое бѣдствіе будетъ на землѣ* (11, 1. 2).

б) Помни напередъ, что когда прійдетъ время бѣды, не можешь ни отвратить, ни измѣнить его. *Когда облака будутъ полны, то они прольютъ на землю дождь; и если упадетъ дерево на югъ или на сѣверъ, то оно тамъ и останется, куда упадетъ* (3).

в) Такъ какъ ты не знаешь своего времени, то не выжидай болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ для дѣла твоего, чтобы не остаться тебѣ безъ дѣла и безъ пользы отъ него. *Кто наблюдаетъ вѣтеръ, тому не сѣять; и кто смотритъ на облака, тому не жать* (4).

г) *Такъ какъ ты не можешь знать дѣйствованіе* (אֵת־מַעֲשֵׂה) *Бога, Который все дѣлаетъ, какъ не знаешь путей вѣтра и того, какъ образуются кости во чревѣ беременной*; то пользуйся всякимъ временемъ для своего дѣла, чтобъ имѣть вѣрный успѣхъ въ трудѣ своемъ. *Утромъ сѣй сѣмя твое, ивечеромъ не давай отдыха рукѣ твоей; потому что ты не знаешь,*

---

[1]) *Семи* и *осьми*—числа опредѣленныя вмѣсто не опредѣленнаго множества, подобн Мих. 5, 4.,—т. е. *бѣднымъ людямъ*, ср. 1 Цар. 18, 7. Исаі. 37, 36. Пс. 90, 7., гдѣ также стоятъ однѣ числительныя безъ существительныхъ.

то или другое будетъ удачнѣе, или то и другое будетъ равно хорошо (5. 6).

д) Какъ всему есть свое время, такъ и радостямъ жизни —время только въ этой жизни; потому, старайся воспользоваться ими въ продолженіе всей этой жизни, пока не наступили дни темные—послѣ смерти, въ шеолѣ. *Сладокъ свѣтъ, и пріятно для глазъ видѣть солнце. Если человѣкъ проживетъ и много лѣтъ, то пусть веселится въ продолженіе всѣхъ ихъ, и пусть помнитъ о дняхъ темныхъ, которыхъ будетъ много; все, что будетъ, покрыто мракомъ!* (7. 8).

е) И такъ какъ, наконецъ, въ жизни самая лучшая пора для наслажденія благами ея есть юность, за которою слѣдуетъ старость, не способная къ наслажденію; то *веселись, юноша, въ молодости твоей, ходи по путямъ сердца твоего и по видѣнію очей твоихъ, пока не пришли тяжелые дни старчества и не наступили годы, о которыхъ будешь говорить: „нѣтъ мнѣ удовольствія въ нихъ“. Только знай, что за все это Богъ приведетъ тебя на судъ*, чтобы воздать тебѣ по дѣламъ твоимъ. *И такъ, удаляй отъ сердца твоего все, что можетъ производить въ немъ скорбь, и отъ тѣла твоего—что можетъ причинять ему вредъ; и помни Создателя твоего отъ* самыхъ раннихъ *дней юности твоей —до тѣхъ поръ, пока не разрушится бренный составъ тѣла твоего, когда прахъ обратится въ землю, чѣмъ онъ и былъ, а духъ возратится къ Богу, который далъ его* (11, 9—12, 8).

Мы изложили содержаніе разсматриваемой нами книги, стараясь по возможности передать его съ буквальною точностію и только въ не многихъ мѣстахъ употребляя перифрастическое выраженіе текста. Читателю могло показаться стран-

нымъ, что, приближаясь въ своемъ изслѣдованіи къ изложенію этаго содержанія, мы позволили себѣ нарицательное наименованіе—*Екклезіастъ* замѣнить собственнымъ именемъ —*Соломонъ*, прежде чѣмъ логическій порядокъ дѣла давалъ намъ на это право. Насъ могутъ упрекнуть въ логической не послѣдовательности и заподозрить въ предубѣжденіи на счетъ лица, разсуждающаго въ разсматриваемомъ нами произведеніи, послѣ того какъ мы предположили содержаніемъ книги показать, что разсуждающій въ ней не кто другой, какъ Соломонъ, т. е. изъ содержанія книги вывесть заключеніе, что въ ней разсуждаетъ Соломонъ. Но мы поступили такъ не вольно. Содержаніе книги такъ прямо идетъ къ лицу Соломона въ извѣстномъ историческомъ его положеніи, такъ живо воспроизводитъ въ нашемъ представленіи это положеніе, сложившееся для него въ послѣдніе годы его правленія, что безъ имени Соломона оно не мыслимо, какъ въ логическомъ предложеніи сказуемое безъ своего подлежащаго, и не можетъ быть понято во всѣхъ подробностяхъ его. Имя Соломона даетъ ключь къ разумѣнію содержанія нашей книги.

Чтожъ теперь, какой общій видъ представляетъ намъ это разсужденіе объ истинномъ благѣ въ устахъ Соломона?— Очевидно, это не записки Соломона для своихъ кабинетныхъ размышленій, не замѣтки для себя, а живая рѣчь для публики, обращенная царемъ прямо и непосредственно къ своему народу. Одно выраженіе въ нашей книгѣ 9, 7: *иди* (לֵךְ), [1])

---

[1]) לֵךְ. Розенмиллеръ (Schol. Kohel. ad 9, 7) принимаетъ этотъ глаголъ въ значеніи заключительнаго союза: *и такъ* (ergo), ссылаясь на Быт. 19, 32. Осі. 6, 1. Пс. 33, 12, гдѣ этотъ же глаголъ въ повелительной формѣ употребляется въ подобн. сочетаніи съ другими глаголами. Но во всѣхъ этихъ мѣстахъ онъ выражаетъ побужденіе къ движенію съ мѣста. На прим. дочь Лота

ѣшь съ веселіемъ хлѣбъ твой и проч., даетъ поводъ думать, что эта живая проповѣдь сказана была Соломономъ въ народномъ собраніи. Отсюда объясняется и его названіе себя Когелетомъ, קֹהֶלֶת [1]): *я, Когелетъ, былъ царемъ надъ израилемъ въ Іерусалимѣ* (1, 12). *Когелетъ*, по изъясненію бл. Іеронима, означаетъ публичнаго оратора, говорящаго въ народномъ собраніи [2]). Наша книга такимъ образомъ есть ораторская рѣчь или проповѣдь.

Этотъ формальный характеръ нашей книги не составляетъ какой либо исключительности, только ей одной принадлежащей между священными произведеніями библейской Литературы. Обычай народныхъ правителей созывать народъ и говорить въ публичномъ собраніи является въ еврейской исторіи весьма рано и продолжается до послѣднихъ временъ политическаго

говоритъ сестрѣ своей: *пойдемъ*, напоимъ отца нашего виномъ (Быт. 19, 32). Надобно было дѣйствительно пойти, чтобы сдѣлать это.

[1]) קָהַל *собирать народъ, созывать народное собраніе*: Лев. 8, 3. Числ. 1, 18. 8, 9. 10, 7. Втор. 4, 10. Іис. 18, 1. 3 Цар 8, 1. קָהָל *народное собраніе* 3 Цар. 8, 14. 65. Пс. 21, 23. 34, 18. 39, 10. קְהִלָּה тотъ кто собираетъ, созываетъ къ себѣ народъ; образов. под סִפְרַת (Ездр 2, 55 Неем. 7, 57), פְּכֶרֶת (Ездр. 2, 57. Неем. 7, 59.), מִסְפֶּרֶת (Неем. 7, 7). Въ 7, 27 слѣдуетъ читать: אָמַר הַקֹּהֶלֶת. Членъ ה употребленъ здѣсь редакторомъ для усиленія особеннаго значенія въ книгѣ этаго мѣста.

[2]) קֹהֶלֶת встрѣчается только въ нашей книгѣ и больше нигдѣ ни въ древней, ни въ новой еврейской литературѣ. Греческое Ἐκκλησιαστὴς у классиковъ знач. присутствующій, говорящій въ народномъ собраніи, ораторъ, витія народнаго собранія. Plat. Apol 25, a. Arist. Rhet. 1, 1. Въ этомъ значеніи бл. Іеронимъ объясняетъ и евр. קֹהֶלֶת: Coeleth i. e. Ecclesiastes. Ἐκκλησιαστὴς autem graeco sermone appellatur, qui coetum i. e. ecclesiam congregat, quem nos nuncupare possumus concionatorem, eo quod loquatur ad populum, et sermo ejus non specialiter ad unum, sed ad universos generaliter dirigatur. Comment. in Ecclesiast. ad 1, 1.

существованія его. Такъ, Моисей *созываетъ всѣхъ старѣйшинъ* сыновъ Израилевыхъ для объявленія чрезъ нихъ еврейскому народу опредѣленія Іеговы объ изведеніи его изъ Египта (Исх. 4, 30). Онъ же *собираетъ все общество сыновъ израилевыхъ* для объявленія ему заповѣдей и постановленій Іеговы (35, 1); предъ окончаніемъ своего служенія нѣсколько разъ *созываетъ весь народъ израильскій* и въ пространныхъ рѣчахъ излагаетъ предъ нимъ исторію избавленія его изъ Египта, благодѣянія и законоположенія Іеговы, будущія судьбы народа и наконецъ послѣднее прощальное завѣщаніе свое (Втор. 5, 1. 29, 2. 31, 28. 30). Іисусъ Навинъ предъ смертію своею дважды созывалъ народъ и говорилъ предъ собраніемъ его рѣчи, въ которыхъ увѣщавалъ хранить завѣтъ Іеговы (Іис. 23, 2. 24, 1). Самуилъ созывалъ народъ и въ рѣчахъ своихъ говорилъ ему о правахъ царскихъ (1 Цар. 10, 17), о своемъ управленіи и проч. (12, 1). Соломонъ созывалъ народъ предъ освященіемъ построеннаго имъ храма и въ рѣчи своей, обращенной къ *собранію Израильтянъ*, объяснялъ побужденіе, по коему онъ принялъ на себя сооруженіе храма (3 Цар. 8, 1 сн. 2. 14. 15—21). Этотъ обычай народныхъ правителей продолжался и послѣ плѣна вавилонскаго. По случаю открывшагося въ народѣ ропота на лихоимство начальствующихъ и богачей, Неемія созываетъ *большое собраніе* и говоритъ предъ нимъ рѣчь объ обидахъ, чинимыхъ народу своими братьями іудеями, между прочимъ, выставляя себя въ примѣръ безкорыстія (Неем. 5, 7—19). Публичная рѣчь процвѣтала у евреевъ особенно въ пророческій періодъ. Всѣ проповѣди пророковъ, заключающіяся въ пророческихъ книгахъ ветхаго завѣта, по формѣ своей суть не что иное, какъ ораторскія рѣчи, говоренныя по случаю разныхъ обстоятельствъ въ жизни еврейскаго народа. Къ этому же роду публичнаго—ораторскаго, боговдохно-

веннаго витійства относится и разсматриваемое нами произведеніе Соломона.

Послѣ этого мы не вправѣ смотрѣть на него, какъ на чисто философское разсужденіе, и примѣнять къ нему формальныя требованія, свойственныя послѣднему. Это замѣчаніе особенно важно въ томъ случаѣ, когда идетъ рѣчь о логическомъ построеніи этого произведенія. Риторы строго отличаютъ построеніе ораторской рѣчи отъ построенія философскаго разсужденія. Философское разсужденіе, полагая въ основѣ своей логическое понятіе о предметѣ, всѣ частныя стороны, съ которыхъ разсматриваетъ свой предметъ, всѣ части трактаціи о немъ, выводитъ изъ этого логическаго понятія. И ораторъ также въ основѣ своего разсужденія полагаетъ логическое понятіе о предметѣ; но стороны, съ которыхъ раскрываетъ это логическое понятіе о предметѣ, беретъ не изъ него: онѣ обыкновенно указываются или назначаются оратору внѣшними историческими обстоятельствами, вызвавшими его на ораторскую трибуну. Отсюда ясно, что ораторская рѣчь не можетъ быть понята до тѣхъ поръ, пока не будутъ открыты и выяснены историческія обстоятельства ея; планъ ея всегда будетъ загадочнымъ, она можетъ даже показаться безсвязнымъ произведеніемъ, не имѣющимъ никакого плана, если въ изложеніи содержанія ея будемъ искать построенія, свойственнаго отвлеченному философскому разсужденію. Этимъ замѣчаніемъ объясняются всѣ неудачи, какія изслѣдователи и экзегеты доселѣ испытывали, стараясь опредѣлить составъ и планъ нашей книги. Относясь къ ней съ требованіями отвлеченнаго философскаго разсужденія, экзегеты прежде всего встрѣчали затрудненія въ установленіи начала для раздѣленія ея на части. Яснымъ доказательствомъ этого

служитъ то, что всѣ существующіе опыты разчлененія ея такъ далеко расходятся между собою, что, по словамъ Вильмара и Генгстенберга, можно указать почти столькоже различныхъ дѣленій книги, сколько было изъяснителей ея. Далѣе, подводя всѣ высказываемыя въ ней мысли и сужденія подъ одно логическое понятіе о предметѣ, въ ней трактуемомъ, экзегеты всегда находили въ ней разногласія и противорѣчія. Что бы объяснить ихъ, прибѣгали къ разнымъ предположеніямъ о составѣ книги. Одни думали, что она построена въ формѣ діалога, въ которомъ защищаются два противоположные взгляда на міръ и жизнь (*Гердеръ, Ейхгорнъ*), спорятъ между собою о счастіи истинная мудрость и ложная (*Шенкель*). Другіе въ расположеніи содержанія ея видѣли діалектическій методъ, коимъ авторъ будто бы, подобно Декарту, доходилъ до высказываемыхъ имъ положеній чрезъ сомнѣніе и отрицаніе. Третьи, наконецъ, приходили къ убѣжденію, что она не имѣетъ никакого плана, заключая въ себѣ сплоченіе разныхъ міровоззрѣній, принадлежащихъ различнымъ мудрецамъ древности (*Дедерлейнъ, Павлюсъ, Нахтигаль*), или совокупленіе разныхъ кабинетныхъ замѣтокъ, дѣланныхъ однимъ лицемъ въ разное время и въ различныхъ состояніяхъ души (*Штейдлинъ, Вистонъ, Шмидтъ, Блохъ*), или представляя такое сочиненіе, приступая къ которому, авторъ не только не обдумалъ плана, но не выработалъ и взгляда на свой предметъ, который выяснялся для него только по мѣрѣ приближенія къ концу (*Гитцигъ*). Между тѣмъ, представляя это произведеніе ораторскою рѣчью, обращенною къ народу въ извѣстныхъ обстоятельствахъ, мы не встрѣчаемъ въ немъ ни разногласій, ни противорѣчій, не видимъ въ немъ ни діалога, ни діалектическаго метода; въ техническомъ отношеніи оно является для насъ замѣчательно—стройнымъ произведеніемъ, въ коемъ трактуемый предметъ раскрывается съ

тѣхъ сторонъ, какія указывались историческими обстоятельствами.

Свойствомъ рѣчей подобнаго рода объясняются и тѣ особенности въ дикціи этаго произведенія, которыя представляютъ не маловажныя затрудненія при изъясненіи его. Когда мы слушаемъ говорящаго, то мысль его понимаемъ не изъ однихъ словъ, но и изъ жестовъ (выраженій лица, движенія рукъ и положенія вообще цѣлаго корпуса), сопровождающихъ оныя. Подобнымъ образомъ, пользуясь своимъ положеніемъ, непосредственно обращеннымъ къ слушателямъ, Ораторъ часто не имѣетъ надобности каждую мысль облекать въ такія логическія опредѣленія и реторическія формы, которыя необходимы въ философскомъ разсужденіи: для Оратора весьма часто бываютъ достаточны одни намеки на извѣстные предметы, случаи, дѣйствія и лица, чтобы слушатели поняли его; а иногда они только и умѣстны, чтобы наготою рѣчи не возмутить вниманія слушателей. Въ разсужденіи той рѣчи, о которой мы говоримъ, это замѣчаніе должно считаться особенно важнымъ, если обратимъ вниманіе на то, что въ ней Соломонъ является адвокатомъ не за чужое дѣло, а за свое собственное, не за другихъ, а за самаго себя,—является предъ своими подданными, недовольными его правленіемъ и втайнѣ уже предназначившими ему преемника. Отсюда становятся для насъ понятными:

1. Встрѣчающіяся въ нашей книгѣ не-домолвки, недосказанія, называемыя въ ораторскомъ искуствѣ фигурою умолчанія, ἀποσιώπησις, какъ наприм. 2, 12: *ибо что за человѣкъ, который заступитъ мѣсто царя,—тотъ, котораго уже избрали?...* или 8, 2: *Я... слово царское храни и проч.* Подобныя недомолвки употребляются въ ораторскихъ рѣчахъ, когда полное выраженіе мысли оратора представляется почему либо

не удобнымъ, а между тѣмъ мысль, выраженная фигурою *умолчанія*, производитъ въ слушателяхъ глубокое впечатлѣніе, заставляющее ихъ вдуматься въ то, что не досказано. Въ обоихъ указанныхъ выраженіяхъ не трудно понять то чувство, съ какимъ они высказаны: въ первомъ глубокая иронія надъ тѣмъ, что̀ сдѣлали подданные; во второмъ глубокое сознаніе своего нравственнаго паденія.

2. Намеки на факты и дѣйствія совершившіеся или совершающіеся на глазахъ слушателей, и потому для нихъ совершенно понятные; большею частію эти намеки дѣлаются чрезъ перенесеніе частныхъ случаевъ изъ современной жизни въ область общихъ фактовъ и общаго сознанія. Таковы наприм. намеки Соломона на Іеровоама (4, 13—16), на разные толки о исправленіи существующаго порядка (6, 11), на обличительныя сужденія строгихъ ревнителей нравственности, (7, 15—19), на людскіе пересуды, ходившіе въ народѣ на счетъ жизни царя (7, 21), на свою страсть къ женщинамъ (7, 26), на нечестивыхъ правителей своего времени (8, 9, 9, 18, 10, 1—4), на легкомысленныхъ ажитаторовъ (10, 11—15) и др.

3. Энигматическій, приточный образъ выраженія, составляющій отличительный характеръ дидактической рѣчи временъ Соломоновыхъ, въ нашей книгѣ встрѣчающійся часто тамъ, гдѣ даются политическія предостереженія, практическіе совѣты и нравственныя наставленія; наприм. 10, 8—11. 11, 1—7. 4, 6. 6, 7. 7, 1—6. и др.

4. Часто встрѣчающіеся афоризмы; они считаются наиболѣе свойственными живой рѣчи, и особенно рѣчи человѣка, достигшаго старческаго возраста, богатаго наблюденіемъ и

опытами жизни; напр. 1, 4—9. 3, 1—8. 4, 9—12. 17. 5, 1—6. 8—11. 7, 9—22 и др.

5. Вообще отрывочный, эпизодическій складъ рѣчи; въ ней нѣтъ видимыхъ переходовъ отъ одного предмета къ другому, хотя между трактуемыми предметами находится самая тѣсная внутренняя связь. Обычная у нашего Оратора формула, которою онъ связываетъ послѣдующее съ предыдущимъ: *еще видѣлъ я подъ солнцемъ.*

Какую цѣль имѣлъ Соломонъ, обращаясь съ этою рѣчью къ своему народу?—Цѣль ея указывается содержаніемъ книги.

1. Опредѣляя, въ чемъ состоитъ истинное благо, Соломонъ хотѣлъ сказать народу, что настоящее положеніе его не такъ страшно и бѣдственно, какъ представляли его. Того счастія, о которомъ всѣ мечтаютъ, люди никогда не достигнутъ; а если отчасти и достигаютъ его, то оно оказывается не благомъ, а зломъ для людей, какъ видно изъ примѣра корыстолюбивыхъ богачей, не пользующихся своимъ добромъ и никогда не обладающихъ покоемъ. Истинное благо для *всѣхъ* и *всегда* возможно, и пользоваться имъ или не пользоваться не отъ кого другаго зависитъ, какъ отъ насъ же самихъ.

2. Объясняя, что мудрость, какъ необходимое руководство къ спокойной и счастливой жизни, давно потеряна людьми, и потому всѣ идутъ ложнымъ путемъ къ счастію, всѣ живутъ, руководясь въ жизни своими помыслами, своими страстями, Соломонъ хотѣлъ сказать народу, что вина происшедшаго въ государствѣ разстройства падаетъ не на него одного, а на всѣхъ. Рѣчь Соломона есть нѣкоторымъ образомъ апологія въ защиту себя и въ тоже время тонкое и сильное обличеніе современнаго общества.

3. Представляя, что все въ мірѣ и въ судьбѣ обществъ человѣческихъ совершается по волѣ Божіей, противъ которой никто итти не можетъ, Соломонъ хотѣлъ успокоить волненіе народа и направить его на путь политическаго благоразумія и покорности царю и установленному порядку.

Такимъ образомъ цѣль книги Екклезіастъ политико-нравственная. Не дивно, что Фридрихъ В., питавшій къ ней большое уваженіе, называлъ ее *зеркаломъ правителей;* мы прибавимъ: *не только правителей, но и народовъ.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Страницы.

Введеніе.—Исторія вопроса.—Пересмотръ существовавшихъ и существующихъ взглядовъ на книгу Екклезіастъ.—Несостоятельность всѣхъ новѣйшихъ ея толкованій . . . . . 1—22.

Постановка и развитіе положительныхъ доказательствъ древняго ученія о происхожденіи книги Екклезіастъ отъ царя Соломона.

1) Указаніе самой книги на ея автора въ надписаніи и эпилогѣ книги . . . . . 23—35.

2) Историческіе намеки, данные въ книгѣ Екклезіастъ и падающіе на время и обстоятельства царя Соломона. . . . . 36—99.

3) Подробное изложеніе содержанія книги Екклезіастъ въ сличеніи съ характеромъ мудрости Соломона:

Первая половина книги Екклезіастъ $1,_{2}—4,_{16}$, опредѣляющая, въ чемъ состоитъ истинное благо для человѣка . . . . . 100—135.

Вторая половина книги Екклезіастъ $4,_{17}—12,_{8}$, указывающая способы достиженія истиннаго блага. 136—180.